



# **Анализ и прогноз**

**Журнал ИМЭМО РАН**

**Analysis and Forecasting**

**IMEMO Journal**

**2019'1**

Научный сетевой журнал  
**“Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН / Analysis and Forecasting/ IMEMO Journal”**  
издается с 2019 г., выходит 4 раза в год, языки журнала – русский и английский.  
Все выпуски журнала находятся в открытом доступе.

**Свидетельство о регистрации** журнала Эл № ФС 77–76743 выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций  
16 сентября 2019 г.

**Учредитель и издатель**

Федеральное государственное бюджетное научное учреждение  
“Национальный исследовательский институт  
мировой экономики и международных отношений имени  
Е.М. Примакова Российской академии наук” (ИМЭМО РАН).

**Главный редактор:**

И.Л. Прохоренко

**Редакция:**

А.А. Алешин, А.В. Короткова (ответственный секретарь), Е.И. Матюхова,  
Е.М. Харитоновна (зам. главного редактора)

**Журнальная верстка:**

ООО «Верди»

**Верстка web-страниц:**

Е.А. Ключева, А.А. Попонин

**Дизайн обложки:**

С.В. Сафонов

**Контакты редакции:**

117997, Российская Федерация, Москва, Профсоюзная ул., д. 23  
Тел.: +7 (499) 128-8560; +7 (499) 128-1748  
e-mail: afjournal@imemo.ru

**Официальный сайт журнала:**

<https://afjournal.ru>

The scientific electronic journal  
**“Analysis and Forecasting. IMEMO Journal”**  
is published from 2019, 4 times a year in Russian and English.  
All the issues of the journal are available online with open access.

**The Registration Certificate** of the journal, EL № FC 77–76743 was issued by the Federal Communications, Information Technology and Mass Media Regulatory Authority on 16 September 2019.

**Founder and Publisher**

Federal State Budgetary Institution of Science  
“Primakov National Research Institute of World Economy  
and International Relations, Russian Academy of Sciences (IMEMO)”

**Editor-in-Chief:**

Irina Prokhorenko

**Editorial Staff:**

Alexander Aleshin, Alla Korotkova (Executive Secretary), Elizaveta Matyukhova,  
Elena Kharitonova (Deputy Editor-in-Chief)

**Layout and Design:**

Ltd Verdi

**Website Design:**

Evgenia Kliueva, Alexey Poponin

**Cover Design:**

Sergey Safonov

**Contacts:**

Russian Federation, Moscow, 117997, 23, Profsoyuznaya Str.  
Tel.: +7(499)128-8560; +7(499)128-1748  
e-mail: afjournal@imemo.ru

**Website:**

<https://afjournal.ru>

**ПРЕДСЕДАТЕЛЬ:**

**Войтоловский Ф.Г.**, д.полит.н., профессор РАН, член-корреспондент РАН, директор ИМЭМО РАН (Россия)

**ЧЛЕНЫ РЕДКОЛЛЕГИИ:**

**Арбатова Н.К.**, д.полит.н., заведующий Отделом европейских политических исследований ИМЭМО РАН

**Афонцев С.А.**, д.э.н., профессор РАН, член-корреспондент РАН, заведующий отделом экономической теории, заместитель директора ИМЭМО РАН по научной работе

**Варнавский В.Г.**, д.э.н., профессор, заведующий Сектором проблем структурной политики и конкурентоспособности Центра промышленных и инвестиционных исследований ИМЭМО РАН

**Журавлева В.Ю.**, к.полит.н., руководитель Центра североамериканских исследований ИМЭМО РАН

**Звягельская И.Д.**, д.и.н., профессор, заведующий Лабораторией “Центр ближневосточных исследований” ИМЭМО РАН

**Жуков С.В.**, д.э.н., руководитель Центра энергетических исследований, заместитель директора ИМЭМО РАН по научной работе

**Кобринская И.Я.**, к.и.н., руководитель Центра ситуационного анализа ИМЭМО РАН

**Ломанов А.В.**, д.и.н., профессор РАН, заместитель директора ИМЭМО РАН по научной работе

**Мирошниченко И.В.**, д.полит.н., доцент, заведующий Кафедрой государственной политики и государственного управления Факультета управления и психологии Кубанского государственного университета

**Портной М.А.**, д.э.н., профессор, руководитель Центра внешнеэкономических исследований ИСКРАН

**Прохоренко И.Л.**, д.полит.н., заведующий Сектором международных организаций и глобального политического регулирования Отдела международно-политических проблем ИМЭМО РАН

**Рябов А.В.**, к.и.н., доцент, руководитель отдела Группы проблем общественно-политического развития Отдела сравнительных политических исследований Центра сравнительных социально-экономических и политических исследований ИМЭМО РАН, главный редактор журнала “Мировая экономика и международные отношения”

**Семененко И.С.**, д.полит.н., член-корреспондент РАН, руководитель Центра сравнительных социально-экономических и политических исследований, заместитель директора по научной работе ИМЭМО РАН

**Соловьев Э.Г.**, к.полит.н., руководитель Центра постсоветских исследований, заведующий Сектором теории политики ИМЭМО РАН

**Федоровский А.Н.**, д.э.н., руководитель Группы общих проблем Азиатско-Тихоокеанского региона Центра азиатско-тихоокеанских исследований ИМЭМО РАН

**Фитуни Л.Л.**, д.э.н., профессор, член-корреспондент РАН, заведующий Центром глобальных и стратегических исследований, заместитель директора по научной работе Института Африки РАН

**Харитоновна Е.М.**, к.полит.н., старший научный сотрудник ОМПП ИМЭМО РАН

**Цапенко И.П.**, д.э.н., заведующий Сектором социально-экономического развития и миграционных процессов Отдела комплексных социально-экономических исследований Центра сравнительных социально-экономических и политических исследований ИМЭМО РАН

**Шаклеина Т.А.**, д.полит.н., профессор, заведующая Кафедрой прикладного анализа международных проблем Факультета международных отношений МГИМО МИД России

**CHAIRMAN:**

**Feodor Voitolovsky**, Doct. Sci. (Polit. Sci.), Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (RAS), Professor of the Russian Academy of Sciences (RAS), Director of IMEMO (Russia)

**MEMBERS:**

**Nadezhda Arbatova**, Doct. Sci. (Polit. Sci.), Head of the Department of European Political Studies, IMEMO

**Sergey Afontsev**, Doct. Sci. (Econ.), Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (RAS), Professor of RAS, Head of the Department of Economic Theory, Deputy Director, IMEMO

**Vladimir Varnavskiy**, Doct. Sci. (Econ.), Professor, Head of the Sector of Structural Policy and Competitiveness, Center of Industrial and Investment Studies, IMEMO

**Viktoriya Zhuravleva**, Cand. Sci. (Polit. Sci.), Head of the Center of North American Studies, IMEMO

**Irina Zvyagelskaya**, Doct. Sci. (Hist.), Head of the Center of the Middle East Studies, IMEMO

**Stanislav Zhukov**, Doct. Sci. (Econ.), Head of the Center of Energy Research, Deputy Director, IMEMO

**Irina Kobrinskaya**, Cand. Sci. (Hist.), Head of the Center of Situational Analysis, IMEMO

**Alexander Lomanov**, Doct. Sci. (Hist.), Professor of the Russian Academy of Sciences (RAS), Deputy Director, IMEMO

**Inna Miroshnichenko**, Doct. Sci. (Polit. Sci.), Associate Professor, Head of the Department of Public Policy and Public Administration, Kuban State University

**Mikhail Portnoy**, Doct. Sci. (Econ.), Professor, Head of the Department of External Economic Studies of the Institute for the U.S. and Canadian Studies, RAS (ISCRAN)

**Irina Prokhorenko**, Doct. Sci. (Polit. Sci.), Head of the Sector of International Organizations and Global Political Governance, Department of International Political Problems, IMEMO

**Andrey Ryabov**, Cand. Sci. (Hist.), Associate Professor, Head of the Group of the Study of Problems of Political Development, Center for Comparative Socio-Economic and Political Studies, IMEMO, Editor-in-Chief of the Journal "The World Economy and International Relations" of the Russian Academy of Science

**Irina Semenenko**, Doct. Sci. (Polit. Sci.), Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (RAS), Head of the Center of Comparative Socio-Economic and Political Studies, Deputy Director, IMEMO

**Eduard Solovyev**, Cand. Sci. (Polit. Sci.), Head of the Center of post-Soviet Studies, Head of the Sector for Political Theory, IMEMO

**Alexander Fedorovskiy**, Doct. Sci. (Econ.), Head of the Group of the Asia-Pacific Region Problems, Center of Asia Pacific Studies, IMEMO

**Leonid Fituni**, Doct. Sci. (Econ.), Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (RAS), Head of the Centre of Global and Strategic Studies, Deputy Director of the Institute for African Studies, RAS

**Elena Kharitonova**, Cand. Sci. (Polit. Sci.), Senior Researcher, Department of International Political Problems, IMEMO

**Irina Tsapenko**, Doct. Sci. (Econ.), Head of the Sector of Social and Economic Development and Migration Processes Studies, Department of Complex Socio-Economic Research, IMEMO

**Tatiana Shakleina**, Doct. Sci. (Polit. Sci.), Professor, Head of the Department of Applied International Analysis, School of International Relations, MGIMO

**Арбатов А.Г.**, д.и.н., академик РАН, руководитель Центра международной безопасности ИМЭМО РАН (Россия)

**Барановский В.Г.**, д.и.н., профессор, академик РАН, руководитель научного направления Центра ситуационного анализа ИМЭМО РАН (Россия)

**Громыко А.А.**, д.полит.н., профессор РАН, член-корреспондент РАН, директор Института Европы РАН (Россия)

**Дынкин А.А.**, д.э.н., профессор, академик РАН, президент ИМЭМО РАН (Россия)

**Иванова Н.И.**, д.э.н., профессор, академик РАН, руководитель научного направления Отдела науки и инноваций, ИМЭМО РАН (Россия)

**Королев И.С.**, д.э.н., профессор, член-корреспондент РАН, советник РАН

**Михеев В.В.**, д.э.н., академик РАН, руководитель научного направления Центра Азиатско-Тихоокеанских исследований ИМЭМО РАН (Россия)

**Наумкин В.В.**, д.и.н., профессор, академик РАН, научный руководитель Института востоковедения РАН (Россия)

**Рогов С.М.**, д.и.н., профессор, академик РАН, научный руководитель Института США и Канады РАН (Россия)

**Сюэтун Янь**, Ph.D (Polit. Sci.), директор Института международных отношений Университета Цинхуа (Китай)

**Alexey Arbatov**, Doct. Sci. (Hist.), Full Member of the Russian Academy of Sciences, Head of the Center of International Security, IMEMO (Russia)

**Vladimir Baranovsky**, Doct. Sci. (Hist.), Professor, Full Member of the Russian Academy of Sciences, Head of Research of the Center of Situational Analysis, IMEMO (Russia)

**Alexey Gromyko**, Doct. Sci. (Polit. Sci.), Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (RAS), Professor of the Russian Academy of Sciences (RAS), Director of the Institute of Europe, RAS (Russia)

**Alexander Dynkin**, Doct. Sci. (Econ.), Professor, Full Member of the Russian Academy of Sciences, President of IMEMO (Russia)

**Natalya Ivanova**, Doct. Sci. (Econ.), Professor, Full Member of the Russian Academy of Sciences, Head of Research of the Department of Science and Innovation, IMEMO (Russia)

**Ivan Korolev**, Doct. Sci. (Econ.), Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (RAS), Counselor of RAS

**Vasily Mikheev**, Doct. Sci. (Econ.), Full Member of the Russian Academy of Sciences, Head of Research of the Center of Asia Pacific Studies, IMEMO (Russia)

**Vitaly Naumkin**, Doct. Sci. (Hist.), Professor, Full Member of the Russian Academy of Sciences, Academic Director of the Institute of Oriental Studies, RAS (Russia)

**Sergey Rogov**, Doct. Sci. (Hist.), Professor, Full Member of the Russian Academy of Sciences, Academic Director of the Institute of the U.S. and Canadian Studies, RAS (ISCRAN) (Russia)

**Yan Xuetong**, Ph.D (Polit. Sci.), Dean of the Institute of International Relations, Qinghua University (China)

**К ЧИТАТЕЛЯМ**

<b>Обращение главного редактора по случаю выхода первого номера нового журнала .....</b>	<b>10</b>
--	-----------

**ПРОГНОЗНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ**

<b>“Прогнозирование – это крайне трудная научная задача” Интервью с А.А. Дынкиным .....</b>	<b>12</b>
---	-----------

<b>The Economic Growth Prospects of Emerging Economies <i>Jia Zhongzheng</i> .....</b>	<b>18</b>
--	-----------

<b>“Китайская угроза” в экспертном дискурсе Индии А.В. Куприянов .....</b>	<b>33</b>
--	-----------

**МИРОВАЯ ПОЛИТИКА**

<b>Евроатлантическая политика ФРГ: преемственность и обновление А.М. Кокеев .....</b>	<b>45</b>
---	-----------

<b>Концептуальный вакуум: российское направление внешней политики четвертого кабинета А. Меркель Ф.А. Басов .....</b>	<b>59</b>
---	-----------

<b>Новое во внешнеполитических ориентирах ведущих партий ФРГ М.В. Хорольская .....</b>	<b>70</b>
--	-----------

**TO READERS**

**Editorial Introduction to the First Issue of the 'Analysis and Forecasting. IMEMO Journal'** ..... 10

**FORECASTING STUDIES**

**"Forecasting is a highly challenging scientific objective"**  
*Interview with A.A. Dynkin* ..... 12

**The Economic Growth Prospects of Emerging Economies**  
*Jia Zhongzheng* ..... 18

**"Chinese Threat" in India's Expert Discourse**  
*A. Kupriyanov* ..... 33

**WORLD POLITICS**

**Germany's Euro-Atlantic Policy: Continuity and Renewal**  
*A. Kokeev* ..... 45

**Conceptual Vacuum:  
Russian Direction in the Foreign Policy of the A. Merkel's Fourth Cabinet**  
*F. Basov* ..... 59

**New in Foreign Policy Orientation of the Leading Parties in Germany**  
*M. Khorolskaya* ..... 70

## ОБРАЩЕНИЕ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА ПО СЛУЧАЮ ВЫХОДА ПЕРВОГО НОМЕРА ЖУРНАЛА

Редакция рада представить первый номер нового научного сетевого журнала “Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН”. Благодарим членов редакционной коллегии и редакционного совета за помощь в подготовке материалов номера.

Учредителем и издателем нового периодического издания является Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова Российской академии наук (ИМЭМО РАН). Журнал будет выходить четыре раза в год, языки журнала – русский и английский.

Журнал ставит своей целью системный фундаментальный и прикладной анализ явлений и процессов мирового и регионального экономического, политического и социального развития, глобальной и региональной военной и невоенной безопасности для задач комплексного, в том числе долгосрочного сценарного, прогнозирования, а также совершенствования и разработки новых технологий комплексного прогнозирования в сфере социальных наук.

Журнал следует традициям классического академического научного периодического издания. Стремится стать всероссийской и международной междисциплинарной интеллектуальной площадкой для обсуждения теории и практики анализа и прогнозирования социальных, политических и экономических процессов в страновом, региональном и глобальном измерениях, новых идей и дискуссионных проблем политической и экономической теории и методологии. Особое внимание уделяет комплексному анализу и стратегическому прогнозированию современных глобальных и региональных вызовов, трендов и рисков развития, стран, регионов и мира в целом.

Выбор именно электронного формата для научного журнала обусловлен стремлением создать настоящую открытую модель обмена знаниями в указанной тематической сфере.

### **Предметными областями журнала являются:**

- 1) Мировая экономика;
- 2) Политические институты, процессы и технологии;
- 3) Политические проблемы международных отношений, глобального и регионального развития;
- 4) Экономическая теория;
- 5) Политическая регионалистика. Этнополитика.

Однако при всей широте диапазона тематических интересов журнала его важнейший профильный приоритет – анализ и прогнозирование международных социально-экономических и политических явлений и процессов.

### **Основные рубрики журнала:**

Прогнозные исследования  
Глобальные и региональные вызовы  
Теория и методология  
Глобальное управление  
Глобальная и региональная безопасность  
Глобальная экономика и финансы  
Тренды и риски развития  
Динамика социальных и политических пространств  
Научные обзоры  
Научные мероприятия

Типы публикуемых статей: оригинальные статьи, научные обзоры, материалы научных мероприятий в ИМЭМО или с участием сотрудников ИМЭМО по тематике журнала.

Первый номер нового журнала и тематическую рубрику “Прогнозные исследования” открывает интервью с Александром Александровичем Дынкиным, президентом Национального

исследовательского института мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова Российской академии наук (ИМЭМО РАН), академиком РАН, в котором он остановился на ключевых проблемах анализа и прогнозирования социально-экономических и политических трендов мирового развития, методах и верификации прогнозных разработок, становлении и развитии школы краткосрочного и долгосрочного прогнозирования в ИМЭМО.

В статье научного сотрудника Института мировой экономики и политики Китайской академии общественных наук Цзя Чжунчжэна “Перспективы экономического роста развивающихся стран” подробно рассматривается экономическая ситуация 11 стран этой группы (или E11), а именно: Аргентины, Бразилии, Индии, Индонезии, Китая, Мексики, Республики Корея, России, Турции, Саудовской Аравии, Южно-Африканской Республики, и анализируются факторы по линии спроса, влияющие на текущие экономические тренды, а также дается прогнозная оценка перспективам роста стран указанной группы.

Статья Алексея Владимировича Куприянова «“Китайская угроза” в экспертном дискурсе Индии» исследует позиции экспертов трех аналитических центров Индии: Института оборонных исследований и анализа (IDSA), Индийского совета по международным делам (ICWA) и “Индия Фаундейшн” (IF) по вопросу китайской угрозы интересам Индии. Автор отмечает наличие разногласий среди экспертов в отношении возможного сценария военного противостояния с КНР, приходя к выводу о том, что по другим темам (малая вероятность масштабной войны, наличие стратегической угрозы для Индии со стороны Китая) между ними существует консенсус.

В фокусе тематической рубрики **“Мировая политика”** – приоритеты внешней политики Германия. Александр Михайлович Кокеев в статье “Евроатлантическая политика ФРГ: преемственность и обновление” исследует влияние перемен в международно-политической обстановке и усилившееся соперничество великих держав на стратегию Германии и ее партнеров по Европейскому союзу, выявляет новые акценты и изменения в трансатлантической и европейской политике Берлина, анализирует новые тенденции во взаимоотношениях ФРГ с США и НАТО, проблемы ее взаимодействия с Францией по вопросам безопасности и углублению военно-политической интеграции в ЕС.

В центре внимания статьи Федора Алексеевича Басова “Концептуальный вакуум: российское направление внешней политики четвертого кабинета А. Меркель” – фундаментальные перемены во внешнеполитическом курсе ФРГ на российском направлении произошедшие в 2011 и 2014 гг. Исследуя властный политический дискурс по вопросам внешней политики, кадровые перестановки в правительстве в 2018 г., проблемы, связанные с реализацией проекта газопровода “Северный поток-2” и реакцией на него других стран, а также прочие важные вопросы, автор приходит к выводу о том, что в последние годы политика ФРГ в отношении России не имеет позитивной стратегии и пребывает в состоянии концептуального вакуума.

Завершает рубрику статья Марии Витальевны Хорольской “Новое во внешнеполитических ориентирах ведущих партий ФРГ”, которая посвящена трансформации внешнеполитических ориентиров Германии в современный кризисный период. Автор анализирует взгляды партийных элит, играющих ключевую роль в политической системе ФРГ, на будущее развитие Европейского союза, взаимодействие с США и Россией. Обращение к позициям партий позволяет не только понять специфику политических дискуссий в Германии, в том числе по вопросам отношений с Российской Федерацией и политики антироссийских санкций, но и дать прогноз относительно того, насколько изменчивым может быть внешнеполитический курс ФРГ в случае прихода новой правительственной коалиции.

В следующем номере журнала будут представлены рубрики **“Прогнозные исследования”**, **“Мировая политика”**, **“Динамика социальных и политических пространств”**.

Главный редактор  
**И.Л. Прохоренко**

## “ПРОГНОЗИРОВАНИЕ – ЭТО КРАЙНЕ ТРУДНАЯ НАУЧНАЯ ЗАДАЧА”

(ИНТЕРВЬЮ С А.А. ДЫНКИНЫМ)

© 2019 г. А. ДЫНКИН

Предлагаем вниманию читателей интервью с Александром Александровичем Дынкиным, президентом Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова Российской академии наук (ИМЭМО РАН), академиком РАН, которое он дал главному редактору журнала “Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН” И.Л. Прохоренко.

---

Прогнозирование – это крайне трудная научная задача (Интервью с А.А. Дынкиным).  
*Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН*, 2019, № 1, сс. 12-17. DOI: 10.20542/afj-2019-1-12-17.

---

DOI: 10.20542/afj-2019-1-12-17

УДК: 001.18+001.8+005.521+338.27+339.977: 327+339

Интервью поступило в редакцию 17.010.2019.

***Александр Александрович, добрый день! В связи с выходом в свет первого номера нового журнала “Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН” позвольте задать Вам несколько вопросов относительно междисциплинарных прогнозных исследований, которые стали одним из основных направлений научно-исследовательских разработок ИМЭМО РАН. В чем, на Ваш взгляд, состоят задачи прогнозирования, чем долгосрочное прогнозирование отличается от футурологии?***

Прогнозирование – это крайне трудная научная задача, тем более долгосрочное прогнозирование глобальной социально-экономической и политической динамики. Предвидение будущего – это то, что объединяет научное прогнозирование и футурологию. Однако футурология сродни искусству. Как правило, футурологи – это яркие одиночки, которые блистательно умеют презентовать свое видение будущего. Блестящим футурологом можно назвать польского философа и писателя-фантаста Станислава Лема. Это человек, который умел держать перо в руке. К футурологии я отношусь с уважением, любопытством, но строить государственную или корпоративную политику на базе чистой футурологии, на мой взгляд, весьма рискованно.

Задача прогноза состоит не столько в предсказании будущего, сколько в определении ожидающих мир вызовов и возможностей. Цель научного прогнозирования не в том, чтобы детально описать предстоящие события. Это бывает крайне затруднительно сделать даже в краткосрочной перспективе – из-за возникновения множества случайных субъективных факторов. Его сверхзадача заключается в том, чтобы предвидеть наиболее важные долгосрочные тенденции, выявлять ключевые детерминанты и возможные переломные точки мирового развития. Прогнозирование дает возможность увидеть мегатренды развития, позволяет продумать стратегии и определить приоритеты политики на различных горизонтах времени.

В последнем по времени глобальном прогнозе ИМЭМО 2017 г. “Мир 2035. Глобальный прогноз” представлен анализ того, что происходило и происходит в глобальном сообществе в последние десятилетия в экономической, политической, социальной и духовной сферах; как влияют и как отражаются в этих сферах изменения в развитии науки и технологий; какие механизмы обратной связи существуют между ними, что позволяет выявить некоторые общие закономерности и на их основе предвидеть направления и характер будущих изменений.

Без элементов такого предвидения, которое базируется не столько на интуиции, сколько на анализе имеющихся фактов и тенденций, принятие решений неизбежно будет сопровождаться ошибками и просчетами, ведущими к бессмысленной растрате ресурсов и утрате уникальных возможностей для развития.

В прогностическом исследовании, охватывающем период до 2035 г., охарактеризованы фундаментальные тренды, под влиянием которых сформируется облик мира через 20 лет. Задачей прогноза явилось выявление ожидающих мир вызовов и возможностей, которые могут быть использованы в интересах России, для обеспечения ей роли активного участника выработки правил будущего миропорядка. В исследовании дан широкий анализ тенденций мирового развития в сферах идей и идеологии, политики, инноваций, экономики, социальной сферы, международной безопасности, рассмотрены проблемы глобализации и регионализма. Заключительный раздел книги посвящен стратегическим рекомендациям для России.

***Научные подходы и методы экономического и политического анализа и прогнозирования, безусловно, необходимы в рамках фундаментальных исследований экономистов и политологов-международников, но также ориентированы на решение прикладных задач. Чем обусловлен выбор ИМЭМО прогностических исследований для решения научных и прикладных задач?***

Прогнозирование – это сложившаяся сфера конкурентных преимуществ ИМЭМО. Институт занимается теорией, методологией и методиками социально-экономического прогнозирования, а также конкретными прикладными прогнозно-аналитическими разработками еще с 1960-х годов, со времен директора института Николая Николаевича Иноземцева (1966–1982).

В тот период начался настоящий бум мирового экономического, научно-технологического и международно-политического прогнозирования. С момента осознания в 1960–1970-е годы мировым научно-экспертным сообществом факта появления глобальных проблем человечества в свет вышло немало ярких, порой противоречивых публикаций, предлагающих различные модели мирового развития. Наибольшую известность тогда получили прогнозы Римского клуба. Необычайно широкий резонанс имели прогностические доклады Трехсторонней комиссии Вилли Брандта, международно-политические прогнозы Проекта по изучению моделей миропорядка (*World Order Models Project – WOMP*), исследования американской корпорации РЭНД (*RAND – Research and Development*). Советский Союз и ИМЭМО, в частности, не отставали от остального мира в плане стремления осуществлять подобные научно-прогностические разработки.

Тогда ИМЭМО начал готовить самостоятельные прогнозы в интересах государства: первый прогноз в количестве 10 печатных экземпляров имел гриф “совершенно секретно” и был разослан членам Политбюро ЦК КПСС. ИМЭМО принял участие и в первых попытках подготовки долгосрочных прогнозов мирового социально-экономического и научно-технологического развития в Советском Союзе в рамках Комплексных программ научно-технического прогресса. Такие Комплексные программы разрабатывались коллективом различных научных и отраслевых институтов начиная с 1972 г., сначала сроком на 15, а затем и на 20 лет вперед с актуализацией раз в пять лет и частично имели гриф “для служебного пользования”.

С тех пор много воды утекло. Первый “открытый” прогноз ИМЭМО был в основном экономический, а впоследствии мы перешли к широкой панораме прогнозирования, которая включает и вопросы политические, и военно-стратегические, и социальные. Важность понимания общих закономерностей глобального развития стала главным мотивом стремления коллектива исследователей ИМЭМО придать результатам своей работы максимально публичный характер. Это выразилось в форме издания и широкого распространения долгосрочного стратегического прогноза.

Первым опытом стала публикация в 2001 г. прогноза развития мировой экономики до 2015 г. под названием “Мир на рубеже тысячелетий” [1]. Временной горизонт второго долгосрочного прогноза ИМЭМО “Стратегический глобальный прогноз 2030” составил 20 лет

[2], третьего, “Мир 2035. Глобальный прогноз”, – уже 25 [3]. Прогнозы ИМЭМО признаны в мире, они переведены на английский, корейский и китайский языки.

### **Каковы особенности прогнозных исследований ИМЭМО РАН?**

Особенность наших прогнозов заключается в том, что они являются синтетическими. Существует такое популярное направление, как сценарное прогнозирование, и есть прогнозирование эконометрическое. Мы добились объединения двух этих подходов в своих прогнозных исследованиях.

Нами разработаны и опробованы методики долгосрочного двадцатилетнего экономического прогнозирования, с одной стороны, а с другой, – мы используем экспертные семинары, экспертные обсуждения, которые, отталкиваясь от этого “статистического каркаса”, формируют какие-то представления о будущем. Естественно, что со 100%-ной надежностью прогнозировать будущее невозможно. Основная задача этих прогнозов – обратить внимание на те тренды современности, которые формируют будущее. В этом, можно сказать, ключевая методическая формула нашего прогнозирования. Мы стараемся уловить тренды мирового, регионального, странового развития, отталкиваясь от той научно-аналитической и методологической базы, которая у нас есть.

Что важно – в ИМЭМО ведутся междисциплинарные исследования. К тому же в Институте сосредоточены как теоретики, так и люди, занимающиеся прикладными исследованиями. Такой как бы плюралистический подход, комбинация фундаментального и прикладного анализа, дает некоторую, как говорят физики, интерференцию, знания, которые мы стремимся отражать в наших прогнозах.

### **Каким образом верифицируются исследовательские прогнозные гипотезы ежегодных прогнозов ИМЭМО, существуют ли в этом плане различия между экономическим и политическим анализом и прогнозированием?**

Это очень важный вопрос для прогнозирования. Мы такую верификацию делаем как по нашим долгосрочным прогнозам, так и по краткосрочным годовым. Краткосрочный прогноз, например, 2019 г. содержит особый раздел, посвященный анализу достоверности, правда, экономического прогноза [4]. Верификацию политического прогноза намного сложнее осуществить. Когда мы говорим о верификации экономического прогнозирования, сопоставлении с оценками международных финансово-экономических организаций, то задачу облегчает статистика. Статистические сравнения гораздо проще и понятнее. Но верификацией политических прогнозов тоже надо заниматься.

Тот прогноз, который мы делаем сейчас, прогноз до 2040 г., наверное, будет одной из самых сложных работ, потому что вся мировая архитектура находится в состоянии транзита, многие тренды ломаются, мы наблюдаем колоссальную скорость технологических изменений, особенно связанных с искусственным интеллектом, информационными технологиями. Поэтому вот здесь долгосрочное прогнозирование оказывается весьма и весьма рискованным, однако я надеюсь, что с учетом накопленного опыта, с учетом понимания сложностей транзита мирового порядка мы с этой задачей должны справиться.

По краткосрочным прогнозам могу сказать, что средние квадратичные ошибки отклонения от фактов у нас часто оказываются меньшими, чем в аналогичных прогнозах Международного валютного фонда. Это очень важно с учетом того, что ресурсы, которыми располагаем мы и которыми располагает МВФ, несопоставимы. В то же время у Международного валютного фонда есть политическое ограничение: поскольку это международная организация, от которой серьезно зависит динамика рынков, они стараются приглушить некоторые алармистские ноты. Мы же их не приглушаем, напротив, даже подчеркиваем. Кроме того, мы готовим прогноз раз в год, а эксперты МВФ пересматривают свои оценки каждые шесть месяцев, иногда достаточно значительно. Но, как говорят эксперты и Международного валютного фонда, и Всемирного банка, от их оценок сильно зависят рынки, поэтому они очень аккуратны в своих прогнозах. Что касается верификации, например, первого долгосрочного прогноза ИМЭМО 2001 г. “Мир на рубеже тысячелетий”, можно отметить, что основные тенденции развития

мировой экономики, отмеченные в нашем первом опубликованном прогнозе, в целом подтвердились. Более того, подтвердились и некоторые важные количественные показатели. Так, реальные темпы прироста мирового ВВП в 2001–2014 гг. (3.7%) в точности совпали с нашим прогнозом на 2001–2015 гг. Представляется, что это уникальный научный результат при прогнозировании с 15-летним горизонтом. Мы несколько переоценили темпы прироста данного показателя для группы развитых стран (прогноз составлял 2.6%, фактический рост – 1.7%) и, соответственно, недооценили скорость развития развивающихся стран (прогноз – 4.7%, реальные темпы прироста – 5.5%). Довольно точным оказался прогноз по экономике России – фактические темпы ежегодного прироста ВВП за этот же период составили 4.2% при нашем прогнозе 5.0%.

Даже профессиональные прогнозисты часто ошибаются. Хотел бы напомнить в связи с этим историю прогнозов Римского клуба, которые, собственно, и вызвали в мире взрыв интереса к долгосрочному прогнозированию. В свое время у нас они были популярны. Это были первые прогнозы, основанные на переносе в общественные науки системного подхода. Они были построены на методах экстраполяции и нацелены на привлечение внимания к реальным и гипотетическим глобальным проблемам. Это дефицит топливно-энергетических, продовольственных и иных ресурсов, рост народонаселения и опасность демографического взрыва в странах Юга, глобальная бедность, гонка вооружений, неравномерности социально-экономического и научно-технического развития различных стран и регионов, а также задачи мирного освоения космического пространства и Мирового океана.

Прогнозы Римского клуба имели колоссальный психологический резонанс. В одном из них эксперты обещали исчерпание природных ресурсов, прогнозировали такой *oil peak*, пик предложения нефти, говоря о том, что нефтяные месторождения будут исчерпаны. Такие сведения вызвали реакцию сродни панической. Это была серьезная ошибка. Первый президент Римского клуба Аурелио Печчеи ездил по миру, рассказывал об этой угрозе. Но возникает вопрос цены ошибки. Понятно, что какие-то месторождения истощаются, но поскольку спрос на энергоносители остается высоким, то осваиваются труднодоступные месторождения – сегодня речь уже идет об арктическом шельфе, об арктических нефтяных и газовых полях. Эти аспекты Римский клуб не увидел.

Сегодня наблюдается обратная картина: говорят о другом пике – о пике спроса, о том, что технологический прогресс, задача предотвращения климатических катастроф будут влиять на объемы потребления углеводородов, и на горизонте 15–20 лет весьма высока вероятность пика спроса. Подобные данные радикально меняют политику в этой инвестиционной области. Недавно китайская национальная нефтегазовая корпорация *CNPC (China National Petroleum Corporation)* опубликовала оценки, свидетельствующие о том, что мы уже вошли в гонку по монетизации нефтяных запасов. То есть страны, располагающие значительными ресурсами сырой нефти, и нефтяные корпорации стремятся как можно скорее монетизировать эти ресурсы, опасаясь, что в условиях ожидания пика спроса инвесторы будут более скептически относиться к капиталовложениям в разработку новых нефтяных полей. Вот конкретный пример того, как авторитетный и весьма “накаченный” деньгами проект Римского клуба допустил ошибки в прогнозировании.

***В ИМЭМО РАН ведутся научно-исследовательские разработки стратегических долгосрочных прогнозов. Расскажите об этом подробнее, пожалуйста. Каким образом они организованы?***

Каждый ведущий эксперт нашего Института, специализирующийся по той или иной теме или региону, круглый год, что называется, в подсознании держит текущую работу по подготовке прогнозов. Информацию, касающуюся каких-то перспектив, наши сотрудники фиксируют, выдвигают идеи, обсуждают их в узком и широком кругу на основе межотдельской кооперации. Институт имеет очень небольшую группу, которая занимается исключительно прогнозированием, но каждый из 300 сотрудников института держит в голове задачу заниматься прогнозированием.

**Известно, что аналитические центры, занимающиеся разработкой политических и экономических прогнозов, дают общую информацию о методологии и методиках своих исследований, однако это всего лишь “вершина айсберга”. Присутствует известная непрозрачность процесса измерения и операционализации анализа и прогнозирования, что вполне понятно, имеет свои объяснения. Хотелось бы узнать Ваше мнение по этому вопросу, особенно в связи с выходом в свет нового периодического научного издания ИМЭМО РАН по проблемам экономического и политического анализа и прогнозирования, которое имеет электронный формат и размещается в открытом доступе.**

Вы правы, в современном мире, когда такого сорта работа является достаточно капиталоемкой и имеет широкий рыночный спрос, не все организации, занимающиеся долгосрочным прогнозированием, раскрывают свои методики. К нам это относится в меньшей степени, потому что мы – некоммерческая бюджетная организация, и наши результаты представляют собой то, что называется общественное благо или *public goods*. Мы не объясняем излишне подробно свои методы и методики прогнозирования, скорее, чтобы не утомлять читателя. Хотя каждый наш долгосрочный прогноз содержит специальный раздел, посвященный методологическим основам конкретного проекта.

Наши экономические прогнозы базируются на демографической статистике. Профессиональные прогнозисты признают, что нет более надежной информации о будущем, чем текущая демография. То есть зная сегодняшнюю демографическую ситуацию, мы высчитываем численность рабочей силы через 20 лет с очень маленькой погрешностью. Затем на основе оценок динамики производительности труда рассчитываются агрегированные показатели ВВП по странам мира. После этого проводится итеративное согласование полученных прогностических оценок в проблемно-страновом разрезе, которое позволяет получить вероятностную картину взаимоувязанных индикаторов и тенденций мировой экономической динамики. Здесь, на этом наиболее сложном этапе прогнозирования, используются симуляционные модели мировой экономики. Далее проводится качественный анализ социально-экономического развития отдельных стран и регионов и мира в целом, исследуются наиболее важные мировые тренды и их взаимосвязи.

Демографические прогнозы Организации Объединенных Наций, которые мы кладем в основу своего прогнозирования, носят линейный характер. Поскольку разработанная нами статистическая база, наш банк данных, содержит статистику практически за 50 лет, мы уловили, что эти линейные прогнозы ООН не всегда совпадают с реальными оценками. Поэтому мы делаем некую стилизацию демографических прогнозов ООН, которая, по нашей оценке, приближает демографические данные к реальности, уменьшает присутствующую в них потенциальную ошибку, хотя эта ошибка минимальна. Вот эта стилизация – наше ноу-хау, которое мы не раскрываем.

**Спасибо, Александр Александрович, за интервью, за Ваши подробные ответы на вопросы.**

Со своей стороны хочу пожелать успехов новому междисциплинарному научному журналу ИМЭМО, который избрал вопросы прогнозирования одной из своих предметных областей.

## СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. Мартынов В.А., Дынкин А.А., ред. *Мир на рубеже тысячелетий (прогноз развития мировой экономики до 2015 г.)*. Москва, Издательский Дом НОВЫЙ ВЕК, 2001, 592 с. [Martynov V.A., Dynkin A.A., eds. *Mir na rubezhe tysyacheletii (prognoz razvitiya mirovoi ehkonomiki do 2015 g.)* [The world at the turn of the Millennium (world economic Outlook to 2015)]. Moscow, Izdatel'skii Dom NOVYI VEK, 2001, 592 p.]
2. Дынкин А.А., ред. *Стратегический глобальный прогноз 2030. Расширенный вариант*. Москва, Магистр, 2011, 480 с. [Dynkin A.A., ed. *Strategicheskii global'nyi prognos 2030. Rasshirennyi variant* [Strategic global Outlook 2030. Expanded version]. Moscow, Magistr, 2001, 480 p.]
3. Дынкин А.А., ред. *Мир 2035. Глобальный прогноз*. Москва, Магистр, 2017, 352 с. [Dynkin A.A., ed. *Mir 2035. Global'nyi prognos* [The world of 2035. Global forecast]. Moscow, Magistr, 2017, 352 p.]
4. А.А. Дынкин, В.Г. Барановский, Мачавариани Г.И., Кобринская И.Я., ред. *Анализ достоверности прогноза. Россия и мир: 2019. Экономика и внешняя политика. Ежегодный прогноз*. Москва, ИМЭМО РАН, 2018, сс. 81-86. [Analiz dostovernosti prognoza [Analysis of the reliability of the forecast]. *Rossiya i mir: 2019. Ehkonomika i vneshnyaya politika. Ezhegodnyi prognos* [Russia and the world: 2019. Economy and foreign policy. The annual forecast]. Dynkin A.A., Baranovsky V.G., Machavariani G.I., Kobrinskaya I.Ya., eds. Moscow, IMEMO RAN, 2018, pp. 81-86.]

**'FORECASTING IS A HIGHLY CHALLENGING SCIENTIFIC OBJECTIVE'  
(INTERVIEW WITH A.A. DYNKIN)**

(Analysis and Forecasting. IMEMO Journal, 2019, no 1, pp. 12-17)

Received 17.10.2019.

*We are privileged to open the first issue of our journal with an interview by the President of IMEMO, Full Member of the Russian Academy of Sciences, Alexander Dynkin. In a conversation with the journal's Editor-in-Chief Dr. Irina Prokhorenko he explains the difference between forecasting studies and futurology and provides an overview of the IMEMO extensive experience in forecasting research.*

*The institute has been working on the social and economic forecasting theoretical aspects, methodology and techniques as well as on specific applied forecasting analytical studies since 1960s. In the 1960s and 1970s there was a wave of interest towards economic, scientific and technological and international political forecasting worldwide. A lot of remarkable, sometimes contradictory works presenting different models of global development came out. A report by the Club of Rome became one of the most famous publications of this kind. IMEMO was also developing its own approaches towards forecasting and was involved in the long-term strategic planning, though most of this work was classified.*

*Since that time a lot has changed. The first open IMEMO forecast published in 2001 was mainly focusing on economy, but later works are also exploring political, military and social problems. IMEMO reports 'The World at the Turn of the Millennium', 'Strategic Global Outlook 2030' and 'The World of 2035. Global Forecast' are recognized throughout the world and have been translated into English, Korean and Chinese.*

*In the interview Academician Dynkin also discusses the role of verification of scientific forecasting, the data used for analyzing trends and making projections as well as IMEMO own know-how and expertise in this field.*

*About the author:*

*Alexander A. DYNKIN, Doct. Sci. (Econ.), Professor, Full Member of the Russian Academy of Sciences, the President of IMEMO.*

## THE ECONOMIC GROWTH PROSPECTS OF EMERGING ECONOMIES

© 2019 Jia Zhongzheng

Jia Zhongzheng, Ph.D in Economics, Research Fellow.

Institute of World Economics and Politics, Chinese Academy of Social Sciences, 15th Floor, CASS Building, No. 5, Jianguomennei Dajie, Beijing 100732, P.R. China ([jiazz@cass.org.cn](mailto:jiazz@cass.org.cn)).

Zhongzheng J. The Economic Growth Prospects of Emerging Economies. *Analysis and Forecasting. IMEMO Journal*, 2019, no. 1, pp. 18-32. DOI:10.20542/afj-2019-1-18-32.

DOI: 10.20542/afj-2019-1-18-32

Received 01.07.2019.

At present, the international situation is changing, the world economy is stumbling, protectionism is prevalent, anti-globalization is surging, and the prospects of global economic growth are full of uncertainty. In particular, emerging economies face greater downward pressure. Therefore, on the basis of in-depth analysis of the economic situation of emerging economies, this paper will analyze the factors affecting the economic trend from the demand side, and look into the future economic growth prospects of emerging economies. Compared with 2017, the year 2018 saw the economic growth of the E11 slip mildly. The proportion of the E11 economies in world economy, based on market exchange or PPP, fell slightly, but their economic scale has continued to expand. Meanwhile, the real per capita GDP growth of the E11 was largely unchanged from that in 2017. From the demand side, we can first have a look at the respective contribution of the three major growth engines in 2018. Although final consumption accounted for a smaller proportion of economic growth of the E11 in 2018, it remains the pillar of economic growth. The proportion of investment also dropped and it has played a diminishing role in promoting economic growth. In most E11 countries, net export of goods and services has played a larger role in boosting economic growth and made a positive contribution to growth. In China, however, its net export of goods and services has played a diminishing role in boosting growth and its contribution to growth was negative. The Composite Leading Index (CLI), Consumer Confidence Index (CCI) and Business Confidence Index (BCI), released by the Organization for Economic Co-operation and Development (OECD) show that in the short term, the economic growth of the E11 economies still faces multiple uncertainties. The possibility is high that growth of the world economy may trend down in 2019, which will spill over to affect the economic performance of the E11. The E11 is on the whole expected to maintain mid- and high-rate growth, but the possibility of their growth rising strongly is slim.

**Keywords:** Emerging Economies, E11, Economic Growth, Demand Side, Growth Prospects.

This paper would like to choose the E11 as the representatives of emerging economies, and analyze their economic growth. E11 refers to the 11 major emerging-market economies in the Group of 20 (G20), namely, Argentina, Brazil, the People's Republic of China (hereinafter referred to as China), India, Indonesia, the Republic of Korea (hereinafter referred to as Korea), Mexico, Russia, Saudi Arabia, South Africa and Turkey. The growth rates of world economies have failed to recover simultaneously in 2018. The growth of the emerging economies eased slightly in 2018, with their real per capita GDP growth almost unchanged from 2017. The proportion of the E11 in the world economy, based on market exchange or PPP, slipped moderately, but their overall economic scale has continued to expand. The demand-side analysis of contribution of the three major driving forces for economic growth, i.e., investment, consumption and export, shows that although the proportion of the final consumption expenditures in the E11 economies dropped moderately, they remain the crucial driving force for economic growth; investment is playing a diminishing role in contributing to economic growth; and, with a positive contribution to growth, the net export of goods and services has played a larger role in promoting economic growth in most E11 countries; in China, however, its net export of goods and services has played a diminishing role in promoting growth, and the contribution to quarterly GDP growth was negative. In the short term, the growth of the E11 countries faces a lot of uncertainties, although in the long term, the E11 will maintain the mid- to high-rate growth trend.

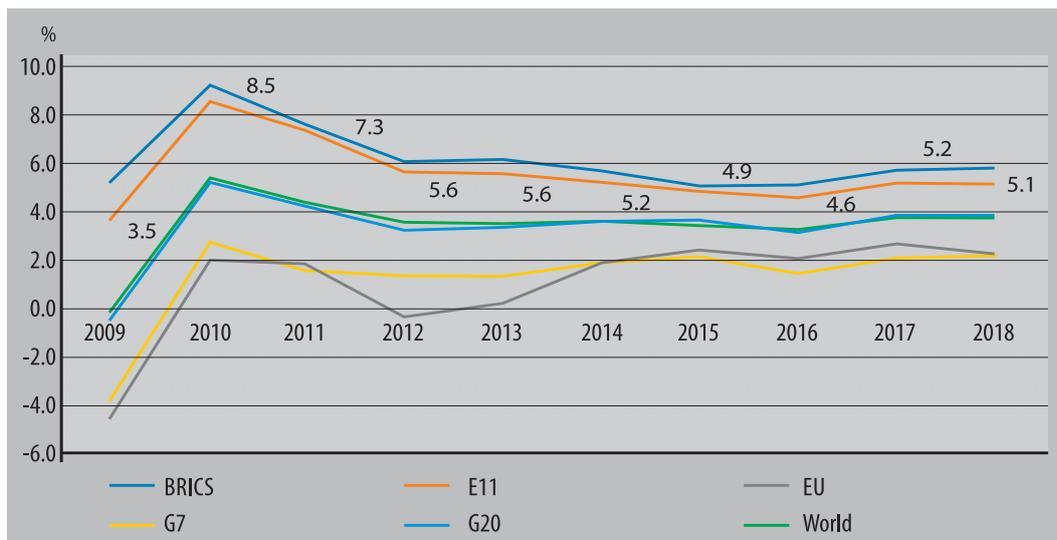
THE ECONOMIC GROWTH OF EMERGING ECONOMIES

Compared with 2017, the year 2018 saw the economic growth of the E11 slip mildly. The proportion of the E11 economies in world economy, based on market exchange or PPP, fell slightly, but their economic scale has continued to expand. Meanwhile, the real per capita GDP growth of the E11 was largely unchanged from that in 2017.

1. Economic growth eases slightly

The economic growth rate of the world economy in 2018 was largely unchanged from that in 2017, but the trend of the strong recovery in individual economies, seen in 2017, failed to continue. Except a small number of economies, such as the United States, most individual economies saw their growth rates drop in 2018. Compared with 2017, the economic growth of the E11 was also lower in 2018. Calculation based on IMF data released in January 2019 shows that in 2018, the GDP growth of the E11 was about 5.1% (See Figure 1), slightly lower than their growth rate in 2017, which was 5.2%. Despite their easing growth, the E11 saw their growth rate higher than that of the world economy as a whole and the G20 and much higher than that of the EU and G7. The trend has been close to what we have forecast last year [1], i.e., the trend of the E11 maintaining high-rate growth is expected to continue in 2018 and their growth rate is expected to be largely unchanged from that in 2017 (the GDP growth of the E11 was about 5.1% for 2017, based on data in January 2018), but the possibility of it continuing to rise strongly is big.

Figure 1. Growth rates of major economies in 2009-2018



<sup>1</sup> The growth rate of each economy group is based on the weighted calculation of PPP-based GDP (current-price) of each economy. The 2018 data are based on estimation. Sources: [2].

In 2018, growth rate in Indonesia and Mexico remained unchanged from 2017, and most of the E11 economies saw their growth fall (See Table 1). The Chinese economy, which accounts for about 49.1% of the overall scale of the E11 (based on market exchange rate, current-price dollar in 2017) remained stable but there have been some worrisome changes, such as complicated and harsh external environment; faced with downward growth pressure, its GDP growth slipped by 0.3 percentage point to 6.6%, constituting an important factor behind the easing growth of the E11. In 2018, the Chinese economy faced an unprecedented complex situation. External factors include the China-US trade friction, which has escalated and worsened expectations, and the negative impact from the tightening monetary policy stance by the US Federal Reserve. Internally, growth of fixed-asset investment, especially infrastructure investment, fell significantly, the cool-off of the real estate sector as result of consistent tightening of regulatory policies, and the social credit contraction caused by the structural deleveraging measures, as well as the operational difficulties of private enterprises. Those factors have combined to drag on the Chinese economy. In Turkey, its economic growth rate slumped to 3.5% from 7.4%. Its serious currency depreciation, spikes in inflation, continually

rising unemployment rate, and expanding current account deficits have been the main causes of the country's slumping growth. Argentina's GDP growth fell into the negative territory, slumping to -2.6% from 2.9% in 2017. The exchange rate of the Argentine peso fell by nearly 50% and the country's inflation rate was close to 50%. Its financing costs hit a historical high (the Central Bank of Argentina raised the benchmark interest rate to 60% in August 2018) and serious drought has dealt a heavy blow to the country's agricultural output. The situation in Argentina largely matches our last year forecast [1], i.e., it cannot be ruled out that economic recession may occur in some E11 countries in 2018. In Korea, its GDP growth slipped by 0.3 percentage point, mainly due to slowing construction investment as a result of the government's tightened real estate policies, the China-US trade disputes that have affected its export of intermediate products, long-time consumption on borrowed money that has led to continual rise in household debt levels, and increasingly serious population ageing. And South Africa's GDP growth slipped by 0.5 percentage point.

GDP growth rates of other E11 countries, however, have risen. India, which accounts for 10.6% of the E11 in terms of economic scale (based on market exchange rate, current-price dollar) rose by 0.6 percentage point to reach 7.3%, which constitutes a major contribution to the overall economic growth of the E11. The Indian government has taken a series of measures to support development of manufacturing, including improving policies for foreign direct investment, attaching more importance to low-cost housing to push development of infrastructure, implementing a slew of policies to support development of textile industry, and providing special support for inter-connectivity in coastal regions. Moreover, its relatively loose fiscal policy, slumping oil prices in recent months and the moderate appreciation of India's rupee have also boosted the country's rapid economic growth. Saudi Arabia's GDP growth rose to 2.3% from -0.9%. Its increasing oil output and development of the non-petroleum economy have played a major role in its growth. In the mid and long term, it is conducive to help the country achieve stable growth to reduce reliance on oil economy and promote development of other industries. Moreover, GDP growth of Brazil and Russia picked up by 0.4 percentage point and 0.2 percentage point, respectively. Thanks to the combined efforts of the E11 countries, in 2018, the economic growth of the E11 eased by 0.1 percentage point.

**Table 1. GDP growth rates of the E11 in 2009-2018 (%)**

	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018
Argentina	-5.9	10.1	6.0	-1.0	2.4	-2.5	2.7	-1.8	2.9	-2.6
Brazil	-0.1	7.5	4.0	1.9	3.0	0.5	-3.5	-3.5	1.1	1.3
China	9.2	10.6	9.5	7.9	7.8	7.3	6.9	6.7	6.9	6.6
India	8.5	10.3	6.6	5.5	6.4	7.4	8.2	7.1	6.7	7.3
Indonesia	4.7	6.4	6.2	6.0	5.6	5.0	4.9	5.0	5.1	5.1
Korea, Republic of	0.7	6.5	3.7	2.3	2.9	3.3	2.8	2.9	3.1	2.8
Mexico	-5.3	5.1	3.7	3.6	1.4	2.8	3.3	2.9	2.1	2.1
Russia	-7.8	4.5	5.1	3.7	1.8	0.7	-2.5	-0.2	1.5	1.7
Saudi Arabia	-2.1	5.0	10.0	5.4	2.7	3.7	4.1	1.7	-0.9	2.3
South Africa	-1.5	3.0	3.3	2.2	2.5	1.8	1.3	0.6	1.3	0.8
Turkey	-4.7	8.5	11.1	4.8	8.5	5.2	6.1	3.2	7.4	3.5
E11	3.5	8.5	7.3	5.6	5.6	5.2	4.9	4.6	5.2	5.1

Source: [2].

## 2. Continual expansion of economic scale and falling relative proportion

The economic scale of the E11 has expanded continually, but their proportion in the world economy has been on the decline. According to the IMF forecast, although the economic scale of the E11 (based on market exchange rate) increased to USD25.8 trillion from USD24.5 trillion in 2017, its proportion in the world economy slipped to 30.4% (See Table 2) from 30.6%. The scale of G7 expanded to USD39.0 trillion from USD36.9 trillion while their proportion fell to 46.0% from 46.1%. The scale of the EU rose to USD18.8 trillion from USD17.3 trillion and its proportion rose to 22.1%

from 21.6%. The scale of the BRICS economies expanded to USD 20.0 trillion from USD 18.6 trillion and their proportion rose to 23.6% from 23.2%. The scale of the G20 increased to USD 73.3 trillion from USD 69.2 trillion, and their proportion rose to 86.5% from 86.4%.

**Table 2. Changes in economic scale of major economy groups and their proportion in world economy in 2016-2018 (market exchange rate, current-price, USD billion, %)**

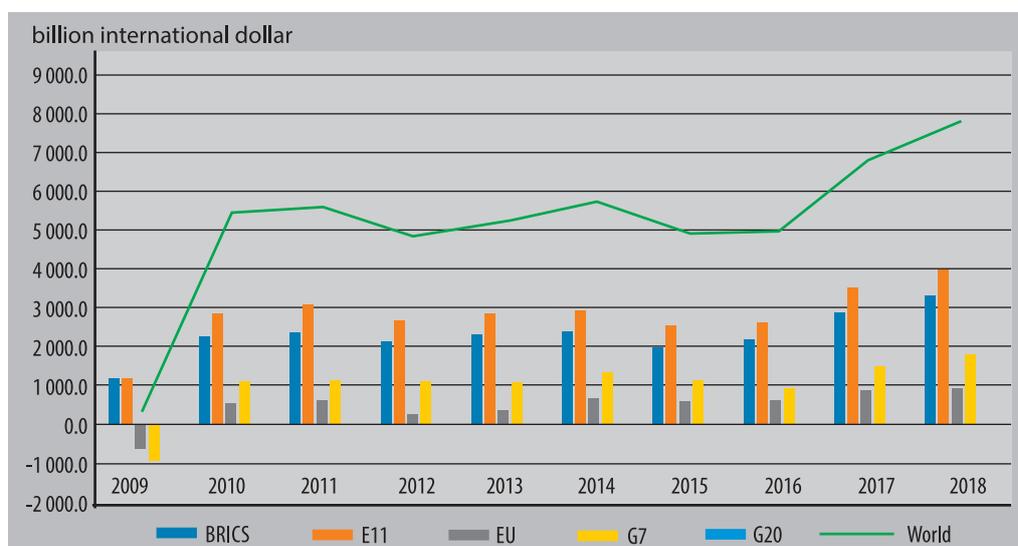
	2016			2017			2018		
	Total	Increment	Proportion	Total	Increment	Proportion	Total	Increment	Proportion
BRICS	16 869.1	54.4	22.3	18 598.9	1 729.8	23.2	20 009.8	1 410.9	23.6
E11	22 356.6	-28.4	29.6	24 481.6	2 125.0	30.6	25 828.8	1 347.2	30.4
EU	16 534.9	87.6	21.9	17 325.4	790.5	21.6	18 769.3	1 443.9	22.1
G7	35 685.0	957.7	47.2	36 867.0	1 182.0	46.1	39 037.0	2 169.9	46.0
G20	65 349.0	1 109.9	86.4	69 198.2	3 849.2	86.4	73 343.2	4 144.9	86.5
WORLD	75 652.6	1 050.9	100.0	80 051.0	4 398.3	100.0	84 835.5	4 784.5	100.0

<sup>1</sup>Data for 2018 are estimates.

Source: [3].

Calculation of the current-price GDP increment of major economy groups, based on PPP, shows that the economic increment of the E11 has been on the rise and far more than that of G7 and the EU in 2016-2018, although it has accounted for a smaller proportion of the world economy (See Figure 2) From 2016 to 2018, the economic increment of the E11 gradually increased to 4.0 trillion international dollars from 2.7 trillion international dollars while that of G7 and the EU gradually increased to 1.8 trillion and 1.0 trillion international dollars from 0.9 trillion and 0.6 trillion international dollars, respectively. The economic increment of the E11 has been significantly more than that of G7 and the EU. In terms of the proportion of the economic increment of major economy groups to that of the world economy as a whole, in 2018, the proportion of the E11 was 51.8%, down by 0.6 percentage point; that of the BRICS was about 43.2%, up by 0.4 percentage point; that of G7 was about 23.0%, up by 0.5 percentage point; and that of the EU was about 12.4%, down by 1.2 percentage points. Although the relative proportion of the economic increment of the E11 fell, the E11's economic increment scale is still larger than that of G7 and the EU, and its proportion is still higher than that of other economy groups, indicating that the emerging economies, represented by the E11, remain an important driving force for global economic growth.

**Figure 2. Economic increments of major economy groups and the world economy in 2009-2018 (PPP-based, current price)**



<sup>1</sup>Data for 2018 are estimates.

Source: [3].

### 3. Real growth of per capita GDP largely unchanged

In 2018, the real growth of per capita GDP of the E11 was almost unchanged from 2017, with both of them standing at 4.3% (See Table 3). The real largely growth of per capita GDP of Brazil, India, Mexico, Russia and Saudi Arabia rose while that of Argentina, China, Korea, South Africa and Turkey dropped. That of Indonesia was largely unchanged. Among countries that saw their real growth of per capita GDP, Saudi Arabia registered the highest growth rate of per capita GDP (3.6%) due to the rapid growth of non-petroleum industries. India's growth of per capita GDP was the second-highest (0.6%) and Brazil ranked the third place (0.5%). That of both Russia and Mexico was 0.2%. Among countries that have had declining per capita GDP growth, Argentina has the steepest decline (5.4%), followed by Turkey (4.0%). That of South Africa, Korea and China was 0.5%, 0.3% and 0.2%, respectively. According to forecast by office of China's Central Financial and Economic Affairs Committee, China's economic scale may reach RMB 90 trillion in 2018, or USD13.7 trillion, based on average USD-RMB exchange rate, with its per capita GDP standing at USD 9.900.

**Table 3. Real per capita GDP growth of the E11 in 2009-2018 (%)**

	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018
Argentina	-6.8	8.4	4.8	-2.1	1.3	-3.6	1.6	-2.9	1.7	-3.7
Brazil	-1.2	6.5	3.0	1.0	2.1	-0.4	-4.3	-4.2	0.2	0.7
China	8.7	10.1	9.0	7.4	7.3	6.7	6.4	6.1	6.3	6.1
India	6.9	8.7	5.2	4.1	5.0	6.0	6.8	5.7	5.3	5.9
Indonesia	3.2	4.9	4.3	4.5	4.1	3.6	3.5	3.7	3.8	3.8
Korea, Republic of	0.2	6.0	2.9	1.8	2.4	2.7	2.2	2.5	2.6	2.3
Mexico	-6.6	3.8	2.4	2.4	0.2	1.7	2.2	1.8	1.0	1.2
Russia	-7.8	4.5	5.0	3.6	1.7	0.6	-2.6	-0.3	1.5	1.7
Saudi Arabia	-5.3	1.6	6.8	2.5	-0.1	1.1	3.3	-0.7	-3.3	0.2
South Africa	-2.9	1.6	1.8	0.7	1.0	0.3	-0.3	-1.0	-0.3	-0.8
Turkey	-6.1	6.8	9.6	3.5	7.0	3.8	4.7	1.8	6.1	2.1
E11	2.6	7.5	6.3	4.6	4.7	4.3	4.1	3.7	4.3	4.3

<sup>1</sup> Real per capita GDP growth of the E11 is based on the weighted calculation of the total of PPP-based, current-price GDP of individual E11 countries. There are slight differences between data in the text of the report and those in the table due to rounding. The 2018 data are estimates.

Source: [2].

## THE FACTORS TO INFLUENCE ECONOMIC GROWTH: A PERSPECTIVE FROM DEMAND SIDE

From the demand side, we can first have a look at the respective contribution of the three major growth engines in 2018. Although final consumption accounted for a smaller proportion of economic growth of the E11 in 2018, it remains the pillar of economic growth. The proportion of investment also dropped and it has played a diminishing role in promoting economic growth. In most E11 countries, net export of goods and services has played a larger role in boosting economic growth and made a positive contribution to growth. In China, however, its net export of goods and services has played a diminishing role in boosting growth and its contribution to growth was negative.

### 1. Final consumption expenditures is pillar of economic growth

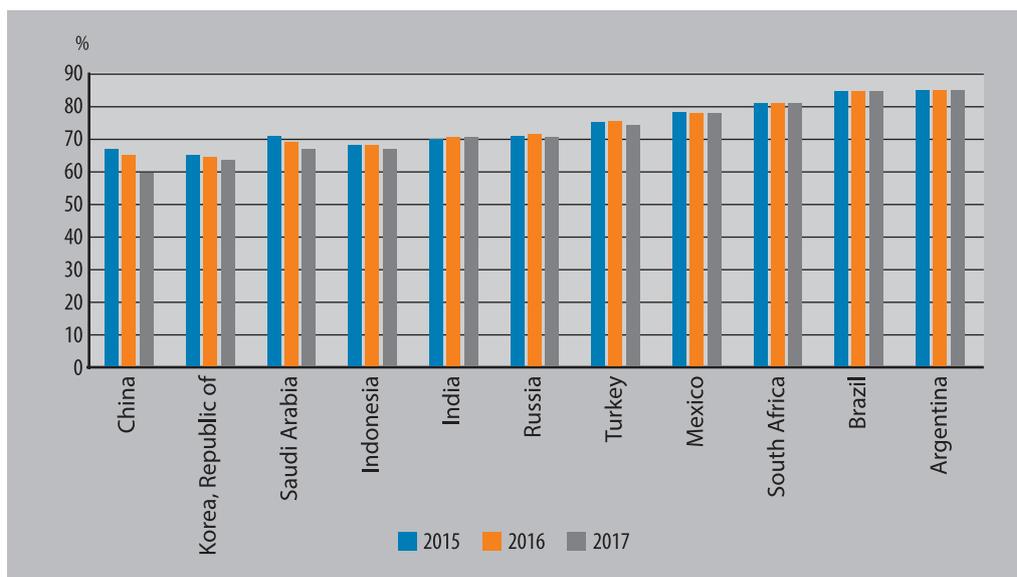
The proportion of final consumption expenditures in the E11 economies dropped moderately, but it remains the pillar of economic growth. From 2015 to 2017, the ratio of year-on-year final consumption expenditures to GDP in E11 countries fell to 72.2% from 73.4%. In terms of performance of individual E11 countries, Argentina, Brazil and South Africa have had the highest ratio of year-on-year final consumption expenditures to GDP, which were 83.8%, 83.8% and 80.2%, respectively. That of Mexico, Turkey and Russia were 77.6%, 74.2% and 70.4%. The ratios were relatively lower in India,

Indonesia, Saudi Arabia, Korea and China, which was 69.8%, 67.0%, 68.4%, 63.9% and 63.3% (See Figure 3). It indicates that final consumption still plays a crucial role in the E11 economy and serves as a sustained and stable growth engine for the E11 countries.

In the E11 countries as a whole (except China), the final consumption expenditures have played a diminishing role in boost economic growth. According to WIND data, the role of final consumption expenditures in boosting the year-on-year quarterly GDP growth has weakened the most in Argentina, whose ratio of final consumption expenditures to its year-on-year quarterly GDP dropped to 4.0 percentage points in the first quarter of 2018 from 4.1 percentage points in the fourth quarter of 2017 and further fell to -3.7 percentage points in the third quarter of 2018. In Russia, the contribution of final consumption expenditures in boosting its year-on-year quarterly GDP growth has also gradually weakened to 1.5 percentage points in the second quarter of 2018 from 2.2 percentage points in the fourth quarter of 2017. In Brazil, the contribution of final consumption expenditures has also weakened and fallen to 1.0 percentage point in the third quarter of 2018 from 2.1 percentage points in the fourth quarter of 2017. In South Africa, the contribution of final consumption expenditures to its year-on-year quarterly GDP has first risen to 1.9 percentage points in the first quarter of 2018 from 1.7 percentage points in the fourth quarter of 2017, before falling to 1.1 percentage points in the third quarter of 2018. Korea has a similar situation, with the contribution of final consumption expenditures to its year-on-year quarterly GDP rising from 2.2 percentage points in the fourth quarter of 2017 to 2.7 percentage points in the first quarter of 2018, before falling to 1.9 percentage points in the third quarter.

China has also seen the contribution of its final consumption expenditures to year-on-year quarterly GDP first rise before falling, but it has been largely on the rise and the rise has been strong. It first rose to 5.3 percentage points in the first quarter of 2018 from 3.1 percentage points in the fourth quarter of 2017 and then fell to 5.0 percentage points in the third quarter of 2018. In terms of contribution of final consumption expenditures to quarterly GDP growth, according to data released by the National Bureau of Statistics of China (NBS), in the first three quarters of 2018, the accumulative ratio of the country's final consumption expenditures to quarterly GDP growth was 77.8%, 78.5% and 78%, respectively, the first time it has exceeded 75% for three consecutive months since the bureau first started to release the data. The ratios were 46.5, 47.1 and 46.2 percentage points higher than that of gross capital formation. The ratio of services expenditures to GDP growth has risen continually (in the third quarter of 2018, the ratio was 52.6%, up by 0.2 percentage point), constituting a strong and stable buttress for GDP growth and indicating that final consumption expenditures have become the "stabilizer" and "ballast stone" to push China's economic development.

**Figure 3. Ratio of final consumption expenditures of the E11 to economic growth in 2015-2017**



<sup>1</sup>Countries are listed based on their 2017 data.

<sup>2</sup>China's data come from the National Bureau of Statistics of China: <http://www.stats.gov.cn/english/>.

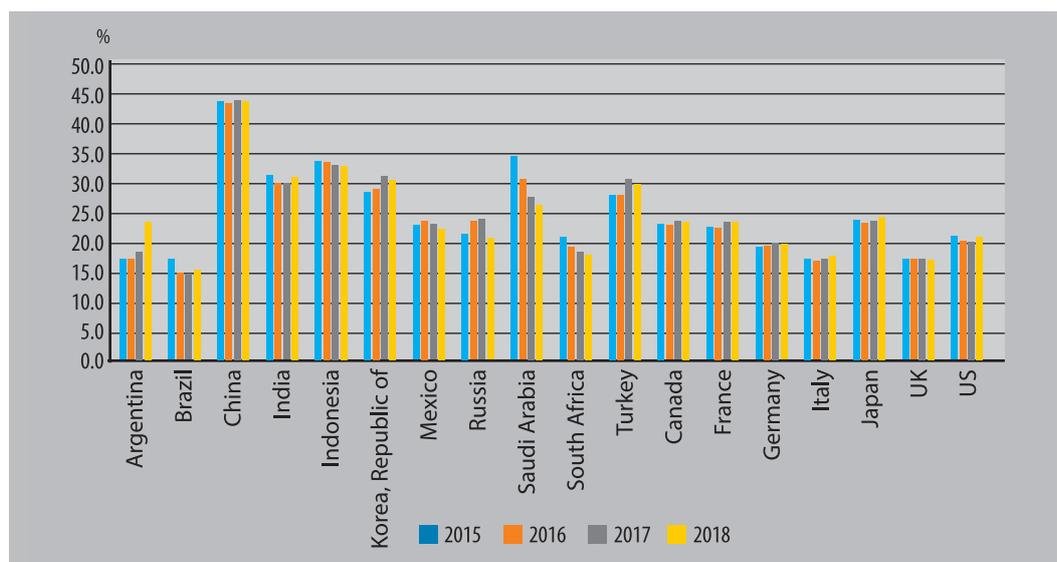
Source: [4].

## 2. Weakened role of investment in pushing economic growth

The E11 countries, except Argentina, Brazil and India, have seen their gross investment to GDP ratios drop across the board, indicating that the role of investment in boosting economic growth is weakening in the E11. Compared with 2017, the investment to GDP ratio in Argentina in 2018 jumped the most (5.1%) among the E11 countries, followed by India (0.8%). In Brazil, the ratio rose by 0.6 percentage point (See Figure 4). In contrast, the investment to GDP ratio in Russia dropped the most (3.1%) among the E11 countries, followed by Saudi Arabia (1.3%). It fell by 0.6 percentage point in Mexico. The ratio dropped only slightly in Indonesia (0.03%). The ratio was also low in China (0.2%). According to data released by the National Bureau of Statistics of China, from January to October 2018, fixed-asset investment (investment by farmers not included) increased by 5.7%, up by 0.3 percentage point compared with the first three quarters of 2018. It has continued to rise after it stabilized in September. In terms of detailed investment structure, infrastructure investment growth has bottomed out and increased by 3.7% in the first ten months, 0.4 percentage point higher than in the first three quarters. In the future, as China continually implements its policy of “stabilizing employment, finance, foreign trade, foreign investment, investment and expectations”, the construction of a series of major projects will be accelerated and the infrastructure investment will continue to be stable. Moreover, industrial transformation, upgrading and innovation have become a major driving force for manufacturing investment growth. China’s manufacturing investment has continued to maintain fast-rate growth, increasing by 9.1% year-on-year, up by 0.4 percentage point compared with the first three quarters, the highest since August 2015. China has stuck to its policy of “houses are for living in, not for speculation” and accelerated the build-up of a housing system that ensures supply through multiple sources and encourages both housing purchases and rentals. As a result, real estate investment growth eased to 9.7%. Besides, thanks to the implementation of policies aimed to boost private investment, such as loosened market access, tax cuts and fee reduction and strengthened protection of property rights, China’s private investment has maintained sound growth momentum, increasing by 8.8% year-on-year in the first ten months, compared with 8.7% in the first three quarters and 5.3% for all types of investment. Compared with advanced economies, such as G7, although the ratio of gross investment of the E11 to their GDP has dropped, it remains at high levels. From 2015 to 2018, the ratio of gross investment of the E11 to their GDP dropped to 27.2% from 27.6% while that of G7 rose to 21.2% from 20.8%. Investment has played a significantly larger role in boosting economic growth in the E11 than in G7 economies.

In terms of the boosting effect of investment on economic growth, gross capital formation of some E11 countries has made a negative contribution to their economic growth. According to data of WIND database, contribution of Korea’s capital formation to its year-on-year quarterly GDP growth gradually dropped to -1.8 percentage points in the third quarter of 2018 from 2.3 percentage points in the fourth quarter of 2017. Russia’s contribution of capital formation to its year-on-year quarterly GDP growth gradually slid to -1.0 percentage point in the second quarter of 2018 from 0.1 percentage point in the fourth quarter of 2017. That of Brazil rose to 1.8 percentage points in the third quarter of 2018 from -0.1 percentage point in the fourth quarter of 2017. That of South Africa has fluctuated and rose to 0.7 percentage point in the third quarter of 2018 from 0.4 percentage point in the fourth quarter of 2017. China’s gross capital formation contributed to 1.7 percentage points of the year-on-year GDP growth in the fourth quarter of 2017 and it rose to 2.1 percentage points in the third quarter of 2018. In terms of contribution of capital formation to GDP growth, according to China’s NBS data, in the first three quarters of 2018, the accumulative contribution of the country’s gross capital formation to quarterly GDP growth was 31.3%, 31.4% and 31.8%, respectively.

Therefore, although the proportion of gross investment in national economic growth has dropped slightly, it remains an important driving force for economic growth.

**Figure 4. Ratio of gross investment to GDP in the E11 and G7 in 2015-2018**

<sup>1</sup>Gross investment or capital formation comprises fixed capital formation, changes in inventories and acquisitions less disposals of valuables for a unit or sector. Data for 2018 are estimates.

Source: [3].

### 3. Contribution of net exports to economic growth increases

In most E11 countries, net exports of goods and services have made a positive and increasing contribution to economic growth. According to data of WIND database, in Argentina, contribution of net exports of goods and services to economic growth rose to 1.9 percentage points in the third quarter of 2018 from -5.8 percentage points in the fourth quarter of 2017. In Brazil, the contribution increased to 1.8 percentage points in the third quarter of 2018 from 1.0 percentage point in the fourth quarter of 2017. In Korea, it gradually strengthened to 2.1 percentage points in the third quarter of 2018 from -1.7 percentage points in the fourth quarter of 2017. In Russia, it was 1.3 percentage points in the second quarter of 2018, compared with -1.9 percentage points in the last quarter of 2017.

In some E11 countries, contribution of net exports of goods and services to economic growth has been negative. In South Africa, it slid to -1.1 percentage points in the third quarter of 2018 from -0.2 percentage point in the last quarter of 2017. In China, it dropped to -0.6 percentage point in the third quarter of 2018 from 2.0 percentage points in the fourth quarter of 2017. In terms of ratio of net exports of goods and services to economic growth, according to data released by the National Bureau of Statistics of China, in the first three quarters of 2018, net exports of goods and services accounted for -9.1%, -9.9%, and -9.8% of year-on-year quarterly GDP growth. Due to the rising protectionism, China-US trade frictions, and diverging performances of the advanced economies, China has faced a worsen external environment, leading to consistently negative contribution of its net exports of goods and services to year-on-year quarterly GDP growth.

### TREND OF MID- AND HIGH-RATE GROWTH OF EMERGING ECONOMIES MAY CONTINUE

The Composite Leading Index (CLI), Consumer Confidence Index (CCI) and Business Confidence Index (BCI), released by the Organization for Economic Co-operation and Development (OECD) show that in the short term, the economic growth of the E11 economies still faces multiple uncertainties; but in 2019, the E11 is on the whole expected to maintain mid- and high-rate growth.

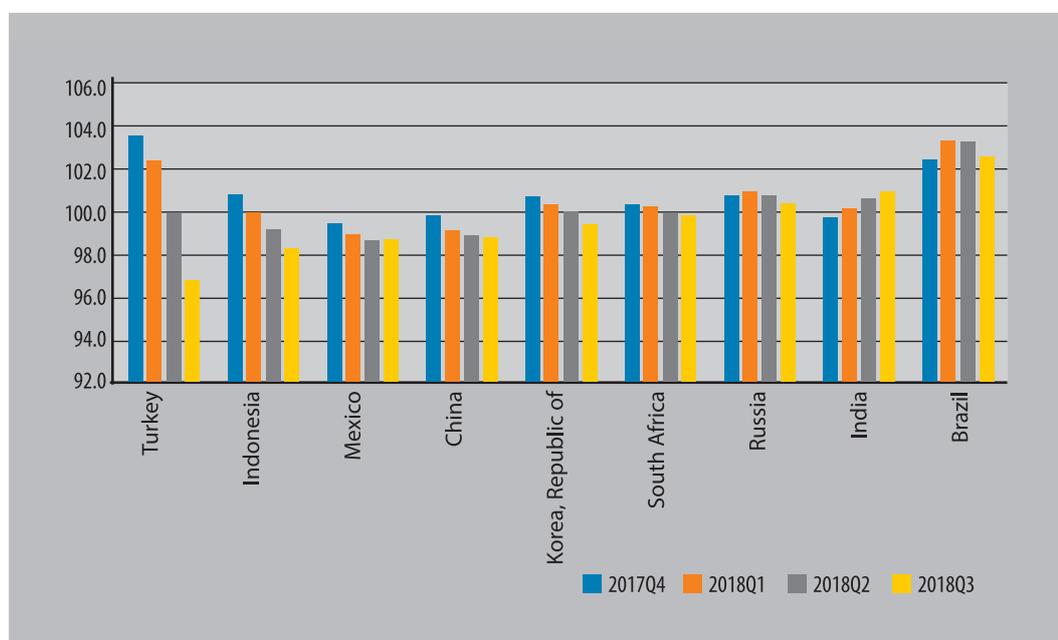
The CLI is compiled on the basis of economic data in various fields that are put together based on certain rules. It provides pre-warning signals of business cycle turning at a time of fluctuation of economic activities around its long-term, potential level, and it can be used to anticipate economic trend in the upcoming six to nine months. When the CLI reading exceeds 100, it means the economy

expands; when it is below 100, it means the economy contracts. The CLI readings released by OECD show that most CLI readings of the E11 countries have been on the decline and below 100, indicating they may face some challenges in terms of economic growth in the short term (See Figure 5). From the fourth quarter of 2017 to the third quarter of 2018, the CLI of India had kept going up and exceeded 100, rising to 100.9 from 99.7, the only E11 country that had such a strong performance. Thanks to its commodity and service tax reform and the fading of shocks brought by such measures as cash cancellation, plus strong investment and personal consumption growth, India has achieved strong economic growth.

In the first three quarters of 2018, Russia's CLI had remained above 100 but kept falling, down to 100.4 from 101.0, which was mainly caused by the slumping international oil prices and the escalating sanctions imposed by the US and its allies. In the first three quarters of 2018, Brazil's CLI was also above 100, but had continually fallen, down to 102.5 in the third quarter from 103.2 in the first. That of China dropped to 98.7 in the third quarter of 2018 from 99.8 in the fourth quarter of 2017. Against the backdrop of continued China-US trade frictions and its structural reforms that have stepped into the "deep-water zone", China may face some downward pressure in terms of economic growth in the future.

The CLI of Turkey had continued to fall, down to 96.8 in the third quarter of 2018 from 103.6 in the fourth quarter of 2017. It faces worrisome economic prospects due to surging inflation, serious depreciation of lira and soaring unemployment rates and expanding current account deficits. According to results of a Reuters poll, Turkey may face economic recession in the fourth quarter of 2018 and the first quarter of 2019, and the recession could extend beyond the first quarter of 2019. Indonesia's CLI also fell to 98.4 in third quarter of 2018 from 100.7 in the fourth quarter of 2017 while that of Mexico, Korea and South Africa dropped to 98.7, 99.4 and 99.8 in the third quarter of 2018 from 99.5, 100.6 and 100.3 in the fourth quarter of 2017, respectively. The falling CLI readings indicate that the growth momentum of the E11 may ease and those economies face downward growth pressure in the short term.

Figure 5. CLIs of some E11 countries from Q4, 2017-Q3, 2018

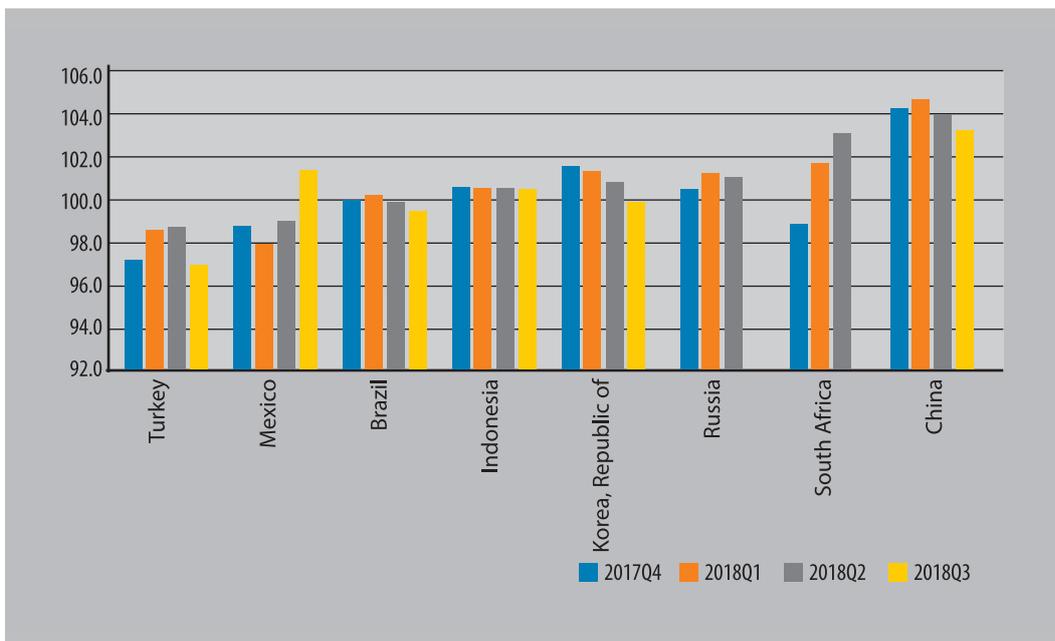


<sup>1</sup>Original data are monthly figures and quarterly data are three-month average. Data for Argentina and Saudi Arabia are not available in OECD database. Countries are ranked based on the data of Q3, 2018.

Source: Compiled by the author basing on the OECD data [5].

CCI reflects the subjective measurement of current economic situation and prospects, level of incomes, expectations and confidence of consumers and it is an early-time index to forecast consumption trend and economic tendency in the coming six months. If CCI reading is above 100, it indicates possible improvement of economic climate and prevailing consumer optimism; if CCI reading is below 100, it indicates possible deterioration of economic climate and prevailing consumer pessimism. The CCI readings of the OECD show that people are largely optimistic toward the prospects of most E11 countries (See Figure 6). In the third quarter of 2018, the CCI readings of China, Mexico and Indonesia were all above 100, reaching 103.1, 101.3 and 100.5, respectively. China is transitioning from the phase of high-rate growth to that of high-quality development. Although it faces some downward pressure, it still maintains mid-and high-rate growth. Against that backdrop, China’s industrial structure has continued to improve, which, together with new emerging industries, has increase jobs and jazzed up consumer propensity to spend, making domestic demand the main driving force for economic growth. Russia’s CCI reading rose to 101.0 in the second quarter of 2018 from 100.5 in the fourth quarter of 2017, while that of South Africa rose to 103.0 in the second quarter of 2018 from 98.9 in the fourth quarter of 2017, indicating that their domestic consumers are quite optimistic toward their economic prospects and consumer confidence has improved, jazzing up consumption demand. In contrast, Turkey’s CCI reading dropped to 97.0 in the third quarter of 2018 from 97.2 in the last quarter of 2017; in Brazil, the CCI reading fell to 99.5 in the third quarter of 2018 from 99.9; that of Korea dropped to 99.9 in the third quarter of 2018 from 101.5 in the fourth quarter of 2017, indicating that consumer confidence in those countries has weakened and may affect expansion of their domestic demand in the short term.

Figure 6. CCIs of some E11 countries from Q4, 2017-Q3, 2018

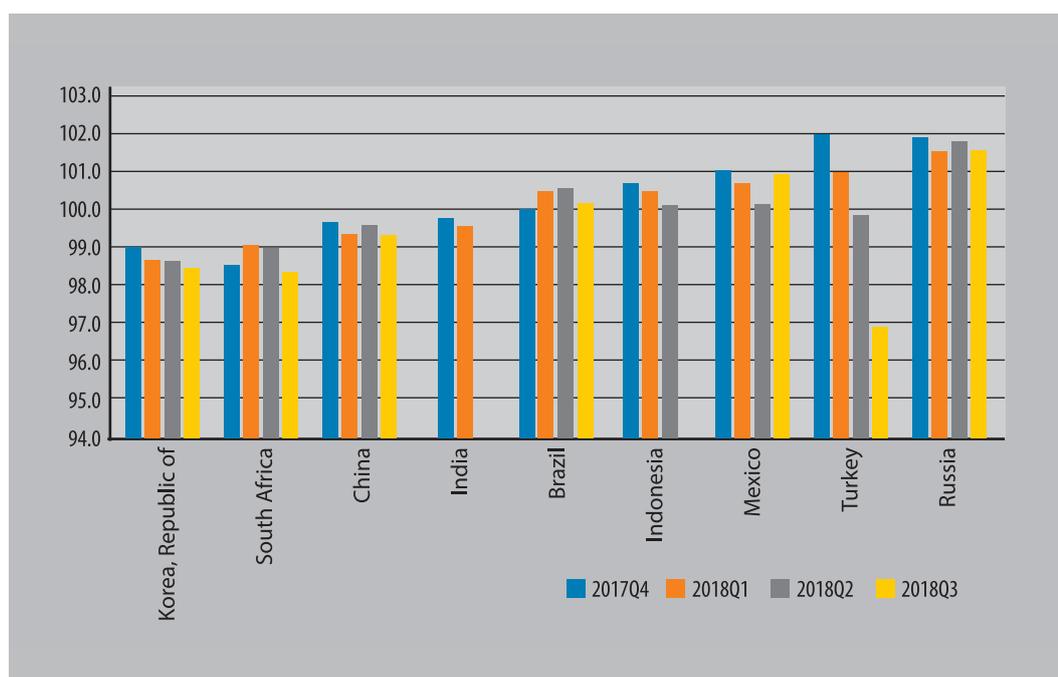


<sup>1</sup> Original data are monthly figures and quarterly data are three-month average. Data for Argentina, India and Saudi Arabia are not available in OECD e-library. Data for South Africa are updated to June 2018 and those for Russia are only updated to August 2018, so the figures only reveal the CCI data for the two countries as of Q2, 2018. The rankings are based on data of Q2, 2018.

Source: Compiled by the author basing on the OECD data [6].

BCI reflects the enterprises' evaluation of future's economic trend based on its own products, orders, inventory and current conditions and is used to predict corporate operation in the coming six months. If the BCI reading is positive, it demonstrates that the business operation may improve and the majority of enterprises are optimistic about their national economic prospects; if it is negative, it then indicates that the business operation deteriorates and the majority of enterprises are pessimistic about their national economic prospects. The BCI readings released by OECD indicate that BCIs in most E11 countries have dropped (See Figure 7). In terms of performance of individual countries, the BCI readings stayed above 100 in the third quarter of 2018 in Brazil, Mexico and Russia, standing at 100.2, 100.9 and 101.6, respectively; that of Indonesia was also above 100, but it had dropped to 100.1 in the second quarter of 2018 from 100.7 in the fourth quarter of 2017. Comparatively, other E11 countries face a harsher situation indicated by their BCI readings. Korea's BCI reading dropped continually to 98.5 in the third quarter of 2018 from 99.0 in the fourth quarter of 2017; that of South Africa fell to 98.4 in the third quarter of 2018 from 98.6 in the fourth quarter of 2017; that of China slid to 99.4 from 99.7 and that of India dropped to 99.6 from 99.8 in the same period. Turkey's BCI reading dropped below the demarcation line of 100 to 96.9 in the third quarter of 2018 from 102.0 in the fourth quarter of 2017. The falling BCI readings show that enterprises of those countries are quite cautious and even pessimistic about their future economic prospects and in the future they may adjust their investment scale and reduce employment, which will combine to affect economic output.

Figure 7. BCIs of some E11 countries from Q4, 2017-Q3, 2018



<sup>1</sup>Original data are monthly figures and quarterly data are three-month average; data for Argentina and Saudi Arabia are not available in OECD e-library. Data for India and Indonesia are updated to May and June 2018, respectively, so only BCI prints of the two countries in Q1, 2018 and Q2, 2018 are shown. The rankings are based on data of Q3, 2018.

Source: Compiled by the author basing on the OECD data [7].

Looking ahead, the E11 economy is expected to maintain mid- and high-rate growth and remains an indispensable driving force for pushing global economic growth. According to IMF forecasts in January 2019, the GDP growth of the E11 may be kept above 5% during the 2019-2023 period and, compared with 2018, it would fall by 0.1 percentage point to hit 5.0% in 2019 (See Table 4). In terms of performance of individual E11 countries, China's GDP growth is expected to slide to 6.2% in 2019 and gradually fall to 5.6% in 2023. From the perspective of external demand, given the prevailing protectionism, possibly easing of growth in the US, uncertainties brought by the China-US trade relation and the fragile and slack growth of European and Japanese economies, the global economic growth is expected to slow and fluctuations in the emerging-market economies would intensify, which will further worsen the external environment China faces. From the perspective of domestic demand, it is becoming increasingly difficult for China to strike a balance among the tasks of stabilizing growth, promoting reform, adjusting economic structure, improving people's livelihood and preventing risks; its demand for consumption and investment may weaken. In the long term, how China will make use of its supply-side structural reform to carry out its "three tough battles" of prevention of major risks, targeted poverty alleviation, and pollution prevention will have a direct bearing on the country's high-quality development in the future. According to a report of Goldman Sachs, China will face heavier downward pressure in 2019, but considering the new-phase supply-side structural reform, the implementation of the "six stabilization" policy (stabilizing employment, finance, foreign trade, foreign investment, fixed-asset investment and expectations) and the new round of reform and opening-up, market confidence will be effectively restored. Therefore, the report said, China's real GDP growth could reach 6.3% in 2019.

India's GDP growth is expected to reach 7.5% in 2019 and be kept at about 7.7% in the coming four years. As the negative effects of the cash-cancellation move by the Narendra Modi government and the goods and services tax reform gradually fade, the reform dividends have started to unfold. In the short term, the Modi government has taken a series of measures to strengthen market confidence, promote manufacturing development and comprehensively reform the foreign investment policies, which have made India one of very good destinations for investment. In November 2018, India's retail inflation hit 2.33%, the lowest in 17 months; its manufacturing index picked up for 16 consecutive months; new orders surged; and strong demand increased sales. All those signs point to a strong growth momentum of the Indian economy, which will continue to expand in the short term.

From a long-term perspective, strong domestic demand, low-cost labor and relevant systemic reforms will provide solid support for its long-term high-rate growth. The Indian government has also initiated a new development plan, in which it strives to expand its economy to USD 5 trillion by 2025; according to the plan, the services industry will account for 60% of the economy while manufacturing and agriculture account for 20%, respectively. To achieve that target, the Indian government plans to invest USD 1 billion to push development of 12 major service sectors, including information technology service, construction and relevant service, environment service, financial service, legal service, education service, medical service, accounting and auditing service, transportation service, travel and hospitality service, audio and video service and media service, and put forward the new industrial policy to promote manufacturing development. It aims to make its services account for 60% of GDP by 2022, up from 53% in 2015, and make services export account for 4.2% of global services export by 2022, up from 3.3% in 2015. However, the Indian economy also faces some risks and problems. First, its domestic economy has been deeply integrated into the global economy and is quite sensitive to changes in external environment. Given contraction of global demand, the Indian economy cannot go unscathed. Second, its domestic macroeconomic policies, especially monetary policy, may shift to a neutral stance, which will affect its growth. Third, in the upcoming election, if Modi cannot get reelected, the many reforms measures his government has implemented may be stopped or even eliminated by the new government, putting the growth sustainability of the Indian economy at risk.

In 2019, Brazil's GDP growth is expected to reach 2.5%, up from 1.2% year-on-year. According to results of a poll conducted by polling institute Datafolha in late December 2018 before Jair Bolsonaro was to be sworn in as new president, the optimism of the Brazilian people about the country's economic prospects has hit a historical high, with about 65% of respondents expecting the economy to turn for the better in the upcoming months—the highest since 1997 when the poll was first carried out. Moreover, the public also expected the country's unemployment and inflation to improve. In the future, if the new government can reduce public debts, carry out pension reform,

punish corrupt officials, push privatization and reform taxation system, Brazil may hopefully step out of the shadow of recession and achieve stable, healthy development in the long term. In Indonesia, GDP growth is expected to reach 5.1% in 2019 and further rise to 5.4% in 2023. Korea's GDP growth is expected to be 2.6% in 2019 and stabilize at that level by 2023. Turkey's GDP growth is predicted to be about 0.4% in 2019, down by 3.1 percentage points year-on-year and it may recover and rise to 2.6% by 2023. In 2019, it is expected that GDP growth of Saudi Arabia, Russia, Mexico, South Africa and Argentina will be 1.8%, 1.6%, 2.1%, 1.4% and -1.6%, respectively.

**Table 4. GDP growth rates of the E11 in 2019–2023 (%)**

	2019	2020	2021	2022	2023
Argentina	-1.6	2.2	2.5	3.1	3.2
Brazil	2.5	2.2	2.2	2.2	2.2
China	6.2	6.2	6.0	5.8	5.6
India	7.5	7.7	7.7	7.7	7.7
Indonesia	5.1	5.2	5.3	5.3	5.4
Korea, Republic of	2.6	2.8	2.8	2.7	2.6
Mexico	2.1	2.2	2.9	3.0	3.0
Russia	1.6	1.7	1.6	1.3	1.2
Saudi Arabia	1.8	2.1	2.1	2.2	2.3
South Africa	1.4	1.7	1.8	1.8	1.8
Turkey	0.4	2.6	2.1	2.2	2.6
E11	5.0	5.2	5.2	5.1	5.1

<sup>1</sup> Economic growth of each country is the GDP growth rate calculated based on constant prices. Data above are all estimates.  
Source: [2].

### THE GROWTH PROSPECTS FOR EMERGING ECONOMIES

The possibility is high that growth of the world economy may trend down in 2019, which will spill over to affect the economic performance of the E11. Seen from factors that influence economic growth of the E11, favorable factors include the continual unfolding of dividends of the economic restructuring and deepening reforms in emerging-market economies. For instance, China's ongoing expansion of economic opening-up to form a new opening-up scenario and India's great domestic demand, low-cost labor, taxation system reform and revision of foreign investment laws and regulations, which are aimed to attract more international capital, will provide an important driving force for their economic growth. Meanwhile, the E11 economies also face multiple risks and challenges, such as the anti-globalization tide, especially the prevailing trade and investment protectionism, uncertainties regarding the evolution of the China-US trade disputes, the possibility of the US economy starting to weaken, the spill-over effect of the macroeconomic policy adjustments by the developed countries, possibility of further drastic fluctuations in the financial markets, risks caused by accumulation of debts, especially in the private sector, geopolitical risks, and populism. Those unfavorable factors will bring negative impacts on the future economic growth of the E11. Based on the above analysis, we hold that the E11 may continue to maintain their mid- and high-rate growth trend, but the possibility of their growth rising strongly is slim.

**REFERENCES**

1. *Boao Forum for Asia Development of Emerging Economies Annual Report 2018*. Beijing, University of International Business and Economics Press, March, 2018. 109 p.
2. *World Economic Outlook Update: A Weakening Global Expansion. January 2019*. International Monetary Fund. Available at: <https://www.imf.org/en/Publications/WEO/Issues/2019/01/11/weo-update-january-2019> (accessed 11.11.2019).
3. *World Economic Outlook: Challenges to Steady Growth. Washington DC, October 2018*. International Monetary Fund. Available at: [https://www.elibrary.imf.org/doc/IMF081/25350-9781484376799/25350-9781484376799/Other\\_formats/Source\\_PDF/25350-9781484377192.pdf](https://www.elibrary.imf.org/doc/IMF081/25350-9781484376799/25350-9781484376799/Other_formats/Source_PDF/25350-9781484377192.pdf) (accessed 11.11.2019).
4. *Global Economic Prospects: Darkening Skies*. World Bank. January 2019. Available at: <http://documents.worldbank.org/curated/en/307751546982400534/Global-Economic-Prospect-Darkening-Skies> (accessed 11.11.2019).
5. *OECD Composite Leading Indicators (CLI), December 2018*. Available at: <https://www.oecd.org/newsroom/composite-leading-indicators-cli-oecd-december-2018.htm> (accessed 11.11.2019).
6. *OECD Consumer confidence index (CCI)*. Available at: <https://data.oecd.org/leadind/consumer-confidence-index-cci.htm> (accessed 11.11.2019).
7. *OECD Business confidence index (BCI)*. Available at: <https://data.oecd.org/leadind/business-confidence-index-bci.htm> (accessed 11.11.2019).

ПЕРСПЕКТИВЫ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА  
РАЗВИВАЮЩИХСЯ СТРАН

(Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН, 2019, № 1, сс. 18-32)  
Статья поступила в редакцию 01.07.2019.

Цзя Чжунчжэн ([jjazz@cass.org.cn](mailto:jjazz@cass.org.cn)).

Институт мировой экономики и политики, Китайская академия общественных наук, 15th Floor, CASS Building, No. 5 Jianguomennei Dajie, Beijing 100732, P.R.China.

В настоящее время, когда международная система претерпевает существенные изменения, развитие мировой экономики замедлилось, усиливается протекционизм и растет противодействие глобализации, высок уровень неопределенности относительно перспектив мирового экономического роста. Особое давление в связи с этим испытывают развивающиеся страны. В статье подробно рассматривается экономическая ситуация таких стран и анализируются факторы по линии спроса, влияющие на текущие экономические тренды, а также дается прогнозная оценка перспективам роста стран указанной группы. По сравнению с 2017 г., в 2018 г. экономический рост 11 стран этой группы (или E11), а именно: Аргентины, Бразилии, Индии, Индонезии, Китая, Мексики, Республики Корея, России, Турции, Саудовской Аравии, Южно-Африканской Республики, незначительно замедлился. Доля стран E11 в мировой экономике, рассчитанная как на основе рыночного обменного курса, так и по паритету покупательной способности, слегка уменьшилась. В то же время реальный рост ВВП на душу населения в этой группе стран практически не изменился по сравнению с 2017 г. С точки зрения спроса автор обращает внимание на вклад каждого из трех крупнейших двигателей роста в 2018 г. Хотя конечное потребление составляло небольшую долю экономического роста стран E11 в 2018 г., оно остается основной опорой экономического роста. Доля инвестиций также снизилась, и их значение для экономического роста уменьшилось. В большинстве стран E11 роль чистого экспорта товаров и услуг для ускорения экономического роста возросла, и его вклад в экономический рост усилился. Однако в Китае роль чистого экспорта товаров и услуг снижалась, и его вклад в экономический рост был отрицательным. Сводный опережающий индекс (Composite Leading Index, CLI), Индекс доверия потребителей (Consumer Confidence Index, CCI) и Индекс предпринимательской уверенности (Business Confidence Index, BCI), которые публикует Организация экономического сотрудничества и развития, показывают, что в краткосрочной перспективе экономический рост в странах E11 по-прежнему связан со значительной неопределенностью. Высока вероятность того, что рост мировой экономики в 2019 г. замедлится, что повлияет на экономические показатели стран E11. В целом ожидается, что развивающиеся страны сохранят средние и высокие темпы роста, однако существенное ускорение экономического роста маловероятно.

**Ключевые слова:** развивающиеся страны, E11, экономический рост, спрос, перспективы экономического роста.

Об авторе:

Цзя Чжунчжэн, Ph.D по экономике, научный сотрудник.

DOI: 10.20542/afj-2019-1-18-32

УДК: 001.8+001.18: 330.35+332.144+338.27+338.121+338.516+339+339.133+346.512

## “КИТАЙСКАЯ УГРОЗА” В ЭКСПЕРТНОМ ДИСКУРСЕ ИНДИИ

© 2019 г. А. КУПРИЯНОВ

КУПРИЯНОВ Алексей Владимирович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Сектора международных организаций и глобального политического регулирования Отдела международно-политически проблем.

Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН, РФ, 117997 Москва, Профсоюзная, 23 ([a.kupriyanov@imemo.ru](mailto:a.kupriyanov@imemo.ru)).

Статья подготовлена в ИМЭМО РАН при финансовой поддержке РФФИ и АНО ЭИСИ в рамках научного проекта № 19-011-31625 “Основные тренды и риски мирового политического развития: методология и методики прогнозных исследований”.

Куприянов А.В. “Китайская угроза” в экспертном дискурсе Индии.

Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН, 2019, № 1, сс. 33-44. DOI: 10.20542/afj-j-2019-1-33-44.

DOI: 10.20542/afj-2019-1-33-44

УДК: (510)+(540): 001.8+001.18+339.977: 327

Статья поступила в редакцию 10.10.2019.

В статье при помощи дискурс-анализа исследуется позиция экспертов трех аналитических центров Индии: Института оборонных исследований и анализа (*IDSА*), Индийского совета по международным делам (*ICWA*) и “Индия Фаундейшн” (*IF*) по вопросу китайской угрозы интересам Индии. Автор отмечает наличие разногласий среди экспертов в отношении возможного сценария военного противостояния с КНР, приходя к выводу о том, что по другим темам (малая вероятность масштабной войны, наличие стратегической угрозы для Индии со стороны Китая) между ними существует консенсус.

**Ключевые слова:** Индия, Китай, аналитические центры, прогнозирование, дискурс, стратегическое соперничество.

В XXI в., который многие политики и эксперты уже именуют “веком Азии”, ключевое значение для развития мировой экономической системы и системы международных отношений приобретают взаимоотношения двух азиатских гигантов – Индии и Китайской Народной Республики (КНР). Население обеих стран в сумме составляет почти половину всего населения земного шара, а их общий промышленный потенциал превосходит американский. В этой связи для Китая важнейшей задачей становится обеспечение дружественного нейтралитета Индии, для США – превращение Индии в своего младшего союзника против набирающей силу КНР. На данный момент ни одна из сторон не достигла в полной мере своей цели: Индия придерживается позиции стратегической автономии, сохраняя нейтралитет и отказываясь вступать в союзы с другими великими державами. По историческим причинам среди индийских политиков и военных распространено недоверчивое отношение к КНР.

В последнее время в индийских экспертных кругах все чаще слышатся призывы к союзу с США. Так, эксперт влиятельного Института оборонных исследований и анализа (*Institute for Defence Studies and Analysis, IDSA*) С. Кальянараман выступил со статьей “Станет ли Индия союзником Америки?”, в которой утверждал, что “вопрос о том, вступит ли Индия в альянс с Америкой, будет определяться не приверженностью принципу стратегической автономии... это будет зависеть от двух факторов: степени, в которой позиции Индии и Америки совпадают или расходятся по соответствующим вопросам конфликта с Китаем; и степени, в которой страны нуждаются в военной помощи и готовы внести свой вклад в военные усилия друг друга” [1]. Вскоре после публикации этой статьи известный журналист Рави Шанкер Капур открыто призвал к союзу с США [2]. Хотя в тексте Капура речь идет главным образом о стратегическом альянсе с целью нейтрализации Пакистана, с которым Индия имеет территориальный конфликт

по вопросу принадлежности части территорий штата Джамму и Кашмир<sup>1</sup>, очевидно, что такое изменение внешнеполитического курса не только будет иметь далеко идущие последствия для индийско-китайских отношений, но и кардинально изменит всю региональную конфигурацию безопасности.

Вопрос, насколько подобные взгляды распространены в экспертной среде, приобретает важное значение. Как формируется экспертный и научный дискурс в отношении Китая? Какие темы являются преобладающими? Какое влияние этот дискурс оказывает на позицию политических кругов? Насколько можно прогнозировать действия высшего индийского политического руководства, основываясь на экспертных оценках индийских аналитических центров? Ответить на эти вопросы должна настоящая статья.

Объектом анализа является позиция экспертов трех влиятельных аналитических центров: уже упомянутого Института оборонных исследований и анализа, Индийского совета по международным делам (*Indian Council of World Affairs, ICWA*) и “Индия Фаундейшн” (*India Foundation, IF*). Основным методом – контекстный дискурс-анализ: проанализированы публикации на сайте этих организаций, выступления в прессе работающих в них экспертов, статьи в журналах, издаваемых этими аналитическими центрами, а также личные беседы экспертов с автором статьи. Хронологические рамки исследования охватывают период с 2014 по 2019 гг.: это связано с тем, что после прихода к власти премьер-министра Нарендры Моди произошли существенные изменения в роли аналитических центров в системе принятия внешнеполитических решений. Отношения аналитических центров и руководящих органов Индии оцениваются в рамках системного и критико-диалектического подходов.

### ИНДИЯ И КИТАЙ: ИСТОРИЧЕСКАЯ СПРАВКА

История взаимоотношений индийской и китайской цивилизаций насчитывает не менее трех тысячелетий. Эти отношения были по большей части мирными и базировались на взаимовыгодном торговом и культурном обмене. Однако в XIX в. парадигма изменилась: формирующаяся индийская интеллигенция заимствовала у британских колонизаторов определенный набор представлений о Китае. Он стал восприниматься, с одной стороны, как “больной человек Азии”, символ отсталости; с другой, – как потенциальная угроза.

Джавахарлал Неру, ставший премьер-министром после обретения Индией независимости, попытался предложить новую концепцию отношений двух стран, согласно которой союз Индии и Китая должен был стать центром силы, вокруг которого бы группировались страны Азии и Африки, не желающие примыкать к той или иной стороне в холодной войне. Эта политика встретила сопротивление со стороны индийских интеллектуальных элит и офицерского корпуса, сформировавшихся под британским влиянием, к тому же была достаточно непоследовательна: стремясь укрепить отношения с КНР на глобальном уровне в общем контексте отрицания британского имперского наследия, правительство Неру не собиралось уступать Китаю в болезненных для него вопросах урегулирования границы, отстаивая это наследие на региональном уровне. Это, наряду со внутренними процессами в КНР и взаимным непониманием сторонами мотивов друг друга, стало одной из причин пограничной войны 1962 г.

Поражение Индии в этой войне привело к росту в индийских политических и военных элитах антикитайских настроений и сформировало представление о Китае как о непредсказуемом соседе, вынашивающем агрессивные замыслы. Это представление закрепилось в индийском массовом сознании; в результате сформировался отчетливый антикитайский общественно-политический дискурс, а боязнь китайской угрозы стала одним из определяющих факторов внешней политики Индии, вынудившим ее укреплять отношения с СССР.

<sup>1</sup> Индия претендует на всю территорию бывшего княжества Джамму и Кашмир, включая земли, находящиеся под контролем Пакистана и Китая. Пакистан, в свою очередь, поддерживает претензии непризнанного государства Азад Кашмир (“Свободный Кашмир”) на земли бывшего княжества, населенные мусульманами.

В 1990-х годах с окончанием холодной войны и распадом СССР Индии пришлось менять внешнюю политику. Одним из признаков этих изменений стало постепенное сближение с КНР, которая после событий на площади Тяньаньмэнь пыталась найти политическую поддержку среди азиатских стран. В 1993 и 1996 гг. между Индией и Китаем были подписаны соглашения о поддержании мира на линии фактического контроля, которые объективно способствовали укреплению доверия между Нью-Дели и Пекином. В дальнейшем аналогичные соглашения подписывались в 2005, 2012 и 2013 гг., причем набор механизмов и процедур, призванных не допустить вооруженные инциденты, неизменно расширялся.

В 2000-х годах интерес к сотрудничеству с Индией проявили США, которые рассматривали Нью-Дели как плацдарм против набирающего силу Китая. В это же время началось российско-китайское сближение, объективно осложнившее российско-индийские отношения. Укрепляющиеся связи с США и антикитайский настрой большинства индийских экспертов позволили зарубежным аналитикам сделать вывод о грядущем отходе Индии от политики стратегического нейтралитета и переходе в американский лагерь.

Избранный в 2014 г. премьер-министром Н. Модии предпринял меры по укреплению доверия между Нью-Дели и Пекином, встретившись в 2015 г. с председателем КНР Си Цзиньпином. Однако последовавший кризис в индо-пакистанских отношениях, политический кризис на Мальдивах<sup>2</sup> и Докламский инцидент<sup>3</sup> позволили индийским “ястребам” заявить о том, что правительство Модии продолжает линию на сближение с Соединенными Штатами в ущерб Китаю. Тем не менее по итогам Уханьского саммита 2018 г. индо-китайские отношения вновь были нормализованы.

Подобная непоследовательность, когда саммиты чередуются с пограничными инцидентами, создает известную неопределенность и затрудняет прогнозирование дальнейших шагов индийского политического руководства. В этих условиях представляется важным изучение дискурса, который формируется и поддерживается индийскими экспертными центрами.

## ХАРАКТЕРИСТИКА ИНДИЙСКИХ АНАЛИТИЧЕСКИХ ЦЕНТРОВ

Для анализа были выбраны позиции трех индийских аналитических центров: *IDSA*, *ICWA* и *India Foundation*. Это обусловлено особой ролью, которую они традиционно играют в формировании властного: индийского властного политического дискурса, а также неизменностью позиции первых двух центров в общей структуре индийского экспертного сообщества независимо от смены политического руководства страны.

Институт оборонных исследований и анализа<sup>4</sup> – крупнейший индийский аналитический центр, занимающийся вопросами безопасности. Он был основан в 1965 г., полностью спонсируется Министерством обороны Индии и действует в его интересах. В Институте работают как гражданские, так и военные эксперты, они часто выступают в медиа. Хотя официально заявляется, что высказывания экспертов отражают лишь их собственное мнение, специфика формирования экспертного корпуса, во многом состоящего из бывших и действующих военных, заслуженно высокая репутация, которой *IDSA* пользуется в индийском обществе и экспертных кругах, частые выступления его экспертов позволяют, во-первых, ассоциировать высказывающиеся ими взгляды со мнением военной верхушки страны в целом, во-вторых, рассматривать *IDSA* как один из дискурсоформирующих институтов. *IDSA* ежемесячно выпускает журнал *Strategic Analysis*. Ключевыми сотрудниками института, занимающимися

<sup>2</sup> В феврале 2018 г. президент традиционно находившихся в индийской сфере влияния Мальдив Абдулла Ямин объявил в стране чрезвычайное положение и арестовал двух оппозиционно настроенных членов Верховного суда, обвинив их в попытке переворота. Действия Ямина, взявшего до того курс на сближение с КНР, были расценены индийским руководством крайне негативно. Бывший президент Мальдив Мухаммед Нашид призвал Индию к интервенции на Мальдивы, что вызвало резкую отповедь Пекина. Кризис был окончательно урегулирован после поражения Абдуллы Ямина на выборах в сентябре 2018 г.

<sup>3</sup> В июне 2017 г. китайские военные инженеры начали прокладку дороги через плато Доклам, на которое находится под контролем Бутана, но является предметом территориальных притязаний КНР. Бутан обратился к Индии за помощью. Индийские военные без применения оружия заблокировали дальнейшее строительство и вытеснили китайских солдат и рабочих со спорного участка, однако территориальная проблема до сих пор не урегулирована.

<sup>4</sup> Сайт института: <https://idsa.in/>.

вопросами отношений Индии и Китая, являются Джаянатх П. Панда, С. Кальянараман и Прашант Кумар Сингх.

Индийский совет по международным отношениям<sup>5</sup> тесно связан с МИД Индии. Он был создан в 1943 г. группой видных индийских интеллектуалов и изначально ставил задачей формирование особого индийского взгляда на основные проблемы международных отношений. Совет привлекает в том числе внешних экспертов, публикует журнал *India Quarterly* и полностью финансируется Министерством иностранных дел Индии. Подобно тому, как *ISIA* формирует свой экспертный корпус из отставных и действующих военных, *ICWA* работает с бывшими дипломатами. Это позволяет считать его институтом, отражающим в целом точку зрения МИД. Ключевыми авторами *ICWA* на китайском направлении являются Санджив Кумар, Пуям Ракеш Сингх, Гунджан Сингх и Прианка Пандит.

“Индия Фаундейшн”<sup>6</sup> – аналитический центр, аффилированный с правительственной в настоящее время БДП (“Бхаратия Джаната парти”). Так как до недавнего времени партия находилась в оппозиции, роль его экспертов в формировании дискурса была сравнительно невелика. Но с момента прихода к власти Н. Моди *IF* постепенно превращается в один из ведущих аналитических центров Индии. Он тесно связан с правой индуистской организацией “Раштрия сваямсевак сангх”, что неизбежно накладывает на его исследования определенный отпечаток: особое внимание в его исследованиях уделяется самобытности, поискам корней, цивилизационному подходу. Среди основных специалистов по Китаю, публикующих свои статьи на сайте *IF*, можно назвать Шикху Аггарвал, Апурву Гоэл и Б. Шрути Рао.

При анализе взглядов индийских аналитиков необходимо учитывать специфику экспертного сообщества Индии. Частым явлением является миграция экспертов, переходящих из одного аналитического центра в другой, и отсутствие барьера между государственными и негосударственными центрами. Это, с одной стороны, способствует формированию более широкой палитры мнений в рамках одного аналитического центра, с другой – созданию консолидированной позиции большей части экспертного сообщества по определенным вопросам. Помимо этого, многие эксперты публикуются сразу на нескольких площадках и аффилированы с несколькими аналитическими центрами одновременно.

Все вопросы, касающиеся китайской угрозы, можно разделить на две основные группы: прямая военная агрессия и действия КНР по получению доминирования в зонах, интересующих Индию. Первая представляет для Индии непосредственную угрозу, так как может привести к разгрому ее вооруженных сил в крупномасштабном военном столкновении либо в серии пограничных конфликтов; второе – потенциальную угрозу, так как может привести к уменьшению индийского политического и экономического влияния в значимых для нее зонах и создать проблемы на критически важных направлениях, вынуждая Индию идти на компромисс с Китаем ради обеспечения своей безопасности.

### ВОЗМОЖНАЯ КИТАЙСКАЯ АГРЕССИЯ

После войны 1962 г. и серии последовавших за ней пограничных споров в 1963, 1965 и 1967 гг. индийское военное и политическое руководство всерьез опасалось нового китайского вторжения. Эти опасения частично рассеялись после того, как КНР, несмотря на давление со стороны США, отказалась привести в боевую готовность войска на границе с Индией во время индо-пакистанской войны 1971 г., но после обострения отношений между Нью-Дели и Пекином в 1987 г., чуть было не приведшим к новому вооруженному конфликту, вновь укрепились. Сценарий, при котором Китай осуществляет внезапное нападение на Индию для разрешения территориальных споров, рассматривается индийскими военными и политиками как маловероятный. Однако благодаря фактически союзническим отношениям Пекина и Исламабада возможен вариант, при котором Китай вмешивается в войну, чтобы спасти Пакистан, оказавшийся на грани разгрома. В этой связи индийское военное планирование подразумевает необходимость войны на “два с половиной фронта”: против Пакистана, Китая

<sup>5</sup> Сайт института: <https://icwa.in/>.

<sup>6</sup> Сайт института: <https://indiafoundation.in>.

и внутренних повстанческих и террористических групп, которые непременно начнут в этом случае вооруженную борьбу [3].

Наибольшее внимание китайской военной угрозе уделяют эксперты *IDSA*, связанные с военными кругами. Их можно условно разделить на “партию мира” и “партию войны”.

Взгляды первой выразил на страницах журнала *IDSA Strategic Analysis* Р. Баспур: «Находящаяся на подъеме держава, обладающая ядерным оружием сдерживания, может не беспокоиться серьезно по поводу китайской угрозы национальной безопасности за исключением риска конфликта на окраинах (не столь уж маловероятного) наподобие того, что произошел на Докламе. Таким образом, “большая стратегия” Индии в отношении ее противников и пограничных споров с соседями ориентирована на стабильность и поддержание статус-кво» [4, р. 195]. С ним солидарен один из ведущих китаистов института – Джаганнатх Панда. По его мнению, руководство КНР “никогда не воспринимало Индию как серьезную угрозу или соперника” [5]. Панда полагает, что в ближайшем будущем КНР будет воздерживаться от применения силы: “[Китайским экспертным сообществом] использование агрессии для достижения этой цели (отторжения от Индии штата Аруначал-Прадеш, на который КНР предъявляет территориальные претензии. – А. К.) в существующих обстоятельствах не обсуждается в принципе... Индийское стратегическое сообщество предполагает, что пограничный вопрос может вылиться в какой-либо конфликт, если он останется неразрешенным, но сейчас явная агрессивная позиция для Китая неприемлема” [6, р. 291].

Ко второй относятся прежде всего эксперты, занимающиеся вопросами стратегической безопасности и при этом не являющиеся профессиональными китаистами. Их взгляды наиболее четко изложены С. Кальянараманом: “Среди аналитиков существует определенная степень консенсуса в отношении того, что угроза, которую Китай представляет для безопасности и интересов Индии, вероятно, в ближайшие годы увеличится по мере роста мощи Китая, расширения его амбиций и способности проецировать силу за пределы своих границ... Военный баланс складывается в пользу Китая, развитие китайской инфраструктуры в Тибете значительно расширило его мобилизационные возможности... В случае ограниченного конфликта с Китаем... Индия будет нуждаться в дипломатической поддержке, в том числе в Совете Безопасности ООН, постоянных поставках оружия и запчастей для техники, разведанных и т.п.” [1]. Эксперт констатирует наличие “асимметрии силы”: КНР превосходит Индию по ВВП, расходы Китая на оборону по состоянию на 2016 г. в четыре раза превысили аналогичные расходы Индии (215 млрд долл. США против 55.9 млрд), что неизбежно приведет к дальнейшему усилению китайских позиций [7].

КНР воспринимается в данном случае как враг априори, его действия объясняются рациональным стремлением сдержать рост индийского влияния: “партия войны” полагает, что Китай опасается подрывных действий Индии в Тибете и роста ее влияния в Северо-Восточной Азии. Вопрос об обоснованности этих опасений не поднимается.

Показательна разница в трактовке действий КНР и Индии во время Докламского кризиса: “во время недавнего кризиса в Докламе Индия не только настаивала на дипломатическом урегулировании, основанном на возвращении к статус-кво, но и не позволила кризису помешать запланированным двусторонним визитам и встречам, будь то встреча премьер-министра Моди с президентом Си в кулуарах саммита G20 в Гамбурге или участие трех министров в конференциях БРИКС на министерском уровне”. То, что в равной степени проведение этих встреч зависело и от китайской стороны, автором игнорируется; вместо этого обращается внимание на “громогласную кампанию в контролируемых государством средствах массовой информации Китая, которая предупреждала, что Китай может повторить войну 1962 г., отозвать признание Сиккима как неотъемлемой части Индии, спровоцировать проблемы в северо-восточных штатах Индии и отправить войска в Кашмир по просьбе Пакистана”. Это трактуется как “поднятие завесы над действительным процессом мышления китайского руководства в отношении Индии” [8].

Эксперты *CSWA* тему возможной китайской агрессии не поднимают в принципе: сам термин “китайская агрессия” встречается исключительно при цитировании заявлений представителей

третьих стран (к примеру, Вьетнама). Однако на страницах своего издания *India Quarterly* центр предоставляет площадку алармистски настроенным экспертам, которые, к примеру, не исключают военный удар Китая с целью отрезать северо-восточные штаты Индии от основной части страны [9, р. 330] и рассматривают конфликт на Докламе как “спровоцированный Китаем” [10].

Своеобразную позицию занимает *India Foundation*. Его эксперты употребляют термин “китайская агрессия” исключительно в отношении индо-китайской пограничной войны 1962 г. Пограничный конфликт на Докламе описывается в основном с использованием терминов “противостояние” и “инцидент”. Единственным ярким исключением является статья генерал-майора в отставке Дхрува Каточа, в которой эксперт пытается с использованием китайских стратагем объяснить политику Пекина в отношении Индии [11].

В отличие от коллег из *IDSA*, Каточ основное внимание уделяет “психологической войне”, которую Китай, по его мнению, уже ведет против Индии. Пограничные инциденты, включая докладский, описываются как “инструмент, используемый Китаем, чтобы запугать и подчинить Индию и в то же время представить свои действия в качестве законных и получить международную поддержку”. Индия, по мнению Каточа, станет главным противником Китая, как только он аннексирует Тайвань, война с ней поможет отвлечь внимание китайского народа от внутренних проблем. Сперва китайцы попытаются сломить волю народа Индии при помощи психологических операций, использования кибератак и достижения полного превосходства в космосе. Если это не поможет, КНР начнет конвенциональную войну. При этом китайцы, по мысли Каточа, не ставят себе целью уничтожение Индии как независимой державы и будут пытаться прекратить конфликт на каждой стадии на выгодных для себя условиях. “Настоящая угроза не в количестве дивизий, которые могут накопить китайцы... Мы должны превзойти их на фронтах операций психологической войны и управления восприятием”, – резюмирует генерал. В целом позицию экспертов *India Foundation* можно охарактеризовать как достаточно жесткую: по их мнению, Индия не должна идти на компромисс, ее твердость в отстаивании собственных интересов и демонстрация своих военных возможностей – единственный способ избежать возможного военного конфликта с Китаем [12]. При этом эксперты *IF* признают, что это заставит КНР рассматривать Индию как стратегический вызов, но полагают, что именно благодаря такой позиции Нью-Дели сможет продемонстрировать странам Южной и Юго-Восточной Азии свою решимость и претендовать на лидирующую роль в этих регионах [13].

Таким образом, можно констатировать наличие расхождения в позициях экспертов аналитических центров. Оно вызвано прежде всего спецификой формирования экспертного корпуса самих центров и их явной аффилиацией с определенными государственными и партийными институтами. Стоит отметить также, что эксперты *IDSA* более открыты в отношении союзов со внешними игроками, в то время как *IF* склонен опираться на собственные силы. При этом существует консенсус как в отношении того, что Индия в принципе способна успешно вести пограничную войну с Китаем без внешней поддержки, так и в отношении того, что она не может рассчитывать на военную или политическую помощь России, которая сегодня воспринимается как слишком тесно связанная с КНР. Показательно также, что эксперты всех трех аналитических центров в принципе не рассматривают как возможный сценарий ядерный конфликт между Китаем и Индией.

## ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ДОМИНИРОВАНИЕ КИТАЯ

Общим для индийских экспертов является положение о том, что КНР стремится обеспечить себе доминирование в субрегионах Азии и регионе Индийского океана, имеющих важное значение для безопасности и экономики Индии. В качестве основного инструмента этого доминирования рассматриваются инициативы “Пояса и пути”<sup>7</sup>, который, как предполагается, неизбежно превратится из экономического проекта в политический и приведет в конце концов к установлению китайской гегемонии в регионе. Сам план по развитию “Пояса и пути” воспринимается как долговременный, а изменения в китайском законодательстве,

<sup>7</sup> “Пояс и путь” – проект, предусматривающий прокладку экономических коридоров по территории Евразии и акватории Тихого и Индийского океанов с целью формирования новой модели международного сотрудничества в интересах как КНР, так и других стран, участвующих в проекте.

позволяющие Си Цзиньпину оставаться у власти после второго срока, – как способствующие его реализации [14]. Хотя индийские эксперты в целом осознают, что основным противником для КНР являются США, а не Индия, реализация проекта “Пояса и пути” в его нынешнем виде рассматривается как наносящая ущерб стратегическим интересам Индии. Индийские эксперты опасаются, что китайские инфраструктурные проекты приведут к попаданию стран непосредственного и расширенного соседства Индии в долговые ловушки, развитию в них коррупции, нарастанию политической нестабильности. Сама китайская политика порой оценивается как разновидность неокOLONIALИЗМА [15, p. 184].

В качестве угрожаемых выделяются следующие географические зоны.

**1. Зона непосредственного соседства – Непал и Бангладеш.** В обеих странах КНР реализует многочисленные инфраструктурные проекты. При этом Индия традиционно рассматривает эти государства как находящиеся в сфере ее влияния и имеющие ключевое значение для обеспечения безопасности.

Непал после падения монархии в 2007 г. начал диверсифицировать внешнюю политику и теперь пытается балансировать между Индией и Китаем. Проблема усугубляется тем, что Непал имеет территориальный спор с Индией. От Бангладеш, в свою очередь, зависит сохранение Индией ее северо-восточных штатов в случае вооруженного конфликта с Китаем. «Реализация китайских проектов “Пояса и пути” в Бангладеш, – утверждает на страницах журнала, издаваемого *IDSA*, аналитик Бхумитра Чакма, – неминуемо ведет к упорной борьбе Китая и Индии за лояльность Дакки, так как Индия имеет жизненно важные интересы в Бангладеш. Не исключено, что в случае роста китайского влияния Индию ждет существенный политический и экономический ущерб» [16, p. 230].

**2. Страны Юго-Восточной Азии.** На протяжении столетий до европейской колонизации этот регион входил в состав индосферы, и сейчас Индия пытается нарастить там влияние, опираясь прежде всего на Вьетнам как на страну, проводящую независимую внешнюю политику и с опаской относящуюся к планам КНР. Основные опасения Индии вызывает позиция Мьянмы, которая в условиях западных санкций неминуемо сближается с КНР, спонсирующей ее инфраструктурные и промышленные проекты. Для Индии Мьянма важна как ворота в Юго-Восточную Азию, и Нью-Дели рассчитывает на укрепление отношений с ней в рамках политики “Действуй на Востоке” (*Act East*) [17].

**3. Пакистан – наиболее проблемная зона с точки зрения индийских политиков.** Через занятые пакистанцами территории Кашмира, которые Индия считает своими, проходит китайско-пакистанский экономический коридор (*China-Pakistan Economic Corridor, CPEC*). Тот факт, что КНР не согласовал постройку соответствующей инфраструктуры с Индией, позволяет Нью-Дели обосновать отказ от участия в проекте “Пояса и пути”, частью которого является *CPEC*. Кроме того, индийские эксперты и политики опасаются, что в случае успешного развития *CPEC* снизится значение треугольника Афганистан–Пакистан–Индия, а сама Индия утратит позиции в Афганистане. При этом возрастет роль Китая, который, в свою очередь, будет пытаться стабилизировать регион через увеличение влияния Пакистана [18]. Помимо этого, Индию в принципе беспокоит строительство Китаем портов (в частности, Гвадара) в непосредственной близости от ее границ [19]. Ситуация усугубляется тем, что возможности Индии повлиять на Пакистан крайне ограничены из-за тесных связей Пекина и Исламабада.

**4. В Индийском океане,** по мнению большинства индийских экспертов, Китай реализует стратегию “нити жемчуга”, пытаясь окружить Индию цепью своих баз и портов. Сам по себе этот термин, некогда предложенный американскими аналитиками, часто используется в материалах *IDSA* [17, 20, 21] и *IF* [22, 23, 24, 25], причем в последнем случае эта стратегия характеризуется как “агрессивная”.

«Индийские аналитики в первую очередь обеспокоены возможным использованием Китаем южноазиатских проектов для двойного назначения – как при продвижении бизнес-интересов, так и для военных операций, – отмечает на страницах *Strategic Analysis* бывший офицер ВМС Индии Абхиджит Сингх. – Китайское стремление получить от глубоко закредитованных правительств контроль над портами в непосредственной близости от Индии выглядят, с точки зрения индийских наблюдателей, как попытка обеспечить

проникновение ВМС НОАК (Народно-освободительная армия Китая. – А. К.) в Индийский океан... Индийские политики публично высказывают скептицизм в отношении китайско-пакистанского экономического коридора и даже выступают против китайских инфраструктурных проектов на Шри-Ланке и Мальдивах, которые могут потенциально способствовать расширению присутствия НОАК в регионе Южной Азии. При этом индийские наблюдатели признают законные интересы Китая в регионе Индийского океана. Индийская стратегическая элита признает, что Пекин имеет законные основания защищать торговлю в Индийском океане, и даже подтверждает необходимость сотрудничества Индии и Китая в региональных морях... Однако многие индийские аналитики считают, что “морской шелковый путь” Пекина – это способ реализовать пекинские стратегические амбиции в Евразии. Они утверждают, что реализация проекта позволит ВМС НОАК занять доминирующие позиции в прибрежных районах, что окажет значительное влияние на жизненные интересы безопасности Индии» [26, pp. 199-200].

Среди экспертов всех трех аналитических центров существует консенсус в отношении того, что дальнейшее усиление Китая неизбежно, но есть разногласия в оценке продуманности действий китайского руководства. Если “партия войны” в *IDSА*, как указывалось выше, полагает действия китайского руководства рациональными, то “партия мира” указывает на их иррациональность. По мнению Джаяннатха Панды, КНР, обостряя отношения с Индией, препятствуя вовлечению Индии в проекты нефтедобычи на шельфе Южно-Китайского моря и раздражая ее прокладкой дороги через спорные территории в Кашмире, действует иррационально и ошибочно; если бы Пекин относился к интересам Нью-Дели более внимательно, Индия могла бы выступить как партнер Китая [27]. Эта позиция подразумевает, что в случае изменения поведения КНР с “иррационального” на “рациональное” возможно сближение между Китаем и Индией.

В публикациях экспертов *ISWA* тема китайской экспансии затрагивается заметно реже, действия КНР анализируются более взвешенно; аналитики центра исходят из наличия у КНР определенных интересов, которые она закономерно реализует [28]. Публикации в *India Quarterly* выдержаны в куда более резком тоне и в общем лежат в рамках упомянутого консенсуса. Так, констатируется, что “Китай считает Индию своим геополитическим соперником... и постоянно пытался ее сдерживать” [19, p. 258]; китайское проникновение в Индийский океан расценивается как “китайское наступление при помощи “мягкой силы”» [29, p. 308] и “[получение] наступательного по сути контроля над морем, который контрастирует с привычной китайской оборонительной стратегией” [30, p. 149]. В том же русле консенсуса лежит и позиция *IF*, определяющего отношения Индии и Китая как “стратегическое соперничество” [13].

Стоит отдельно отметить разницу в источниковой базе. Если в вопросе китайской военной угрозы индийские аналитики апеллируют к опыту более чем полувековой давности и собственным предположениям о значении тех или иных инцидентов или стиле мышления китайского руководства, то в том, что касается китайской политико-экономической экспансии в жизненно важных для Индии регионах, они часто ссылаются на статьи китайских экспертов. Так, С. Кумар в своей статье в *India Quarterly* приводит следующие слова китайского эксперта: “... перед лицом растущего стратегического влияния Индии китайский подход сводится к развитию экономических и стратегических связей с южноазиатскими странами для гарантии окружения Индии государствами, дружелюбно настроенными по отношению к Китаю” [31, p. 149-150]. Другой китайский эксперт, Чжан Мин, заявил, что “Индия, некогда контролировавшая Индийский океан... будет постоянно стремиться расширить сферу своего влияния... Индия, возможно, является наиболее реальным стратегическим соперником Китая”. Эту реплику индийские эксперты цитируют для подтверждения своего тезиса о повышенном китайском интересе к восточной части Индийского океана [29, p. 307].

\*\*\*

Можно констатировать, что среди экспертов всех трех индийских аналитических центров существует консенсус по вопросу о том, что Китай является стратегическим соперником Индии. Эта ситуация рассматривается как долговременная: аналитики исходят из того, что экономический рост КНР будет продолжаться. В отличие от ряда западных коллег, индийские

эксперты не прогнозируют в ближайшее время экономический коллапс или рецессию Китая, упоминая об этом лишь в контексте анализа материалов зарубежных аналитических центров.

Такой подход можно объяснить как спецификой индийской аналитики, которая базируется на исторических уроках и поэтому изначально построена на восприятии Китая как “игрока вдолгую”, для которого сиюминутные проблемы не играют критической роли, так и в принципе меньшим вниманием, уделяемым экономическому фактору, или недоверием экспертов к прогнозам западных коллег об экономическом коллапсе КНР. При этом китайские экономические уроки активно изучаются в Индии, заимствуются отдельные управленческие и технические решения в силу общности проблем, с которыми сталкиваются оба государства.

Как бы то ни было, эксперты упомянутых в статье аналитических центров сходятся на том, что в настоящий момент ни угрозы масштабной конвенциональной войны, ни ядерной войны с Китаем нет, хотя сохраняется возможность локального военного пограничного конфликта, к которому Индия готова. Предполагается, что КНР будет продолжать свою экономико-политическую экспансию, и в обозримом будущем ждать ее прекращения из-за внутренних экономических проблем не приходится. Из чего следует, что Индии требуется парировать китайскую угрозу; делать это предлагается с опорой на собственные силы, в случае необходимости прибегая к ситуативным союзам с противниками КНР, прежде всего США.

Однако есть определенные сомнения в том, что индийские власти будут в полной мере оставаться в рамках, задаваемых очерченным экспертным дискурсом. Это связано со спецификой принятия внешнеполитических решений индийским руководством и той ролью, которую в данном процессе играют аналитические центры.

До определенного момента эта роль была крайне ограниченной: вплоть до конца 1990-х годов экспертные центры, созданные при органах власти, сосредотачивались на решении конкретных вопросов, а вес негосударственных аналитических центров оставался сравнительно невелик. Ситуация изменилась после прихода к власти Манмохана Сингха: будучи компромиссной фигурой, он вынужден был учитывать интересы различных группировок в Индийском национальном конгрессе (ИНК) и проводил достаточно предсказуемую внешнюю политику. Результатом стал объективный рост влияния как государственных, так и негосударственных аналитических центров, связанных с теми или иными группами в ИНК. Этот рост был переоценен зарубежными аналитическими центрами и политиками, которые строили долговременные прогнозы, базируясь на индийских экспертных публикациях.

Однако после прихода к власти Н. Моди роль аналитических центров резко упала. Система нынешнего индийского управления напоминает скорее политику времен Неру, когда внешнеполитические решения принимаются узким кругом лиц, а аналитические центры выполняют совещательную функцию. В этих условиях свои позиции сохраняют лишь центры, связанные с государственными или партийными органами. В сложившихся обстоятельствах они все меньше выступают как акторы, формирующие внешнеполитический дискурс, и все больше – как посредники, через которых находящиеся у власти элиты направляют этот дискурс в нужную себе сторону. С этим, очевидно, связано уменьшение числа публикаций о китайской угрозе с 2014 г.

Резюмируя, можно сказать, что материалы перечисленных индийских аналитических центров (*IDSA, ICWA, IF*) можно использовать для оценки среднесрочных планов индийского руководства в отношении КНР и при прогнозировании дальнейших действий индийской стороны на китайском направлении. При этом необходимо учитывать специфический опыт и связи конкретных экспертов и степень их погруженности в тему. Переоценивать влияние экспертных центров на данном этапе не стоит: они выполняют вспомогательную функцию и слабо влияют на внешнеполитические решения, принимаемые индийским руководством. Связанные с властными органами аналитические центры Индии в настоящий момент являются в определенной степени индикаторами настроений политических элит и трансформаторами их решений, а не независимыми субъектами дискурса.

## СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. Kalyanaraman S. *Will India Ally with America?* 20.08.2019. Available at: <https://idsa.in/idsacomment/will-india-ally-with-america-skalyanaraman-200819> (accessed 10.09.2019).
2. Kapoor R.S. *Time for India-US alliance.* 31.08.2019. Available at: <https://www.sundayguardianlive.com/opinion/time-india-us-alliance> (accessed 10.09.2019).
3. *India Ready for 'Two-and-a-half Front War', Says Army Chief Bipin Rawat.* 10.06.2017. Available at: <https://www.news18.com/news/india/india-ready-for-two-and-a-half-front-war-says-army-chief-1426427.html> (accessed 10.09.2019)
4. Basrur R. The BRI and India's Grand Strategy. *Strategic Analysis*, 2019, vol. 43, no. 3, pp. 187-198. DOI:10.1080/09700161.2019.1598082
5. Panda J.P., Baruah A.G. Foreseeing India-China Relations: The 'Compromised Context' of Rapprochement. *Asia-Pacific Issues*, 2019, no. 138, pp. 1-8. Available at: [https://www.eastwestcenter.org/system/tdf/private/ewc\\_api-n138\\_final\\_web\\_version.pdf?file=1&type=node&id=37198](https://www.eastwestcenter.org/system/tdf/private/ewc_api-n138_final_web_version.pdf?file=1&type=node&id=37198) (accessed 10.09.2019).
6. Panda J. P. Future of India–China Boundary: Leadership Holds the Key? *Strategic Analysis*, 2015, vol. 39, no. 3, pp. 287-292. DOI:10.1080/09700161.2015.1022319
7. Kalyanaraman S. *India's Defence and Security Priorities.* 24.05.2018. Available at: <https://idsa.in/policybrief/indias-defence-and-security-priorities-skalyanaraman-240518> (accessed 10.09.2019).
8. Kalyanaraman S. *External Balancing in India's China Policy.* 28.03.2018. Available at: [https://idsa.in/issuebrief/external-balancing-in-indias-china-policy\\_skalyanaraman\\_280318](https://idsa.in/issuebrief/external-balancing-in-indias-china-policy_skalyanaraman_280318) (accessed 10.09.2019).
9. Majumdar A.J. Making Sense of India–Bangladesh Relations. *India Quarterly: A Journal of International Affairs*, 2014, vol. 70, no. 4, pp. 327-340. DOI: 10.1177/0974928414545919
10. Surie N. China's India Policy: The Importance of Bilateralism – An Appraisal. *India Quarterly: A Journal of International Affairs*, 2019, vol. 75, no. 4, pp. 125-136. DOI: 10.1177/0974928419841768
11. Katoch D.C. *Three Warfares: A Prong of China's Military Strategy.* Available at: <https://indiafoundation.in/articles-and-papers/three-warfares-a-prong-of-chinas-military-strategy/> (accessed 10.09.2019).
12. Goel A. *India China Standoff: How and Why.* Available at: <https://indiafoundation.in/articles-and-papers/india-china-standoff-how-and-why/> (accessed 10.09.2019).
13. Aggarwal S. *India's China Policy: Dynamics of 'Change' and 'Continuity.'* Available at: <https://indiafoundation.in/articles-and-papers/indias-china-policy-dynamics-of-change-and-continuity/> (accessed 10.09.2019).
14. Panda J.P. *Xi Jinping's Extended Presidency and India-China Relations.* 27.03.2018. Available at: [https://idsa.in/issuebrief/xi-jinping-extended-presidency-india-china-relations\\_jppanda\\_270318](https://idsa.in/issuebrief/xi-jinping-extended-presidency-india-china-relations_jppanda_270318) (accessed 10.09.2019).
15. Chakma B. The BRI and India's Neighbourhood. *Strategic Analysis*, 2019, vol. 43, no. 3, pp. 183-186. DOI: 10.1080/09700161.2019.1607030
16. Chakma B. The BRI and Sino-Indian Geo-Economic Competition in Bangladesh: Coping Strategy of a Small State. *Strategic Analysis*, 2019, vol. 43, no. 3, pp. 227-239. DOI: 10.1080/09700161.2019.1599567
17. Paul J.M. *Myanmar in China's Push into the Indian Ocean.* 14.03.2016. Available at: [https://idsa.in/background-er/myanmar-in-chinas-push-into-the-indian-ocean\\_jmpaul\\_120316](https://idsa.in/background-er/myanmar-in-chinas-push-into-the-indian-ocean_jmpaul_120316) (accessed 10.09.2019).
18. Manish P.K. CPEC, Afghanistan and India's Concerns. *India Quarterly: A Journal of International Affairs*, 2019, vol. 75, no. 2, pp. 257-259. DOI: 10.1177/0974928419841790
19. Blah M. China's Belt and Road Initiative and India's Concerns. *Strategic Analysis*, 2018, vol. 42, no. 4, pp. 313-332. DOI: 10.1080/09700161.2018.1482631
20. Singh A. *China's Maritime Silk Route: Implications for India.* 14.07.2014. Available at: [https://idsa.in/idsacomment/ChinasMaritimeSilkRoute\\_AbhijitSingh\\_160714](https://idsa.in/idsacomment/ChinasMaritimeSilkRoute_AbhijitSingh_160714) (accessed 10.09.2019).
21. Sajjanhar A. *The Maldivian Crisis: What Can India do?* 08.02.2018. Available at: [https://idsa.in/idsacomment/the-maldivian-crisis-what-can-india-do\\_asajjanhar\\_080218](https://idsa.in/idsacomment/the-maldivian-crisis-what-can-india-do_asajjanhar_080218) (accessed 10.09.2019).
22. Kumar N. *India Unveils Maritime Diplomacy in the Indian Ocean Region.* Available at: <https://indiafoundation.in/articles-and-papers/india-unveils-maritime-diplomacy-in-the-indian-ocean-region/> (accessed 10.09.2019).
23. Singh S. *Security Outlook of Indian Ocean and India's Geostrategic interest in the IOR.* Available at: <https://indiafoundation.in/articles-and-papers/security-outlook-of-indian-ocean-and-indias-geostrategic-interest-in-the-ior-by-siddharth-singh/> (accessed 10.09.2019).
24. Goel D. *India–Seychelles: The Growing Co-operation.* Available at: <https://indiafoundation.in/articles-and-papers/india-seychelles-the-growing-co-operation/> (accessed 10.09.2019).

25. Davar K. *Strengthening the Indian Intelligence Edifice*. Available at: <https://indiafoundation.in/articles-and-papers/strengthening-the-indian-intelligence-edifice/> (accessed 10.09.2019).
26. Singh A. Sino-Indian Dynamics in Littoral Asia – The View from New Delhi. *Strategic Analysis*, 2019, vol. 43, no. 3, pp. 199-213. DOI: 10.1080/09700161.2019.1598083
27. Dahiya R., Panda J.P. *A Tale of Two Disputes: China's Irrationality and India's Stakes*. 29.06.2015. Available at: [https://idsa.in/policybrief/ATaleofTwoDisputesChinasIrrationalityandIndiasStakes\\_rdahiya\\_290615](https://idsa.in/policybrief/ATaleofTwoDisputesChinasIrrationalityandIndiasStakes_rdahiya_290615) (accessed 10.09.2019).
28. Singh P.M. *China spreads wings across the Indochinese Peninsula*. Available at: [http://e-pao.net/epSubPageExtractor.asp?src=leisure.Essays.China\\_spreads\\_wings\\_across\\_Indochinese\\_Peninsula\\_By\\_Puyam\\_Rakesh](http://e-pao.net/epSubPageExtractor.asp?src=leisure.Essays.China_spreads_wings_across_Indochinese_Peninsula_By_Puyam_Rakesh) (accessed 10.09.2019).
29. Choudhury A., Moorthy P. Strategic-Maritime Triangle in the Indian Ocean: An Emerging Indo-US Naval Entente? *India Quarterly: A Journal of International Affairs*, 2018, vol. 74, no. 3, pp. 305-325. DOI: 10.1177/0974928418785477
30. Ramadhani E. China in the Indian Ocean Region. *India Quarterly: A Journal of International Affairs*, 2015, vol. 71, no. 2, pp. 146-159. DOI: 10.1177/0974928414568616
31. Kumar S. China's South Asia Policy in the 'New Era'. *India Quarterly: A Journal of International Affairs*, 2019, vol. 75, no. 2, pp. 137-154. DOI: 10.1177/0974928419841769

**“CHINESE THREAT” IN INDIA’S EXPERT DISCOURSE**  
(Analysis and Forecasting. IMEMO Journal, 2019, no 1, pp. 33-44 )

Received 10.10.2019.

Alexey V. KUPRIYANOV ([a.kupriyanov@imemo.ru](mailto:a.kupriyanov@imemo.ru)),  
Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian  
Academy of Sciences, 23, Profsoyuznaya Str., Moscow, 117997, Russian Federation.

*Acknowledgements.* The article was prepared at IMEMO within the project of the Russian Foundation for Basic Research No 19-011-31625 “The Main Trends and Risks of Global Political Development: Methodology and Methods of Forecasting Studies”.

The article explores the position of three Indian think tanks (Institute for Defence Studies and Analyses (IDSA), Indian Council of World Affairs (ICWA) and India Foundation) on the Chinese threat to India. The author analyzes the articles and notes of the experts of these centers over the past five years devoted to a possible attack by China on India or the competition between these states in South and Southeast Asia and the Indian Ocean Region. The article begins with a brief historical account of the reasons for Indian distrust of China, which is widespread among the military and the politicians. Further, the author describes the three Indian think tanks and the specifics of the Indian expert community. He identifies two main reasons why Indians are afraid of China: 1) the possible military aggression from the PRC and 2) losing strategic rivalry in the surrounding areas. Based on the results of the study, the author concludes that only IDSA is seriously concerned with the topic of limited war, while other analytical centers allow a maximum of a small border conflict. None of the analyzed think tanks predicts a large-scale war, much less a nuclear one. At the same time, most of experts perceive the relations between India and China in the discourse of rivalry, using words like “rivalry”, “strategic competition” and “confrontation”. The Indian expert community believes that the Belt and Road Initiative (BRI) is a cover for Chinese expansionist plans, and fears the strengthening of China’s positions in Nepal, Bangladesh, Pakistan, Afghanistan, Myanmar, and the Indian Ocean. Further, the author analyzes the influence of these ideas on the formation of political discourse in India and on the process of making strategic foreign policy decisions by the Indian leadership. He comes to the conclusion that this influence is relatively small. After the coming to power of Narendra Modi, the role of analytical centers in the decision-making system significantly decreased, while the analysis of their position remains important as an indicator of the position of the Indian ruling elites.

**Keywords:** India, China, think tanks, discourse, strategic competition, forecasting.

About author:

Alexey V. KUPRIYANOV, Cand. Sci. (History), Senior Researcher. Sector of International Organizations and Global Political Governance, Department of International Political Problems.

**DOI:** 10.20542/afj-2019-1-33-44

## ЕВРОАТЛАНТИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА ФРГ: ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ И ОБНОВЛЕНИЕ

© 2019 г. А. КОКЕЕВ

КОКЕЕВ Александр Михайлович, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник сектора политических проблем европейской интеграции Отдела европейских политических исследований.

Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН, РФ, 117997 Москва, Профсоюзная, 23 ([alkokeev@gmail.com](mailto:alkokeev@gmail.com)).

Статья выполнена в рамках проекта РФФИ № 18-011-00464 "Меняющаяся роль Германии в евроинтеграционных и трансатлантических процессах. Вызовы для России".

---

Кокеев А.М. Евроатлантическая политика ФРГ: преемственность и обновление. *Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН*, 2019, № 1, сс. 45-58. DOI: 10.20542/afj-2019-1-45-58.

---

**DOI:** 10.20542/afj-2019-1-45-58

**УДК:** (430): 327+327.7+327.51+341.1

Статья поступила в редакцию 17.07.2019.

Изменения в международно-политической обстановке и усилившееся соперничество великих держав оказывают серьезное воздействие на Германию и ее партнеров по Европейскому союзу. В статье рассмотрены новые акценты и изменения в трансатлантической и европейской политике Берлина. Раскрыты новые тенденции во взаимоотношениях ФРГ с США и НАТО, проанализированы проблемы ее взаимодействия с Францией. Центральное место отведено вопросам обеспечения безопасности усилиям по углублению военно-политической интеграции в ЕС.

**Ключевые слова:** Германия, германо-американские отношения, НАТО, трансатлантическая и европейская политика ФРГ, Европейский союз, политика безопасности, германо-французское взаимодействие, программа *PESCO*, расходы на оборону.

Сбалансированное сочетание атлантизма и европеизма неизменно служило основой внешней политики ФРГ на протяжении нескольких десятилетий. Даже незначительные смены акцентов вызревали достаточно медленно при деятельности нескольких правительств и воплощались в жизнь постепенно, в тесном взаимодействии с союзниками по Европейскому союзу (ЕС) и НАТО. А обе названные организации всегда рассматривались и продолжают рассматриваться соседями Германии как гаранты ее вовлеченности в международные структуры и того, что национальные интересы ФРГ больше не приведут к опасным конфликтам, напоминающим о прошлом.

После распада СССР и объединения Германии стало очевидным, что атлантическая составляющая немецкой политики, особенно в сфере безопасности, нуждается в корректировке. Созданная для противодействия "советской военной угрозе", а также для "сдерживания" ФРГ НАТО в определенной мере утратила свое значение для переставшей быть "прифронтовым государством" Германии. Прежняя стратегия обеспечения безопасности, ориентированная на использование в основном военных мер, не могла ответить на новые вызовы, связанные с экологическими и технологическими катастрофами, международным терроризмом и необходимостью урегулирования локальных конфликтов. В то же время растущее значение в глазах немецких политиков стал приобретать расширившийся и претендующий на собственную политическую роль Евросоюз.

Развитие событий после военной операции НАТО на Балканах, теракта 11 сентября 2001 г. в Америке и действий западной коалиции в Афганистане (во всех случаях Германия безоговорочно поддержала США) показало, что НАТО и ЕС в известной степени теряют

значение для Соединенных Штатов, все чаще пытавшихся использовать военный потенциал альянса в собственных интересах и без согласования с европейскими союзниками. С учетом этого Берлину становилось все трудней поддерживать те или иные решения Вашингтона [1].

В то же время укрепились политические и экономические позиции ФРГ, и соответственно возросла ее роль в осуществлении европейского интеграционного проекта. При этом атлантизм (в том или ином его значении) остается одним из основополагающих элементов германской политики, а НАТО – главным инструментом обеспечения безопасности для любого правительства ФРГ. Без предусмотренных Североатлантическим договором американских гарантий, в том числе и ядерных, официальный Берлин продолжает считать обеспечение европейской и неразрывно с ней связанной национальной безопасности неосуществимым (по крайней мере, в среднесрочной перспективе). Среди прочего и потому, что обозначившиеся еще в 1990-е годы надежды на углубление европейской интеграции и формирование в ЕС единой внешней и оборонной политики оказались в значительной степени иллюзорными.

Тем не менее с приходом к власти в США Д. Трампа трансатлантическая политика ФРГ и, соответственно, акценты в ее оборонной стратегии и обеспечении безопасности начали существенно меняться. С одной стороны, в Берлине исходят из того, что после украинского кризиса Россия перестала быть “стратегическим партнером” Германии и представляет один из “рисков” для безопасности ФРГ и ее партнеров по Евросоюзу. Это восприятие подталкивает федеральное правительство к более решительным действиям по обеспечению безопасности, направленным прежде всего на укрепление трансатлантической солидарности в НАТО. По мнению эксперта из близкого к правительству берлинского “Фонда науки и политики” (SWP) К. Майор, в последние годы Германия “обозначила себя как главную опору НАТО в Европе” и вносит существенный вклад в действия альянса по укреплению территориальной обороны [2]. Заметно расширилось участие ФРГ в совместных военных операциях НАТО. С конца 2015 г. бундесвер присоединился к миссиям западной коалиции по борьбе с ИГ (запрещенной в России террористической организацией) в Сирии и Ираке. Существенным отходом от традиционной для Германии сдержанности в использовании военных мер стала отправка военнослужащих бундсвера в страны Балтии для противодействия “российской угрозе”. На Германию возложено командование батальоном НАТО в Литве. Как отмечали немецкие эксперты, до этого ФРГ ни разу не посылала своих солдат в другую страну НАТО для ее защиты от потенциального противника [3].

Вместе с тем Берлин предпринимает заметные политические усилия в рамках Минских соглашений, участвует в деятельности “Нормандской четверки”, пытается предотвратить боевые действия на Донбассе. Зафиксированное в новой Белой книге бундсвера по вопросам оборонной стратегии и политики безопасности положение о том, что “устойчивую безопасность и процветание в Европе и для Европы нельзя обеспечить без надежной кооперации с Россией”, сохраняет основополагающее значение для политики ФРГ и поныне. Показательно также, что в ответ на прозвучавшие летом 2019 г. требования США об отправке в Сирию немецких наземных войск Берлин ответил отказом. Несмотря на отмеченное усиление активности в военных операциях, в Германии сохраняется давно сложившийся надпартийный консенсус в отношении принятия мер для предупреждения и урегулирования международных конфликтов: в первую очередь следует использовать все возможные средства политического, экономического и дипломатического характера и лишь в последнюю очередь – военные. Такой подход предполагает хотя и тесное, но отнюдь не безоговорочное партнерство с США, а также усилия по укреплению европейского компонента трансатлантической связи.

Часто цитируемый призыв А. Меркель к европейцам “взять собственную судьбу в свои руки”, как правило (и не без оснований), связывают с политикой занявшего в 2016 г. пост президента США Д. Трампа, в частности – с его угрозами пересмотреть союзнические обязательства США в Европе, если европейские участники НАТО не увеличат свой вклад в общий бюджет альянса. Однако представляется, что неопределенность и непредсказуемость политики США при Д. Трампе придали мощный импульс многим уже раньше наметившимся и развивающимся тенденциям в евроатлантической политике ФРГ. После отказа правительства Г. Шрёдера поддержать в 2009 г. вторжение США в Ирак А. Меркель удалось на какое-то время сгладить разногласия. Несмотря на это, скептицизм Берлина в отношении политики Вашингтона к концу второго президентского срока Б. Обамы (уже тогда упрекавшим Германию

в “иждивенчестве” и угрожавшим “уходом США из Европы”) нарастал. О необходимости для Германии и ЕС взять на себя бóльшую ответственность во внешней и оборонной политике тогдашние руководители страны заявляли еще в 2014 г. на Мюнхенской конференции по безопасности.

Известные высказывания Д. Трампа о том, что НАТО “устарела”, об огромной задолженности Германии перед США и НАТО, его резкая критика немецкой иммиграционной политики и “слишком дружественной” политики ФРГ в отношении России, выпады против А. Меркель вызвали в Берлине настоящий шок. В коалиционном договоре нового немецкого правительства, сформированного весной 2018 г., отмечалось, что “США претерпевают сейчас глубокие изменения, которые представляют для нас большие вызовы” [4]. Исходя из этого, федеральное правительство намеревалось предпринять все возможные усилия, чтобы позиция Германии (по возможности сформулированная и представленная как позиция Евросоюза) была услышана в Вашингтоне.

В Берлине достаточно долго (почти два года) терпеливо выжидали, что со временем Д. Трамп откажется от осуществления своих наиболее радикальных и тревожащих немцев намерений, а политика США будет в большей мере согласовываться с их европейскими союзниками и соответственно скорректирована. Однако вслед за выходом США из Парижского соглашения по климату и переговоров о трансатлантическом торговом партнерстве (ТТИР) последовал их выход из международного соглашения по ядерным вооружениям с Ираном; повышение американских таможенных пошлин на сталь и алюминий из Европы; угрозы введения санкций против фирм (в основном немецких), участвующих в строительстве газопровода “Северный поток-2”, и решение о выходе США из российско-американского договора о ликвидации ракет средней и меньшей дальности (РСМД).

В результате озабоченность Берлина непредсказуемостью и недовольство конкретными действиями Вашингтона не только не уменьшилась, но продолжает расти. Об этом, среди прочего, свидетельствуют опубликованные 4 марта 2019 г. результаты социологического опроса, проведенного негосударственным исследовательским центром *Pew Research Center* (США) и Фондом Кёрбера (ФРГ). По данным опроса, число немцев, негативно оценивающих отношения между ФРГ и США в 2018 г., достигло 73%, это на 16% больше, чем в 2017 г. – в первый год правления Д. Трампа. 72% опрошенных немцев высказали мнение, что ФРГ должна следовать более независимым от США курсом [5].

### ВАЖНЕЙШИЕ СФЕРЫ РАЗНОГЛАСИЙ

По данным других опросов, опубликованных в мае 2019 г., граждане Германии считают проблемы охраны окружающей среды и климата “важнейшим вызовом для ЕС” (всего год назад таковым считалась иммиграция. – **А.К.**) [6]. Из всех европейских лидеров именно А. Меркель, прозванная “климатическим канцлером”, принимает тему защиты климата наиболее близко к сердцу (не в последнюю очередь это связано с впечатляющими успехами партии “Союз 90 / Зелёные”. – **А.К.**). Неудивительно, что Берлин резко отрицательно отреагировал на решение США выйти из Парижского соглашения по климату. Негативное отношение к этому решению канцлер высказала и в телефонном разговоре с Д. Трампом, и в совместном германо-итало-французском заявлении, и в специальном заявлении для немецких журналистов.

В Берлине до последнего момента надеялись убедить Д. Трампа не выходить из ядерного соглашения с Ираном. Весной 2019 г. в ходе встреч с американским президентом в Вашингтоне А. Меркель разъяснила, что не считает это соглашение совершенным, но убеждена, что его соблюдение всеми участниками необходимо для предотвращения распространения ядерного оружия. “Мы остаемся верными обязательствам, предусмотренным этим соглашением, и приложим все усилия к тому, чтобы Иран также их соблюдал”, – заявила А. Меркель [7].

После приостановления Тегераном соблюдения отдельных положений договоренностей последовали ужесточение американских санкций против связанных с Ираном европейских компаний и отправка в регион военных кораблей и бомбардировщиков США. Эта ситуация была охарактеризована в Берлине как угрожающая международному миру. Министр иностранных

дел ФРГ Х. Маас 12 мая 2019 г. заявил в интервью газете *Bild am Sonntag*, что Германия вместе с европейскими партнерами предпримет все меры, чтобы предотвратить вооруженное столкновение в ближневосточном регионе. Показательно, что даже когда Тегеран продолжил поэтапный отказ от соблюдения соглашения, и Берлин жестко предупредил иранское руководство об опасности его провала, Германия отказалась присоединиться к обвинениям США и Великобритании, возложившим на Тегеран ответственность за нападения на нефтяные танкеры в Ормузском проливе до тщательной проверки и подтверждения этой информации. По мнению эксперта из SWP О. Майера, ядерное соглашение с Ираном должно оставаться основой для урегулирования конфликтов в регионе, а США необходимо вернуться к участию в нем. Для этого ЕС следует “послать сигнал в Вашингтон о том, что Европа не готова безоговорочно поддерживать курс Соединенных Штатов на конфронтацию” [8].

В отличие от соглашения с Ираном, которое оставшиеся его участники стремятся соблюдать, а европейцы пытаются выработать общую стратегию для его спасения от санкций и прямых военных угроз США, шансов спасти жизненно важный для нее договор по РСМД у ФРГ изначально было немного. Подписанный в 1987 г. лидерами США и СССР договор по РСМД в Берлине не без основания считают основополагающим для безопасности Европы и прежде всего Германии, во многом способствовавшей его заключению. В ФРГ хорошо знали тогда и понимают сейчас, что в случае применения ракет средней дальности именно ее территория подвергается опасности первоочередного уничтожения. Кроме того, в Берлине помнят о том, что в конце 1970-х годов дебаты о ракетах средней дальности вызвали мощную волну протестов в Германии и в итоге “раскололи” НАТО. По мнению немецких экспертов, сегодня такая опасность еще больше, так как США могут начать размещение своих ракет без консультаций с европейскими союзниками в согласных на это странах (таких как Польша и страны Балтии). Это соображение объективно лишает Германию шансов на спасение договора.

Тем не менее, хотя правительство А. Меркель возлагает ответственность за решение Д. Трампа о выходе США из договора по РСМД на Россию, Берлин не оставляет попыток убедить Вашингтон вернуться к выполнению положений документа. В частности, предлагалось возобновить переговоры с Россией с возможным привлечением Китая, предложить российским представителям провести инспекции на объектах американской ПРО в Румынии, но ответа на эти предложения так и не последовало. Х. Маас 25 декабря 2018 г. в интервью немецкому агентству ДПА недвусмысленно дал понять, что в случае полного разрыва договора по РСМД, Берлин выступит против размещения в Европе ядерных ракет средней дальности, которое натолкнулось бы в Германии на широкое сопротивление. Альтернативой этому, по мнению министра, должно стать строительство новой архитектуры контроля над вооружениями (как ядерными, так и неядерными) не только США и Россией, а всем международным сообществом [9]. С января 2019 г. ФРГ является непостоянным членом Совета Безопасности ООН. По мнению Берлина, это открывает перед Германией возможность вместе с другими представленными в Совете европейскими государствами привлечь внимание к вопросу о необходимости сохранения действия договора и ограничения гонки вооружений.

### ОБНОВЛЕНИЕ СТРАТЕГИИ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ С США

В представленном на Мюнхенской конференции по безопасности в феврале 2019 г. экспертном докладе нынешнее состояние международных отношений было определено как представляющий максимальную угрозу международной безопасности со времен распада СССР развал всего либерального международного порядка. Основная борьба в ближайшие годы развернется между США (вместе с союзниками), Россией и Китаем, следует из доклада [10]. Примечательно, что наряду с неизменным с 2014 г. “российским вызовом” в докладе говорится о том, что нынешняя администрация США проявляет небольшой интерес к соблюдению международных соглашений, критикует НАТО и ООН и поддерживает нелиберальные режимы от Саудовской Аравии до Бразилии. Похоже, что США готовы отказаться от роли лидера “свободного мира”, констатировали эксперты конференции, служащей укреплению трансатлантических связей, и призвали европейских союзников Америки компенсировать связанный с этим ущерб [10].

Представляется, что для Евросоюза в целом и Германии как его неформального лидера эта задача далеко не проста и, помимо прочего, связана с ответом на вопрос о том, насколько нынешняя политика США определена президентством Д. Трампа и, соответственно, имеет временный характер. Как отмечалось в статье, опубликованной 17 февраля 2019 г. в *The New York Times*, в Европе растет число тех, кто считает, что расхождения в трансатлантических отношениях имеют глубокие корни и возврата к прежнему положению ожидать не следует [11]. По мнению председателя комитета Бундестага по внешней политике Н. Рёттгена (ХДС), источником разногласий в действительности является не Д. Трамп, а глубинные геополитические изменения в мире и нарастающее соперничество между великими державами. “В эпоху после Трампа нет возможности вернуться в эпоху до Трампа. Положение вещей было таким, что США выступали гарантом безопасности ЕС, больше такого не будет”, – считает Н. Рёттген [11].

Исходя из вышесказанного, в Берлине пришли к выводу о необходимости выработки новой внешнеполитической стратегии ФРГ в отношении США. Об этом 25 августа 2018 г. заявил Х. Маас, выступая по случаю начала года Германии в США. В вышедшей несколькими днями раньше программной статье в газете *Handelsblatt* под красноречивым заголовком “Мы не допустим, чтобы США действовали через наши головы” глава МИД отметил, что США и Европа в течение многих лет постоянно отдаляются друг от друга, а общность их интересов и ценностей постепенно сходит на нет [12]. В основе новой трансатлантической стратегии ФРГ заложена идея “сбалансированного партнерства”, в котором Германии отводится роль противовеса в тех случаях, когда США будут “преступать красную черту”. А так как в одиночку Германии с этой задачей не справиться, главной целью ее внешней политики объявлено строительство сильной и более независимой Европы. В частности, в вопросах обеспечения безопасности усилия должны быть направлены на постепенное формирование Европейского союза безопасности и обороны как составной части трансатлантической системы безопасности (курсив мой. – А.К.). Параллельно Берлин намерен искать новых союзников, “делающих ставку на соблюдение правил и совместную работу”, таких как Япония, Канада и Южная Корея [12].

### ГЕРМАНИЯ И ФРАНЦИЯ. НЕУСТОЙЧИВЫЙ ТАНДЕМ

Заявленный Берлином курс на углубление европейской интеграции и укрепление политической автономии ЕС, прежде всего в вопросах обеспечения безопасности, не является принципиально новым. Однако вплоть до последних лет он выражался в основном в благих намерениях. На активизацию усилий Германии по укреплению европейской составляющей ее евроатлантической стратегии, наряду с украинским кризисом и отмеченными выше тенденциями в политике США, повлиял Брекзит. Великобритания всегда рассматривалась как препятствие для реализации евроинтеграционных проектов Берлина, особенно в сфере безопасности.

Еще более важным фактором стал приход к власти во Франции Э. Макрона, выступившего с широкой программой реформирования ЕС, в том числе и в области обороны. При наличии множества расхождений, о которых говорится ниже, позиции лидеров возродившегося после долгого застоя (при президентстве Ф. Олланда) германо-французского тандема по укреплению европейской автономии достаточно близки. Важнейшей опорой европейского вектора немецкой внешней политики всегда была и продолжает оставаться Франция. В своем первом выступлении в немецком Бундестаге 18 ноября 2018 г. французский президент призвал европейцев к укреплению общеевропейского суверенитета и международных позиций Евросоюза. Главными целями политики ЕС, по его словам, должны стать создание общей системы обороны, единого бюджета и общеевропейского ведомства по делам беженцев с общими правилами.

22 января 2019 г. в Аахене лидеры обеих стран подписали Договор о сотрудничестве и интеграции между Францией и Германией на базе действующего с 1963 г. “Елисейского договора”. В нем говорится об усилении взаимодействия между Берлином и Парижем в сферах внешней политики, безопасности и обороны, культуры и образования, экологии и климата, контактов гражданских обществ. Обращает на себя внимание формулировка четвертого пункта договора, в котором по аналогии с уставом НАТО подтверждена обоюдная готовность обеих стран отвечать на военную агрессию третьей стороны. Появление этого пункта немецкие аналитики связывают с известными высказываниями Д. Трампа о возможном выходе США

из НАТО. Центральным пунктом Аахенского договора является обязательство продвигаться к сближению целей и стратегий обеих стран в сфере обеспечения безопасности. Для этого создается совместный совет по обороне, который на первом этапе займется вопросами обучения военнослужащих и совместными проектами производства вооружений.

Руководители обеих стран расценивают Аахенский договор как важнейшую веху на пути к углублению европейской интеграции. Однако нельзя не заметить, что обе стороны постарались избежать наиболее острых тем. Это относится к иммиграционной политике, где позиции Берлина и Парижа существенно расходятся, к вопросам бюджетной и финансовой политики и к целому ряду других. Как отмечалось в немецких СМИ, за прошедшие после подписания договора месяцы Германия и Франция не смогли договориться о предстоящих реформах еврозоны.

В частности, Берлин заблокировал продвигаемый Парижем проект введения в ЕС цифрового налога. В феврале 2019 г. Э. Макрон высказался в поддержку изменения правил Евросоюза по эксплуатации газопроводов, что в очередной раз поставило под вопрос реализацию последовательно отстаиваемого Германией проекта "Северный поток-2". Несмотря на то, что федеральное правительство в целом разделяет идею Э. Макрона сделать Евросоюз более устойчивым к кризисам, в значительной его части преобладает скепсис в отношении предлагаемых Парижем конкретных мер. По мнению Берлина, их осуществление заставило бы немецких налогоплательщиков оплачивать задолженности других стран ЕС. Особенно жесткое противодействие Германии вызывает предложение Э. Макрона об общем бюджете еврозоны, из которого в случае кризисов финансировались бы антикризисные меры отдельных стран, а также об обобществлении ответственности за банковские вклады (в Берлине считают, что сначала европейские банки должны снизить свои риски). Кроме того, возражения немецкого правительства вызывают предложения Парижа по созданию общеевропейской системы базового социального обеспечения и об учреждении поста министра финансов еврозоны, осуществление которых могли бы нанести Германии финансовый ущерб.

Отмеченная сдержанность Берлина в отношении предлагаемых Парижем реформ в ЕС (часто говорится о "смене ролей в тандеме" и выходе Франции на первый план в качестве инициатора дальнейшего развития европейского проекта) объясняется не только различием во взглядах, но и в значительной степени внутривнутриполитическими факторами. В то время как позиции Э. Макрона во Франции достаточно прочны, А. Меркель все чаще вынуждена оглядываться на партнеров по коалиции и оппозицию. Ей противостоят даже многие однопартийцы из ХДС/ХСС. А в таких партиях, как правопопулистская "Альтернатива для Германии" (АдГ) неприятие "наднациональных" идей Э. Макрона еще сильнее. В Берлине не могут не считаться с тем, что восемь стран Евросоюза открыто выступают против предложения Парижа по реформированию ЕС (соответствующие заявления подписали министры финансов Дании, Ирландии, Латвии, Литвы, Нидерландов, Финляндии, Швеции и Эстонии). По их мнению, реформы следует проводить на национальном уровне.

Показательно, что когда Э. Макрон 4 марта 2019 г. обратился с открытым письмом ко всем странам ЕС с подробным планом системных реформ Евросоюза, то вопреки ожиданиям на эту инициативу из Берлина ответила не А. Меркель, а сменившая ее на посту председателя ХДС А. Крамп-Карренбауэр. Она решительно поддержала все предложения, направленные на повышение внешнеполитической самостоятельности ЕС, особенно в сфере безопасности. Но, как и следовало ожидать, французские инициативы в области бюджета и финансов, а также в социальной сфере вызвали возражения [13].

Сравнение подходов Берлина и Парижа к перспективам развития ЕС показывает, что Германия выступает за усиление европейской интеграции, прежде всего в сфере внешней и оборонной политики, а Франция – в финансовой и социальной. При этом подходы двух стран к первой из названных сфер в значительной степени совпадают (не в последнюю очередь под воздействием обострения международно-политической ситуации, "российского вызова" и действий администрации Д. Трампа).

Однако расхождения просматриваются и здесь. В статье, посвященной заключению Аахенского договора, бывший министр иностранных дел ФРГ, депутат Бундестага от СДПГ

3. Габриэль заявил, что Франция и Германия видят мир по-разному, а договор лишь скрывает эти различия [14]. Главное обвинение 3. Габриэля сводится к тому, что Аахенский договор, по его мнению, закрепит политическую стратегию, которая противоречит традиционному подходу Германии – сочетать дружбу с Францией с прочными трансатлантическими отношениями с США и Великобританией. Кроме того, у европейцев может сложиться впечатление, что от них требуется “беспрекословное подчинение франко-германской оси” [14]. 3. Габриэль видит опасность в том, что антигерманская риторика Трампа может убедить Берлин в необходимости дистанцироваться от трансатлантического альянса и сделать ставку на сильную Европу, возглавляемую германо-французским тандемом. Однако большинство немецких политиков, включая однопартийцев 3. Габриэля, с ним не согласны. Его преемник на посту министра иностранных дел Х. Маас неизменно подчеркивает необходимость укрепления европейской составляющей трансатлантических отношений. Тем более, что в ослаблении связей с НАТО никто всерьез не заинтересован ни в Берлине, ни в Париже. К тому же стремление к большей стратегической автономии зафиксировано и в новой глобальной стратегии ЕС от 2016 г., и в немецкой Белой книге.

Таким образом, несмотря на множество имеющихся между Германией и Францией разногласий, в обеих странах растет понимание того, что надеяться на преодоление нынешней ситуации в Европейском союзе, укрепление единства и повышение его самостоятельности они могут, лишь действуя сообща. Особенно это относится к сфере оборонной политики, где к поискам совместных решений обе страны подталкивают новые вызовы и непредсказуемость их важнейшего союзника по НАТО.

### ПРОГРАММА PESCO – ПЕРВЫЙ ШАГ НА ДОЛГОМ ПУТИ

Наиболее значимым результатом германо-французского взаимодействия в вопросах укрепления стратегической автономии и обороноспособности ЕС стала программа PESCO (*Permanent Structured Cooperation*), направленная на активизацию и оптимизацию военно-промышленного сотрудничества европейских стран. Причем не обязательно государств – членов ЕС, на чем настояла Германия. Первые 17 проектов, осуществляемые в рамках PESCO, были согласованы на встрече министров обороны стран ЕС в марте 2018 г., а в ноябре к ним прибавилось еще 17. На первом этапе их реализации речь идет прежде всего об улучшении координации при разработке и закупке вооружений, синхронизации финансирования и военного планирования, увеличении и повышении эффективности расходов на оборону за счет стандартизации и т.п.

Нелишне вспомнить, что первые договоренности о PESCO были достигнуты еще в 2009 г. и внесены в Лиссабонский договор, вступивший в силу 1 декабря 2009 г. Однако все эти годы сотрудничество стран ЕС в ее рамках оставалось заблокированным. Во-первых, ему препятствовала Великобритания, выступавшая против возможного дублирования функции НАТО. Во-вторых, возврату к PESCO “помогла” политика Д. Трампа, приведшая европейских политиков к пониманию необходимости больше полагаться на себя. И в-третьих, как считают в ЕС (особенно в странах Центральной и Восточной Европы), возрождению интереса к PESCO способствовало обострение международно-политической ситуации, которое в ЕС связывают с действиями России. Программа оставалась невостребованной и по ряду других причин, в частности, из-за глобального финансово-экономического кризиса и отсутствия на тот момент значимых внешних угроз.

Утверждению нынешнего проекта предшествовала острая дискуссия о том, в каком формате должно осуществляться сотрудничество. Германия следовала интегративному подходу, чтобы с самого начала привлечь к участию в PESCO возможно большее число государств. В итоге к PESCO присоединились практически все страны ЕС, кроме Дании и Мальты, а также Великобритании, находящейся в процессе Брекзита. Франция, напротив, предпочитала более высокие барьеры для вступления в целях повышения эффективности сотрудничества. В результате Париж согласился с менее строгими условиями участия в PESCO, настояв на фиксации в большинстве своем мало что значащих обязательств вроде “прилагать больше усилий” и т.п. Наиболее существенное из обязательств – регулярно повышать оборонные бюджеты в реальных показателях (курсив мой. – **А.К.**).

Осуществляемые в рамках *PESCO* проекты подразделяются на два типа: 1) создание новых видов вооружений или техники (например, артиллерийские системы, беспилотники и т.д.); 2) повышение боеготовности вооруженных сил (например, программы обучения пилотов, медперсонала и т.д.). На сегодняшний день Германия участвует в 14 из 34 проектов *PESCO* и шесть из них возглавляет: 1) координирование медицинского обеспечения войск, спасательные работы и выработка общих стандартов для *PESCO* и НАТО; 2) формирование к 2024г. европейской сетелогистического обеспечения войск (одновременно в Германии создается новое управление логистики НАТО); 3) подготовка персонала для учебно-тренировочных миссий; 4) идентификация возможностей ЕС в предотвращении и урегулировании кризисов; 5) создание "евродрона" и нового боевого вертолета *Tiger-3*; 6) подводные и океанографические исследования.

В Берлине исходят из того, что осуществление проектов *PESCO* сможет быть успешным лишь в том случае, если Германия не будет в одностороннем порядке формулировать свои требования, а начнет действовать в согласии с европейскими партнерами. Правительство А. Меркель связывает с *PESCO* большие надежды на углубление интеграции в сфере обороны и безопасности и усиление военного потенциала ЕС. При этом считается, что в отдаленной перспективе *PESCO* ориентировано на создание единой европейской армии. Об этом, в частности, заявляла тогдашний министр обороны ФРГ У. фон дер Ляйен [15]. Однако если отойти от политических оценок и журналистских преувеличений, то консенсуса в Европейском союзе по этому вопросу не только не существует, но и не предвидится в обозримом будущем. Как справедливо считает большинство экспертов, первых заметных результатов от осуществления программы можно ожидать не ранее, чем через 15 лет. По мнению члена Комитета Бундестага по обороне Д. Фёппеля, вследствие смягчения требований к условиям участия в *PESCO*, обязательства по сотрудничеству оказались чрезвычайно размытыми. В результате к программе присоединились такие скептики в отношении европейской обороны (и особенно европейской армии), как Польша и другие восточноевропейские страны с их однозначной ориентацией на НАТО.

Немало критиков *PESCO* и в Германии, особенно среди членов входящей в правящую коалицию СДПГ. По их мнению, более разумным шагом была бы постепенная интеграция национальных оборонных систем в объединение на уровне ЕС, а не "субсидирование военной промышленности", не позволяющее экономить финансовые средства [16].

Не приходится сомневаться, что на пути к заявленным в *PESCO* целям немало серьезных препятствий. В большинстве стран ЕС вооруженные силы недостаточно финансируются, слишком малочисленны и часто неэффективны или, как в случае с немецким бундесвером, имеют проблемы с боеготовностью. В действительности пока речь идет в основном о попытке в очередной раз реанимировать некоторые из уже имеющихся договоренностей об усилении военного сотрудничества в ЕС.

Тем не менее, несмотря на регулярно произносимые как лидерами отдельных стран, так и руководством ЕС, заверения в том, что европейская оборона останется исключительно прерогативой НАТО, а *PESCO* служит лишь "дополнением" к альянсу, в Вашингтоне явно нарастает беспокойство по поводу программы. "Мы не хотим, чтобы усилия ЕС сказывались на требованиях НАТО и приводили к оттягиванию сил альянса в пользу Евросоюза", – заявила высокопоставленная сотрудница Пентагона К. Уилбаргер в феврале 2018 г. [17]. В мае 2019 г. стало известно о письме заместителей госсекретаря и министра обороны США тогдашней Верховному представителю ЕС по внешней политике и политике безопасности Ф. Могерини. В нем резко критикуются оборонные проекты Евросоюза и предъявлены требования упрощения условий участия в них американских компаний (к моменту получения письма таких условий вообще не существовало. – **А.К.**). Кроме того, в письме говорится, что планы Брюсселя угрожают военной интеграции западных стран, осуществляемой в рамках НАТО [18].

14 мая 2019 г. Совет ЕС одобрил отчет по итогам первого года реализации *PESCO*. В отчете отмечалось, что страны ЕС стали чаще пользоваться инструментами Евросоюза при оборонном планировании. Так как большинство проектов *PESCO* были запущены менее года назад, то о конкретных результатах сотрудничества речь практически не шла. Исключением стало выполнение принятого в рамках программы обязательства об увеличении оборонных

бюджетов. В 2018 г. страны – участницы *PESCO* увеличили военные расходы на 3.3%, а в 2019 г. этот показатель должен увеличиться до 4.6% [18]. Для Германии, несмотря на принципиальное согласие федерального правительства с необходимостью постоянного повышения оборонных расходов, эта тема является весьма болезненной. В Берлине неизменно подчеркивают, что в соответствующих обязательствах *PESCO* не говорится о требуемом НАТО повышении расходов на оборону до 2% ВВП и что программа направлена на экономию расходов за счет повышения эффективности.

Разумеется, считать *PESCO* “историческим шагом” в формировании стратегической автономии ЕС преждевременно. И уж совсем маловероятно, что в обозримом будущем с ее помощью удастся существенно уменьшить разрыв между военными возможностями Европы и США. Вместе с тем нельзя исключать, что при определенных обстоятельствах *PESCO* может выйти за рамки декларируемого ее инициаторами и участниками намерения – “интеграции оборонной промышленности Европы”. Европейские союзники США, прежде всего – Германия и Франция, видят в реализации этой программы возможность усиления своего влияния в трансатлантической связке, последовательного (хотя и долговременного) повышения собственной ответственности за свою судьбу. “Сегодня европейские страны находятся на распутье: если нам не удастся объединиться и выступить на международной арене с общей стратегией в сфере обороны, то уже завтра мы станем игрушкой в руках других – в частности, тех государств, которые проводят агрессивную внешнюю политику с целью расширения своего господства”, – говорится в комментарии “Немецкой волне” группы депутатов немецкого и французского парламентов, опубликованном в марте 2019 г. [19].

### РАСХОДЫ НА ОБОРОНУ

В связи с ужесточением требований США к европейским странам НАТО, и особенно к Германии, об увеличении их финансового вклада в альянс, а также намерений Берлина взять на себя большую ответственность в обеспечении безопасности, вопрос о военных расходах ФРГ приобрел особую актуальность. До 2015 г. федеральное правительство фактически игнорировало принятое еще в 2002 г. решение НАТО о повышении каждой страной – участницей альянса расходов на оборону до 2% ВВП (соответствующий показатель на тот момент оставался ниже 1.2%). В последние годы в силу названных обстоятельств, а также усиления напряженности во взаимоотношениях НАТО с Россией, правительство А. Меркель приняло решение о постепенном увеличении оборонного бюджета. В 2019 г. военные расходы Германии должны составить 47.32 млрд евро, а в 2020 – 49.67 млрд евро, что составит 1.35% от ВВП (в 2018 г. – 1.23%) [20]. Эти показатели говорят о крупнейшем росте военного бюджета ФРГ со времен окончания холодной войны.

При этом вопрос о выполнении Германией натовских предписаний не только не решен, но продолжает вызывать острые разногласия с США. Очередная вспышка этих разногласий произошла после того, как 18 марта 2019 г. министр финансов ФРГ О. Шольц представил правительству план бюджета на следующие годы, согласно которому доля расходов на оборону в ВВП после упомянутого выше увеличения к 2023 г. вновь снизится до показателя 1.25% [21]. Это вызвало настолько резкую критику посла США в ФРГ Р. Гренелла, что вице-председатель Бундестага В. Кубикки призвал главу немецкого МИД выслать посла, ведущего себя “как комиссар оккупационных войск” [22]. Буквально на следующий день обвинения посла отвергла (хотя и в гораздо более мягкой форме) А. Меркель, объявив, что к середине следующего десятилетия правительство намерено увеличить оборонные расходы до 1.5% ВВП. При этом канцлер в очередной раз подчеркнула, что в понимании немецкого правительства помимо собственно военных статей к этим тратам относятся и расходы на предотвращение кризисов, помощь развивающимся странам и т.п. “К тому же, с учетом исторического опыта, претензии Соединенных Штатов в качестве великой державы отличаются от устремлений Германии”, – подчеркнула А. Меркель [23].

Представляется, что переданная в середине мая 2019 г. в НАТО официальная информация правительства ФРГ о крупнейшем за последние десятилетия увеличении расходов на оборону не в последнюю очередь связана с надеждой Берлина хотя бы временно снять напряженность во взаимоотношениях с США по поводу военных расходов. Показательно, что в тот же день, когда

была опубликована эта информация, Министерство обороны ФРГ выступило с разъяснением, что речь идет не об увеличении оборонного бюджета, а лишь о некоторых статьях расходов, которые критерии НАТО позволяют отнести к оборонным. В частности, официальный представитель министерства Й. Флосдорф назвал расходы на уничтожение кассетных боеприпасов и на пребывание на территории Германии иностранных военнослужащих [24].

Как считает большинство немецких экспертов, несмотря на предпринимаемые в этом направлении шаги, Германия на обозримую перспективу остается далека от выполнения поставленной США и НАТО задачи – достижения целевого показателя военных расходов 2% от ВВП к 2024 году. Неоднократно высказывавшаяся за необходимость “стремиться” к этому показателю А. Меркель явно избегает комментировать конкретные цифры оборонного бюджета. Х. Маас 24 марта 2019 г. в очередной раз, пообещав выполнить финансовые обязательства Германии перед НАТО, объявил о принятии правительственной программы, которая к концу 2024 г. обеспечит увеличение расходов на оборону до 1.5% ВВП [25].

Следует учитывать, что ФРГ – страна с крупнейшей в Евросоюзе экономикой и высоким ВВП, растущим почти на 2% ежегодно. Если бы в Берлине решили к 2024 г. выделить на оборону 2% ВВП, то нынешний военный бюджет Германии должен был бы быть увеличен почти в два раза. Против этого выступает большинство депутатов Бундестага, причем не только от оппозиции, но и от правящей коалиции, особенно от СДПГ. Министр финансов О. Шольц (СДПГ), являющийся заместителем канцлера, возражает даже против показателя 1.5% к 2024 г., подчеркивая, что социальные меры гораздо важнее наращивания военных расходов, по его мнению, недостаточно оправданных [26].

Продолжающаяся в Германии дискуссия о необходимом уровне расходов на оборону определяется не только чисто военными или финансовыми соображениями. Наряду с международно-политической ситуацией в Берлине не могут не считаться с нарастающим давлением США (вплоть до угроз Д. Трампа лишить европейцев американской военной поддержки), а также с проамериканской позицией стран ЦВЕ. Кроме того, заявленное Берлином стремление к повышению собственной роли в обеспечении безопасности требует финансовых затрат. С другой стороны, нельзя забывать, что имевшая место на протяжении последних десятилетий известная сдержанность в этом вопросе приносила ФРГ ощутимые выгоды, причем не только экономические, но и политические (среди прочего купирование страхов ее соседей перед сильной в военном отношении Германией). Немаловажную роль играет сформировавшаяся за последние десятилетия “культура сдержанности”, строгий парламентский контроль над принимаемыми по военным вопросам решениями, а также глубоко укоренившийся в немецком обществе пацифизм. Определенную (хотя далеко не прежнюю) роль играет незаинтересованность Берлина в нарастании негативных факторов в германо-российских отношениях.

\* \* \*

Необходимость поддержания строго выверенного баланса между европейским и атлантическим векторами внешней политики долгие годы являлась аксиомой для любого правительства ФРГ. Важность трансатлантических отношений для обеспечения безопасности, как и основополагающие соглашения с США, и сегодня не ставятся под сомнение ни одной из значимых политических сил в Германии. Вместе с тем отмеченные выше новые тенденции в евроатлантической политике ФРГ и, в частности, активизация усилий по укреплению политической самостоятельности и обороноспособности Европейского союза, выработка новой стратегии во взаимоотношениях с США свидетельствуют о наметившихся важных изменениях.

Германо-американские отношения переживают кризис. Можно согласиться с российским экспертом С. Климовичем, что подобные кризисы (правда, не столь глубокие и не столь долговременные. – **А.К.**) уже случались и что эти отношения “обладают достаточным запасом прочности, чтобы пережить нынешний кризис” [27]. Разумеется, рассуждения о “конце атлантизма” не имеют под собой оснований. Ни один из видных экспертов или ответственных политиков в Германии не питает иллюзий в отношении того, что в обозримом будущем ФРГ вместе с другими странами Евросоюза сможет обеспечить европейскую безопасность без

тесного взаимодействия с США и НАТО. Объявленный Берлином курс на повышение “немецкой ответственности” и обретение ЕС большей самостоятельности в вопросах безопасности предполагает, что НАТО остается важнейшей организацией, способной противостоять внешним вызовам. Создание дееспособной военной организации в рамках ЕС в качестве альтернативы НАТО находится в самой начальной, в основном теоретической стадии. Как считает большинство экспертов и политиков в Берлине, оно продлится много лет и полностью заменить военные возможности США в среднесрочной перспективе такая альтернатива не сможет.

Предпринимаемые под руководством германо-французского тандема меры по укреплению собственного оборонного потенциала ЕС пока являются лишь дополнением к действиям НАТО. К тому же и сам тандем не вполне устойчив, а целый ряд стран ЕС (прежде всего Центральной и Восточной Европы) делают ставку на США и не поддерживают идею “европейской автономии”. Для ФРГ США остаются важнейшим союзником в обеспечении безопасности, среди прочего благодаря “ядерным гарантиям”, возможность замены которых всерьез не рассматривается ни в Париже, ни в Лондоне, ни в Берлине.

Вместе с тем многое свидетельствует о том, что некоторые аспекты трансатлантической политики и стратегии Германии подвергаются пересмотру и претерпевают важные изменения. Как в Берлине, так и в Брюсселе в силу названных выше обстоятельств считают необходимым добиться большей степени независимости ЕС от США в вопросах безопасности и в будущем чаще рассчитывать на собственные силы.

Усилившееся соперничество великих держав оказывает серьезное воздействие на Германию и ее партнеров по ЕС, опасаящихся, что не имеющий единой экономической стратегии, согласованной внешней политики и собственной военной силы Евросоюз может оказаться жертвой “великодержавных игр” США, России и Китая. В Берлине исходят из того, что трансатлантические отношения в предстоящие десятилетия будут определяться растущим влиянием Китая, а взаимоотношения США и КНР затрагивать не только экономические интересы, но и безопасность ФРГ. Нельзя не учитывать и тот факт, что в Германии опасаются не только возможного отказа США от своих военных обязательств в Европе, но и того, что ослабление трансатлантических связей может усилить позиции России, якобы заинтересованной в расколе ЕС.

В то же время в Берлине не остается незамеченным, что при Трампе атлантизм все чаще становится инструментом продавливания США собственных экономических интересов и ограничения возможностей сотрудничества европейских союзников с Китаем и Россией, а также Ираном, Индией и рядом других государств. Новые политические реалии заставляют ФРГ заново определить свои приоритеты и интересы, в том числе в вопросе соотношения атлантизма и европеизма в ее внешней политике. Непредсказуемость и противоречивость внешнеполитического курса США при Д. Трампе представляется одним из побудительных, но отнюдь не определяющих факторов обозначившихся перемен. Роль Германии (в связке с Францией) в качестве “представителя европейских интересов” в трансатлантическом союзе повысилась. При этом иницируемое Берлином и Парижем наращивание европейских усилий по повышению собственной обороноспособности вовсе не направлено на создание альтернативы НАТО.

Сотрудничество с США и НАТО остается для Германии и для ЕС важнейшим направлением политики безопасности. Насколько удастся повысить степень самостоятельности европейской составляющей трансатлантического союза, зависит от множества факторов и в первую очередь – от партнеров Германии по ЕС. Очевидно, что пытаясь найти ответы на новые вызовы и минимизировать связанные с этим военно-политические риски, федеральное правительство исходит из понимания невозможности сохранения в обозримом будущем прежнего формата атлантизма, приносившего Германии немалые выгоды.

## СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. Кокеев А. О соотношении атлантизма и европеизма во внешней политике ФРГ. *Европеизм и атлантизм в политике стран Европейского Союза*. Арбатова Н.К. ред., Москва, ИМЭМО РАН, 2009, сс. 34-44. [Kokeev A.M. O sootnoshenii atlantizma i evropeizma vo vneshnej politike FRG [On the ratio of Atlanticism and Europeanism in German foreign policy]. *Evropeizm i atlantizm v politike stran Evropeiskogo Soyuza* [Europeanism and atlantism in the policy of the European Union]. Arbatova N.K., ed. Moscow, IMEMO RAN, 2009, pp. 34-44.]
2. Мейор К. Готова ли Германия к новой роли в области международной безопасности. [Mejor K. *Gotova li Germaniya k novej roli v oblasti mezhdunarodnoi bezopasnosti* [Whether Germany is ready for a new role in international security]]. Available at: <https://carnegie.ru/2017/03/13/ru-pub-68251> (accessed 19.04.2019).
3. *The new Germany. An interview with Wolfgang Ischinger*. Available at: <https://www.economist.com/kaffeeklatsch/2017/05/30/an-interview-with-wolfgang-ischinger> (accessed 17.05.2019).
4. *Koalitionsvertrag zwischen CDU, CSU und SPD 19. Legislaturperiode*. S. 147. Available at: <https://www.bundesregierung.de/resource/blob/975226/847984/5b8bc23590d4cb2892b31c987ad672b7/2018-03-14-koalitionsvertrag-data.pdf?download=1> (accessed 13.12.2018).
5. Ромашенко С. Почти три четверти немцев считают отношения с США плохими. [Romashenko S. *Pochti tri chetverti nemtsev schitayut otnosheniya s SSHA plokhimi* [Almost three-quarters of Germans consider relations with the US bad]]. Available at: <https://p.dw.com/p/3ERUA> (accessed 21.06.2019).
6. Мыльников П. Немцы считают охрану окружающей среды важнейшим вызовом для ЕС. [Myl'nikov P. *Nemtsy schitayut ohranu okruzhayushchei sredy vazhneishim vyzovom dlya ES* [Germans consider environmental protection a major challenge for the EU]]. Available at: <https://p.dw.com/p/3IO9G> (accessed 11.06.2019).
7. Демидова О. Страны ЕС, Китай и РФ будут соблюдать ядерное соглашение с Ираном. [Demidova O. *Strany ES, Kitai i RF budut soblyudat' yadernoe soglashenie s Iranom* [EU countries, China and Russia will comply with the nuclear agreement with Iran]]. Available at: <https://p.dw.com/p/2xPq4> (accessed 15.06.2019).
8. Meier O. *US-Aufkündigung des INF-Vertrags: Punktsieg für Putin*. Available at: <https://www.swp-berlin.org/kurz-gesagt/2018/us-aufkuendigung-des-inf-vertrags-punktsieg-fuer-putin/> (accessed 19.01.2019).
9. *18 dpa-Interview: Außenminister Maas: "Unsere Verantwortung wächst"*. Available at: <https://www.zeit.de/news/2018-12/27/aussenminister-maas-unsere-verantwortung-waechst-181227-99-356882> (accessed 11.02.2019).
10. Trippe Ch.F. *Münchener Sicherheitskonferenz: Die Welt als Puzzle und Vorstellung*. Available at: <https://p.dw.com/p/3D6Fn> (accessed 23.02.2019).
11. NYT: конференция в Мюнхене показала глубину раскола между США и их союзниками. [NYT: the Munich conference showed the depth of the split between the US and its allies (In Russ.)] Available at: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/6128238> (accessed 07.03.2019).
12. *Wir lassen nicht zu, dass die USA über unsere Köpfe hinweg handeln*. Available at: <https://www.handelsblatt.com/meinung/gastbeitraege/gastkommentar-wir-lassen-nicht-zu-dass-die-usa-ueber-unsere-koepfe-hinweg-handeln/22933006.html?ticket=ST-685882-5x9C3BFkTIDnoRnCIAzD-ap6> (accessed 13.06.2019).
13. Жолквер Н. Каким быть Евросоюзу? Ответ Берлина президенту Франции. [Zholkver N. *Kakim byt' Evrosoyuzu? Otvet Berlina prezidentu Francii* [What should the EU be like? Berlin's response to the French President]]. Available at: <https://p.dw.com/p/3Es6O> (accessed 13.05.2019).
14. Gabriel S. *Kunstwerk der Absichtserklärungen. Sigmar Gabriel über den Aachener Vertrag und warum die deutsch-französische Freundschaft nicht mehr genug ist*. Available at: <https://www.ipg-journal.de/rubriken/europaeische-integration/artikel/kunstwerk-der-absichtserklaerungen-3227/> (accessed 24.06.2019).
15. *EU-Staaten beschließen neue Projekte für Verteidigungsunion*. Available at: <https://www.spiegel.de/politik/deutschland/eu-staaten-beschliessen-17-neue-projekte-fuer-verteidigungsunion-pesco-a-1239312.html> (accessed 13.04.2019).
16. Шейко Ю. Год PESCO: чего добился ЕС в сфере военного сотрудничества. [Sheiko Yu. *God PESCO: chego dobilsya ES v sfere voennogo sotrudnichestva* [Year of PESCO: what the EU has achieved in the field of military cooperation]]. Available at: <https://p.dw.com/p/3IUGg> (accessed 22.06.2019).
17. *Financial Times: Пентагон занервничал — военная кооперация в ЕС может подорвать НАТО*. [Financial Times: The Pentagon is getting nervous – military cooperation in the EU can undermine NATO (In Russ.)] Available at: <https://russian.rt.com/inotv/2018-02-14/Financial-Times-Pentagon-zanervnichal-> (accessed 05.05.2018).

18. США запретили Европе разрабатывать оружие. [The United States prohibited Europe to develop weapons (In Russ.)] Available at: [https://lenta.ru/news/2019/05/14/usavseu/?utm\\_source=yxnews&utm\\_medium=desktop](https://lenta.ru/news/2019/05/14/usavseu/?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop) (accessed 12.06.2019).
19. Комментарий: Страны ЕС должны расширить военное сотрудничество. [Comment: EU countries should expand military cooperation (In Russ.)] Available at: <https://p.dw.com/p/3EfbX> (accessed 17.03.2019).
20. Deutschlands Verteidigungsausgaben steigen um fünf Milliarden Euro. Available at: <https://www.zeit.de/politik/ausland/2019-05/nato-verteidigungsausgaben-deutschland-budgeterhoehung> (accessed 29.06.2019).
21. Scholz dreht Unionsministern den Hahn zu, für Sozial-Gaben aber soll Geld da sein. Available at: [https://www.focus.de/politik/deutschland/es-gibt-grosses-misstrauen-scholz-dreht-unions-ministern-geldhahn-zu-fuer-sozial-gaben-der-spd-aber-soll-geld-da-sein\\_id\\_10394294.html](https://www.focus.de/politik/deutschland/es-gibt-grosses-misstrauen-scholz-dreht-unions-ministern-geldhahn-zu-fuer-sozial-gaben-der-spd-aber-soll-geld-da-sein_id_10394294.html) (accessed 14.05.2019).
22. Вачедин Д. Вице-председатель бундестага требует высылки американского посла. [Vachedin D. Vitsepredsedatel' bundestaga trebuets vysylki amerikanskogo posla [The Bundestag Vice-President demands the expulsion of the American Ambassador]]. Available at: <https://p.dw.com/p/3FJp> (accessed 14.04.2019).
23. Жуков Е. Меркель отвергла американскую критику оборонных расходов ФРГ. [Zhukov E. Merkel' otvergla amerikanskuyu kritiku oboronnykh raskhodov FRG [Merkel rejected US criticism of the German defense spending]]. Available at: <https://p.dw.com/p/3FJeB> (accessed 25.06.2019).
24. Жолквер Н.В. Минобороны ФРГ опровергли резкое увеличение военных расходов. [Zholkver N.V. Minoborony FRG oprovergli rezkoe uvelichenie voennykh raskhodov [The German defense Ministry denied the sharp increase in military spending]]. Available at: <https://p.dw.com/p/3lf6a> (accessed 06.06.2019).
25. Ромашенко С. Глава МИД ФРГ обещал выполнить финансовые обязательства перед НАТО. [Romashenko S. Glava MID FRG obeshchal vypolnit' finansovye obyazatel'stva pered NATO [The German foreign Minister promised to fulfill financial obligations to NATO]]. Available at: <https://p.dw.com/p/3FaSu> (accessed 28.06.2019).
26. Scholz dreht Unionsministern den Hahn zu, für Sozial-Gaben aber soll Geld da sein. Available at: [https://www.focus.de/politik/deutschland/es-gibt-grosses-misstrauen-scholz-dreht-unions-ministern-geldhahn-zu-fuer-sozial-gaben-der-spd-aber-soll-geld-da-sein\\_id\\_10394294.html](https://www.focus.de/politik/deutschland/es-gibt-grosses-misstrauen-scholz-dreht-unions-ministern-geldhahn-zu-fuer-sozial-gaben-der-spd-aber-soll-geld-da-sein_id_10394294.html) (accessed 08.06.2019).
27. Климович С. Трамп vs Меркель. Куда движутся отношения США и Германии. [Klimovich S. Trump vs Merkel. Kuda dvizhutsya otnosheniya SShA i Germanii [Trump vs Merkel. Where are the relations between the US and Germany heading]]. Available at: <https://carnegie.ru/commentary/76679> (accessed 01.07.2019).

**GERMANY'S EURO-ATLANTIC POLICY: CONTINUITY AND RENEWAL***(Analysis and Forecasting. IMEMO Journal, 2019, no. 1, pp. 45-58)*

Received 17.07.2019.

Alexander M. KOKEEV ([alkokeev@gmail.com](mailto:alkokeev@gmail.com)),*Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences (IMEMO), 23, Profsoyuznaya Str., Moscow 117997, Russian Federation.**Acknowledgements. The article was prepared at IMEMO within the project of the Russian Foundation for Basic Research No 18-011-00464 "Germany's Changing Role in the European Union Integration and Transatlantic Processes. The Challenges for Russia".**The article examines important changes in Germany's relations with the United States and NATO; identifies new trends in Berlin's transatlantic policy and strategy and analyses the country's actions aimed at deepening European integration and increasing the EU's independence in ensuring its own security. German-American relations under D. Trump are experiencing a profound and protracted crisis. Therefore, the emphasis in the defense strategy and security policy of the Federal Republic of Germany began to change. On the one hand, Germany has stepped up its participation in NATO's military activities. On the other hand, a long-standing non-partisan consensus maintained in Berlin implies that in a crisis situation primarily political and diplomatic means are appropriate and that military measures are a last resort. Close coordination with the allies is essential. In connection with the unilateral US withdrawal from a number of international agreements important for Germany, Berlin's concern over the unpredictability and inconsistency of the US actions with their European allies is growing. As a result Berlin has adopted a "balanced partnership" strategy towards the United States. Creation of a more independent Europe and a European Union of Security and Defense has become the German policy primary goal.**Despite many controversies, France remains the most important pillar of the German politics' European vector. The central point of the new Franco-German treaty of January 22, 2019 is an obligation to move towards a convergence of the two countries' security strategies. PESCO program became the first notable result of such policy. The program is aimed at intensifying the European countries military-industrial cooperation. Berlin sees the program as a long-term possibility to enhance the European influence in the transatlantic alliance and increase Germany's own responsibility in the defense sphere. In connection with the well-known US and NATO requirements, the question of increasing the Federal Republic of Germany defense budget has acquired particular urgency. Basing on growing international tensions and aggravation of NATO's relations with Russia, Berlin has substantially increased its military spending. But despite this, in the foreseeable future, Germany will remain far from fulfilling the requirement to reach the 2% GDP defense spending target by 2024 (the planned figure is less than 1.5%). Nevertheless no responsible politician in Germany would claim that even in the medium term Germany together with its EU partners will be able to ensure European security without close cooperation with the United States and NATO. At the same time, there are a lot of indications that important aspects of Berlin's transatlantic policy are undergoing serious and largely irreversible changes. They are connected not only with the "Trump factor" and the Ukrainian crisis, but also with deeper shifts, including the growing influence and "challenge" of China.**Keywords: Germany, German-American relations, NATO, transatlantic and European policy of the Federal Republic of Germany, European Union, security policy, German-French cooperation, PESCO, defense spending.*

About author:

*Alexander M. KOKEEV, Cand. Sci. (History), Leading Researcher, Sector of Political Aspects of European Integration, Department of European Political Studies.***DOI:** 10.20542/afj-2019-1-45-58

## КОНЦЕПТУАЛЬНЫЙ ВАКУУМ: РОССИЙСКОЕ НАПРАВЛЕНИЕ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ ЧЕТВЕРТОГО КАБИНЕТА А. МЕРКЕЛЬ

© 2019 г. Ф. БАСОВ

БАСОВ Федор Алексеевич, кандидат политических наук, старший научный сотрудник Сектора политических проблем европейской интеграции Отдела европейских политических исследований.

Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН, РФ, 117997 Москва, Профсоюзная, 23 ([fabasov2@mail.ru](mailto:fabasov2@mail.ru)).

Статья выполнена в рамках проекта РФФИ 18-011-00464 "Меняющаяся роль Германии в евроинтеграционных и трансатлантических процессах. Вызовы для России".

---

Басов Ф.А. Концептуальный вакуум: российское направление внешней политики четвертого кабинета А. Меркель.

*Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН*, 2019, № 1, сс. 59-69. DOI:10.20542/afj-2019-1-59-69.

---

**DOI:** 10.20542/afj-2019-1-59-69

**УДК:** (430)+(470+571): 327+328+329+339.924

Статья поступила в редакцию 26.08.2019.

В статье анализируется политика правительства Германии в отношении России. Фундаментальные изменения немецкого курса на российском направлении произошли в 2011 и 2014 гг. Однако изменившийся в 2018 г. кадровый состав правительства, проблемы, связанные с реализацией проекта газопровода "Северный поток-2" и реакцией на него других стран, а также прочие аспекты позволяют говорить о новых характерных чертах названного направления. В последние годы политика ФРГ в отношении России и всей Восточной Европы не имеет позитивной стратегии и пребывает в состоянии концептуального вакуума.

**Ключевые слова:** Германия, Россия, А. Меркель, Х. Маас, германо-российские отношения, "Северный поток-2", РСМД, санкции, Восточная Европа.

Четвертый правительственный кабинет канцлера Ангелы Меркель был сформирован 14 марта 2018 г. партиями ХДС, ХСС и СДПГ.

Германия со времени распада СССР являлась одним из основных акторов мировой политики, который пытался сформулировать повестку дня в отношении развития постсоветской России и взаимодействия с ней. Помимо экономической заинтересованности (которая есть и у других стран), ФРГ демонстрировала понимание того, что решать вопросы международной безопасности необходимо вместе с Россией и то, что международно-политическое взаимодействие с официальной Москвой может быть позитивным. После крымского кризиса 2014 г. Германия стала страной, которая в значительной мере способствует проведению единой политики ЕС в отношении России, в том числе, в болезненном вопросе санкций. Российское направление политики четвертого правительства А. Меркель формируется изменившейся внешнеполитической элитой страны, в которой влияние так называемых друзей России заметно меньше, чем в предыдущие годы.

## ИСТОРИЯ ВОПРОСА

После того, как в условиях краха социалистической системы период адаптации к новой реальности в 1990-е годы был пройден, Берлин выдвинул концепцию стратегического партнерства с Россией. В самой Германии она подвергалась критике как «пустая формула», то есть – как лишенная конкретики программа [1, s. 26]. На смену ей в 2008 г. тогдашний министр иностранных дел ФРГ Ф.-В. Штайнмайер выдвинул концепцию «Партнерства ради модернизации» (ПРМ). На следующий год весь Евросоюз взял ее за основу своих отношений с Россией.

ПРМ было более конкретной концепцией, чем стратегическое партнерство. Именно поэтому оно было принято на вооружение Европейской службой внешних связей. Политическая элита Германии в 2008–2009 гг. видела в президенте Дмитрие Медведеве молодого реформатора, который занял пост Президента РФ с модернизационной повесткой.

Поворотной точкой в развитии германо-российских отношений стал 2011 г., когда Владимир Путин заявил о своем намерении вернуть президентство. Это решение было с большим разочарованием воспринято в Берлине. Говорили, что в 2012 г. Путин возвратился в Кремль с антизападнической и реакционной повесткой. Именно 2011 г. продемонстрировал не только провал «Партнерства ради модернизации», но и то, что все многолетние стремления политической элиты Германии «вернуть Россию в Европу» (или приблизить ее к Европе) оказались по большому счету безуспешными.

После 2011 г. и очевидного краха «Партнерства ради модернизации» в немецкой политике на российском направлении наступил период концептуального вакуума. В коалиционном договоре ХДС, ХСС и СДПГ 2013 г. положение о ПРМ еще сохранялось, но уже признавалось, что основной проблемой концепции является разное представление о модернизации российской и немецкой сторон [2, s. 169-170]. Принципиальное отличие заключалось в том, что российское руководство и бизнес оставались более заинтересованы в технологиях и инвестициях, а немцы – в модернизации управленческих практик и правовых норм.

Также в правительственном документе 2013 г. декларировались стремление к открытому диалогу и широкому сотрудничеству с Россией, наличие общей повестки безопасности, перспективы совместного разрешения конфликтов, указывалось, что в интересах Германии – существование сильной и демократической России.

2014 г. – присоединение Крыма к РФ и война в Донбассе – еще более ухудшил двусторонние отношения. После 2014 г. девизом значительной части политической элиты Германии стал: «Распрощаться с Россией» или «Расстаться с Россией», то есть свести отношения с официальной Москвой до допустимого минимума.

В 2014 г. пост уполномоченного федерального правительства по отношениям с Россией стал называться «уполномоченный федерального правительства по взаимодействию с гражданским обществом России, Центральной Азии и стран «Восточного партнерства»». Эта незначительная поправка в должности координатора российского направления внешней политики свидетельствует о том, что дипломатическая элита Германии не видит возможности декларировать развитие политических отношений с РФ в новых условиях. Кроме того, на постсоветском пространстве помимо Москвы у Берлина существуют столь же важные и перспективные партнеры.

## ЧЕТВЕРТОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО А. МЕРКЕЛЬ

Если 2014 г. и адаптация к посткрымской реальности произошли в период третьего кабинета А. Меркель (2013–2017), то четвертое правительство этого канцлера начало работать уже в устоявшихся условиях.

Подписанный в марте 2018 г. коалиционный договор между ХДС, ХСС и СДПГ, разумеется, не содержал положений о «Партнерстве для модернизации» [3]. Новый документ уделял больше

внимания институционализированному сотрудничеству и повышению роли многосторонних организаций и форматов в процессе двустороннего взаимодействия. Также отношения с Россией не называются партнерством. В документе говорится, что “партнерство возможно при условии восстановления доверия”. Новое правительство отмечает потенциал экономического сотрудничества и взаимодействия гражданских обществ двух стран. Это соответствует той логике, которая проявилась в переименовании должности уполномоченного федерального правительства по России. Также в новом коалиционном договоре приводится прежний тезис о стремлении к “единому экономическому пространству от Лиссабона до Владивостока”, скорее, как лозунг. Повторяется положение о том, что основой для отмены санкций будет выполнение Минских договоренностей. В коалиционном договоре 2018 г. ответственность за их выполнение возлагается как на Россию, так и на Украину.

Важным фактом является то, что в коалиционном договоре 2018 г. Россия называется “нарушителем европейского мирного порядка из-за аннексии Крыма и вмешательства на востоке Украины”. То есть политическая элита Германии не стремится избегать жестких формулировок.

Одним из первых заявлений Хайко Мааса на новом для него посту министра иностранных дел стало провозглашение намерения делать ставку на общеевропейскую политику в отношении России и всей Восточной Европы, при этом больше прислушиваясь к мнению стран Центральной Европы. Немецкий подход к РФ очень осторожен и последователен. Главным приоритетом стратегии Германии на восточном направлении в целом является сохранение единства государств – членов Европейского союза по важнейшим внешнеполитическим вопросам.

После 2014 г. в Германии наблюдаются стремление к большей координации политики в отношении России и в отношении Украины, а также осторожность в активности на постсоветском пространстве и одновременная усталость от него. Осмотрительность и отказ от решительных или резких шагов, с одной стороны, компенсируются жесткостью и последовательностью внешнеполитической линии немецкого правительства, с другой. Так, А. Меркель выдерживает четкий курс по вопросам антироссийских санкций и нефтегазового сотрудничества с Россией. При этом на правительство пытаются оказать воздействие противоположные группы интересов внутри страны – бизнес и правозащитники (легалисты). Также давление со стороны федеральных земель (новые федеральные земли и Бавария) и европейских стран-софтлайнеров в отношении России входит в противоречие с попытками администрации США оказать влияние на немецкую политику, а также с позицией европейских стран-хардлайнеров.

Еще в конце 2014 г. – начале 2015 г. канцлер А. Меркель сформулировала правила санкционной политики Евросоюза в отношении России, с которыми европейские лидеры фактически соглашались. По мнению немецкого руководства, санкции могут быть усилены, если территории ДНР и ЛНР расширятся; основной пакет санкций может быть отменен, при выполнении Минских договоренностей (иными словами, если Украина сможет реинтегрировать Донбасс), тогда останется только крымский санкционный пакет. Эту линию А. Меркель удается держать как во время регулярных обсуждений продления санкций в Европейском совете, так и обострения международной обстановки, как, например, в связи с инцидентом в Керченском проливе 25 ноября 2018 г.

Также немецкое правительство, невзирая на критику как из-за рубежа, так и внутри страны, придерживается мнения, что нефтегазовое сотрудничество с Россией не должно попадать под санкции. Можно говорить о том, что в Германии сложилось региональное антисанкционное лобби, которое представляют новые федеральные земли и, более завуалированно, Бавария.

Закрытие проекта “Южный поток” в 2014 г. стало одним из стимулов к строительству трубопровода “Северный поток-2”. Обсуждение планов прокладки последнего уже шло в условиях санкционной войны между Россией и ЕС, исключившей большинство аспектов нефтегазового сотрудничества. По трубопроводу *OPAL*, проходящего от г. Лубмин, в районе которого заканчивается “Северный поток” до границы с Чехией и трубопровода “Ямал–Европа”, газ из “Северного потока-2” может в конечном итоге прийти в австрийский Баумгартен, который ожидал газа из “Южного потока”.

В начале 2018 г., когда согласования по “Северному потоку-2” вошли в решающую фазу, было объявлено, что власти Германии (а именно – четвертый кабинет А. Меркель) дают разрешение на реализацию проекта. Официальная позиция ФРГ заключается в том, что “Северный поток-2” является исключительно коммерческим мероприятием.

После встречи с тогдашним украинским президентом Петром Порошенко в начале апреля 2018 г. канцлер А. Меркель признала, что проект “Северный поток-2” все же имеет политическое измерение. В ходе встречи с российским лидером В. Путиным в мае 2018 г. в Сочи она озвучила требование сохранения транзита газа через украинскую газотранспортную систему и после запуска нового трубопровода. В ходе следующей встречи Меркель и Путина в августе 2018 г. в Мезеберге российский президент подтвердил готовность сохранить транзит газа через Украину. Вопрос об объемах этого транзита в настоящий момент открыт.

В числе противников проекта остаются США. Негативная реакция администрации Дональда Трампа на “Северный поток-2” была воспринята немецким руководством как желание обеспечить выгодные условия для экспорта американского сжиженного природного газа (СПГ) в Европу. По информации СМИ, в ходе встреч канцлера А. Меркель и министра экономики и энергетики ФРГ П. Альтмайера с американским высшим политическим руководством удалось уладить вопросы, связанные с угрозой введения санкций США против немецких компаний, участвующих в проекте. Пока эти санкции не реализованы. Не исключено, что одним из условий согласия администрации Д. Трампа с проектом “Северный поток-2” было решение немецкого правительства о строительстве первого в Германии терминала для сжиженного природного газа в городе Брюнсбюттель, который создаст условия для импорта ФРГ американского СПГ и улучшит положение компаний США на европейском рынке. Открытие терминала СПГ отвечает и немецким интересам, так как способствует диверсификации поставок газа и увеличению его количества на рынке, что послужит снижению цены на газ.

Строительство “Северного потока-2” не увеличивает зависимость ФРГ от российских углеводородов, поскольку остаются задействованными и другие трубопроводы. Также Германия успешно диверсифицирует свой энергобаланс, в котором доля российских углеводородов не возрастает [4, с. 210-211].

Традиционной позиция Берлина остается по проблематике взаимодействия с международными организациями и интеграционными проектами с участием России. Еще в 2000-е годы Москва стремилась к развитию сотрудничества между Организацией Договора о коллективной безопасности (ОДКБ) и НАТО. Однако, по мнению внешнеполитической и военной элиты Германии, ОДКБ не является равнозначной НАТО военной организацией, поэтому развивать сотрудничество и заключать договоры с ней не нужно.

В подобном же ключе в Берлине реагируют на предложения политиков России и Беларуси по “интеграции интеграций”, то есть заключения договоров и развития сотрудничества между ЕС и Евразийским экономическим союзом (ЕАЭС). Евразийская интеграция, как полагают многие аналитики в Германии, не имеет больших перспектив.

До 2011 г. среди внешнеполитических экспертов Германии, политиков и бизнесменов, занимающихся сотрудничеством с Россией и странами постсоветского пространства, велась дискуссия о том, можно ли развивать связи с РФ через голову стран Центральной и Восточной Европы. По мнению таких немецких специалистов по России, как А. Рар и П. Шульце, которые считаются достаточно благожелательно к ней настроенными, обоюдное сближение решит проблемы взаимоотношений России и Евросоюза со странами, расположенными между ними. Противоположную точку зрения высказывали широкие круги немецкой общественно-политической элиты, например, М.-Л. Бек и Р. Фюкс. После 2011 г., разумеется, позиция о приоритетности России на восточном направлении немецкой внешней политики перестала существовать.

Важным вопросом для российского направления внешней политики четвертого правительства Меркель стал кризис Договора о ракетах средней и меньшей дальности (РСМД), который случился в 2019 г. Германия крайне заинтересована в соблюдении договора, что совпадает с традиционной для ФРГ линией, нацеленной на разоружение. На переговорах

с В. Путиным и российским министром иностранных дел С. Лавровым А. Меркель и Х. Маас призывали их вернуться к соблюдению договора РСМД. В ходе Мюнхенской конференции по безопасности в феврале 2019 г. немецкий канцлер просила Китай включиться в процесс по сохранению договора РСМД [5]. Однако более конкретных предложений со стороны Берлина не последовало ни Москве, ни Вашингтону, ни союзникам по НАТО и ЕС.

Фундаментальное отношение к России отражено в Белой книге по политике безопасности и будущему бундесвера 2016 г. Этот документ, в отличие от коалиционных договоров, издается реже и менее зависим от внутривнутриполитической конъюнктуры. По поводу России в немецкой Белой книге 2016 г. сказано следующее: “Без кардинального и фундаментального изменения курса Россия в обозримой перспективе останется вызовом для безопасности на нашем континенте” [6]. Впервые после окончания холодной войны в официальном документе ФРГ Россия характеризуется как угроза или вызов европейской безопасности. Также можно предположить, что авторы последней редакции Белой книги обозначили то, что измениться должна только сама Россия. Только Москва может начать движение к сотрудничеству с Западом, возможности же Запада серьезным образом повлиять на изменение российской политики весьма ограничены.

Невозможность развивать с Россией политические отношения и значительные экономические ограничения стимулировали другие треки германо-российского сотрудничества. Так, в 2017–2018 гг. прошел Германо-российский год межрегиональных и межмуниципальных партнерств [7]. По оценкам большинства наблюдателей, реализация этой совместной программы формально увеличила число контактов между регионами и муниципалитетами двух стран, образовательных и культурных обменов, мероприятия и неэкономические проекты в рамках этого года становились основанием для взаимных инвестиций. Однако она не изменила ни общего характера политических и экономических отношений между ФРГ и Россией, ни их динамики.

В 2018 г. министры иностранных дел двух стран Х. Маас и С. Лавров открыли перекрестный Германо-российский год научно-образовательных партнерств 2018–2020 гг. Целью подобных форматов является более широкое вовлечение общественных структур в двусторонние отношения. Значительная часть немецкой внешнеполитической элиты надеется, что посредством обменов молодежь из России и Германии будет лучше понимать необходимость налаживания связей и отказа от конфронтации.

### СТАРЫЕ И НОВЫЕ ПЕРСОНАЛИИ

В четвертом правительстве А. Меркель начал работать новый министр иностранных дел Хайко Маас. Во-первых, он новичок во внешней политике. До 2018 г. Х. Маас не занимался международными делами, а в предыдущем правительстве 2013–2017 гг. был министром юстиции и защиты прав потребителей. Это означает, что внешняя политика нового правительства будет больше зависеть от Ведомства федерального канцлера Германии, чем от МИДа. Во-вторых, Х. Маас по своим воззрениям близок канцлеру. Он – убежденный демократ, ставящий во главу угла права человека и нормативизм в политике. В этом смысле он отличается от социал-демократов старого поколения, которые зачастую исповедовали принцип *business as usual* в отношениях с Россией или просто понимали важность подключения Москвы к решению международной повестки дня. Поэтому действия канцлера и министра будут более скоординированы. Вряд ли между Меркель и Маасом может случиться такая несогласованность, которая произошла между А. Меркель и З. Габриэлем в 2015 г. по поводу их заявлений о начале российской военной операции в Сирии. Тогда канцлеру пришлось корректировать слова министра иностранных дел, уточнив, что Европа не поддастся на шантаж со стороны России и не будет снимать санкции без выполнения Минских договоренностей [8].

Вообще в новый, четвертый по счету, кабинет Меркель вошли те социал-демократы, которые либо относятся к правому крылу в партии, либо демонстрировали готовность к работе в одной команде с федеральным канцлером. В этом смысле позиции главы кабинета в новом

правительстве укрепились. Также в последние годы возрастает значение правозащитной группы интересов в немецкой политике в отношении Москвы, потенциал экономической группы несколько уменьшился. Отчасти это объясняется тем, что молодое поколение в немецкой политике более ориентированно на правозащитную и нормативную проблематику, чем их старшие коллеги.

Отдельного внимания заслуживает Аннегрет Крамп-Карренбауэр (АКК, как часто ее называют). В первый год работы четвертого правительства А. Меркель (2018 г.) АКК была избрана сначала генеральным секретарем ХДС, а затем и председателем партии, став на этом посту преемником канцлера. В начале 2018 г., когда Крамп-Карренбауэр стала генеральным секретарем партии, она отказалась от очень успешной карьеры регионального политика – премьер-министра Саара – и от государственной должности, уйдя исключительно на партийную работу. Это обстоятельство дает все основания полагать, что АКК согласилась на переезд в Берлин только получив уверения канцлера в возможности расширения в будущем своих функций. Она является не только преемником А. Меркель на посту председателя ХДС, но и, по всей видимости, станет кандидатом на пост канцлера на следующих выборах в Бундестаг от ХДС/ХСС и, возможно, следующим канцлером Германии.

Продвижение бывшего министра обороны ФРГ Урсулы фон дер Ляйен на высокий пост в Брюсселе явно рассматривалось немецким канцлером как одна из возможностей еще в 2018 г., о чем свидетельствовали многие наблюдатели. Тем более, что У. фон дер Ляйен, вероятно, сама хотела попробовать себя в политике общеевропейского уровня. Новая должность стала для нее повышением после многих лет работы федеральным министром. Вместе с тем переезд фон дер Ляйен в Брюссель освобождал место в правительстве Германии для А. Крамп-Карренбауэр, которой было просто необходимо получить опыт работы в федеральном правительстве.

В связи с тем, что избранная глава Еврокомиссии У. фон дер Ляйен покинула пост министра обороны ФРГ, 17 июля 2019 г. председатель ХДС А. Крамп-Карренбауэр по предложению канцлера А. Меркель была утверждена в должности нового министра обороны Германии и вошла в федеральное правительство. Это назначение стало первой для АКК государственной должностью на федеральном уровне. Таким образом, выборы в Европейский парламент 2019 г. и формирование новой Еврокомиссии стали важными событиями в процессе транзита власти в Германии.

А. Крамп-Карренбауэр, несмотря на отличия от А. Меркель во взглядах по некоторым вопросам, воспринимается и является соратницей канцлера, тем человеком, на которого А. Меркель решила сделать ставку. Меркель и Крамп-Карренбауэр связывает общее представление об идеалах. Одним из важнейших принципов для обеих является гуманизм. В этом смысле они обе являются истинными христианскими демократами или даже христианскими социалистами. Подобно Меркель АКК делает ставку на социальную, экологическую и правозащитную проблематику в политике. Они обе являются ответственными и принципиальными политиками, которые готовы нести электоральные потери, но не пускаться в популистские действия или риторику. Поэтому бывший премьер-министр Саара остается категорическим противником каких-либо коалиций и взаимодействия не только с "Альтернативой для Германии", но и с "Левыми" [9]. АКК можно считать именно представителем европейского политического мейнстрима. За период 2012–2018 гг. у нее сложился богатый опыт коалиционного взаимодействия с СДПГ в Сааре, а в 2012–2013 гг. – работы лично с нынешним министром иностранных дел Х. Маасом. У А. Меркель и А. Крамп-Карренбауэр существует не только близость политических взглядов и жизненных убеждений, но и политического стиля – спокойного и ответственного, нацеленного на долгосрочную перспективу.

АКК считают более консервативным политиком, чем канцлера А. Меркель. В отношении России новый министр обороны демонстрирует более жесткую позицию, нежели канцлер. Так, в связи с инцидентом в Керченском проливе генеральный секретарь ХДС А. Крамп-Карренбауэр предложила закрыть порты западных стран для российских кораблей из Азовского моря, пока Россия блокирует вход в него украинских судов [10]. АКК – сторонник единства Европейского союза и дальнейшего развития и укрепления европейской интеграции и, соответственно, общей политики ЕС в отношении России и всего постсоветского пространства, что является нежелательным для официальной Москвы. Во время европейской предвыборной кампании

2019 г. АКК публично заявляла о том, что Россия пытается воздействовать на настроения избирателей, а также поддерживает правых и левых популистов-евроскептиков. Она призвала противостоять этим попыткам Кремля. Таких жестких заявлений в адрес России А. Меркель себе не позволяла.

Также Крамп-Карренбауэр является более приемлемой фигурой для традиционалистского крыла в ХДС, как и для ХСС, чем канцлер А. Меркель. Ей удалось значительно укрепить единство в партии и в Союзе ХДС/ХСС. Характерно, что ХДС и ХСС в 2019 г. впервые опубликовали общую программу накануне выборов в Европейский парламент. Это способствует сокращению влияния (как в ХДС, так и в ХСС) тех сил, которые выступают за политику *business as usual* в отношении России. Председатель ХДС высказывалась также за создание на федеральном уровне "черно-зеленой" коалиции ХДС/ХСС и "Зеленых", которые являются, по мнению многих экспертов, самой критически настроенной в Германии политической партией в отношении России.

АКК, в отличие от А. Меркель, критикует проект трубопровода "Северный поток-2". При этом, как и канцлер, Крамп-Карренбауэр не намерена останавливать его реализацию. По ее словам, «договоры по "Северному потоку-2" уже подписаны, а сам проект способствует отказу Германии от угля и атомной энергетики». АКК поддерживает стремление А. Меркель к тому, чтобы условием реализации проекта стал учет интересов Украины и других транзитных государств [11].

В 2017 г. федеральным президентом Германии стал Франк-Вальтер Штайнмайер. Нынешний глава немецкого государства не определяет внутривнутриполитический и внешнеполитический курс и не участвует в его реализации. Однако он может ставить акценты, а также, в случае хороших рабочих отношений с канцлером, выполнять те внешнеполитические обязанности, которые нецелесообразно брать на себя председателю правительства, то есть фактически разделять внешнеполитические обязанности.

У Ф.-В. Штайнмайера и А. Меркель сложились именно такие доверительные рабочие отношения. На протяжении более чем семи лет нынешний президент был министром иностранных дел в правительстве Меркель. Именно его кандидатуру на пост президента канцлер в итоге поддержала. В свою очередь, уже будучи президентом, Штайнмайер применил все свое влияние в СДПГ, чтобы склонить руководство социал-демократов к вступлению в новую правительственную коалицию с ХДС/ХСС ради преодоления политического кризиса.

С 2017 г. Ф.-В. Штайнмайер имеет возможность оказывать влияние и участвовать в формировании российского направления немецкой внешней политики уже как федеральный президент Германии. Из всех глав ФРГ Штайнмайер является самым заинтересованным в отношениях с Россией. В 1990-е годы он был ближайшим сотрудником и соратником Герхарда Шрёдера. Именно Штайнмайер участвовал в подготовке знакомства Шрёдера с российским президентом и налаживании контактов между немецким канцлером и российской правящей элитой. Именно он был автором концепции "Партнерства для модернизации" в отношениях с Россией, а также называл задачей немецкой политики на российском направлении "сближение через переплетение" (нем. *Annäherung durch Verflechtung*), что является отсылкой к формулировке Вилли Брандта "изменение через сближение" (нем. *Wandel durch Annäherung*). В отличие от большинства представителей немецкого политического истеблишмента, в том числе, от нынешнего канцлера, Штайнмайер даже после возвращения В. Путина на пост президента и начала "болотного дела" выражал надежду на позитивную повестку дня в германо-российских отношениях. Правда, после крымского кризиса и начала вооруженного конфликта в Донбассе министр иностранных дел, разумеется, вынужден был отказаться от декларирования таких инклюзивных концепций сотрудничества.

Вместе с тем Ф.-В. Штайнмайер никогда не ставил германо-российские отношения в ущерб германо-американским. Его целью всегда было "вернуть Россию в Европу" или, иными словами, "привязать Россию к Западу". Для той части внешнеполитической элиты Германии, к которой можно отнести Ф.-В. Штайнмайера, бывшего министра обороны Ф. Рюе, эксперта А. Рара и других, было важно, чтобы Россия была мирной и демократичной, а также, чтобы Европа не проиграла Китаю конкуренцию за Россию.

Таким образом, президент Германии представляет тех, кто считает Россию-европейской страной и хочет развивать отношения с ней, но не любой ценой, а только если она развивается в демократическом направлении. Это отличает данную идейную группу от экономического крыла, которое готово мириться с дефицитами внутреннего развития России в угоду экономическим интересам, а также большинства, очень разочарованного отношениями с Москвой. Однако и здесь мы наблюдаем концептуальный вакуум.

В октябре 2017 г., когда четвертый кабинет А. Меркель еще не был сформирован, президент Ф.-В. Штайнмайер восполнил ситуацию смены правительства своим рабочим визитом в Россию. Это был первый за семь лет визит федерального президента ФРГ в Россию. Предыдущий президент Германии Й. Гаук (2012–2017) ни разу не приезжал в РФ из-за своей непримиримой позиции к российскому руководству и его политике. Однако визит Ф.-В. Штайнмайера имел статус рабочего (третий ранг визита в дипломатической иерархии после государственного и официального), а также был приурочен к 500-летию Реформации. Помимо встречи с В. Путиным немецкий президент за 25 часов пребывания в Москве успел посетить Собор Петра и Павла, общество “Мемориал” и бывшего президента СССР М.С. Горбачева [12].

По официальным релизам, два президента обсуждали возможности урегулирования в Сирии и Донбассе. Для Ф.-В. Штайнмайера визит был важен тем, что обозначил продолжение политического диалога с Россией и сохранения канала личных контактов. Он показал российским партнерам готовность к взаимодействию уже в качестве федерального президента Германии, а немецкой элите – намерение продолжать свою прежнюю линию, направленную на сохранение переговорных позиций, возможности продолжения контактов с Москвой, при этом без лишних сантиментов и содействия бизнесу.

В 2018 г. в своем выступлении Ф.-В. Штайнмайер заявил, что “независимо от Путина нельзя объявлять врагом всю Россию”, но также, что “у германо-российских отношений нет базы для доверия” (кстати, в том же году отравление в британском Солсбери еще больше повлияло на недоверие к России). Это заявление свидетельствует, что для той части внешнеполитической элиты ФРГ, которая до Крыма считалась в Германии и в Европе стремящейся учитывать интересы России, остается невозможным развивать политические отношения с Москвой при президенте В. Путине и господстве его системы. Однако следует поддерживать и развивать контакты с гражданским обществом и оставлять возможность для рабочих контактов между Москвой и Берлином. Стремление к минимизации политических отношений с Россией и концептуальный вакуум иллюстрируются тем, что уполномоченным нового правительства по России стал Дирк Визе. Смена уполномоченного правительства по России связана с началом работы нового правительства и вступлением в должность нового министра иностранных дел. Новому уполномоченному на момент вступления в должность было всего 34 года, и он не имел до этого никакого бэкграунда, связанного с Россией или с изучением региона, не владел русским языком. До него эту должность занимали Гернот Эрлер – специалист по истории и политике Восточной Европы, знавший русский язык, а также Андреас Шокенхоф, который к моменту своего назначения первым уполномоченным по России и Восточной Европе был многолетним внешнеполитическим спикером фракции ХДС/ХСС в Бундестаге.

\*\*\*

Фундаментальные изменения немецкой политики на российском направлении произошли в 2011 и 2014 гг. После 2011 г. и провала “Партнерства для модернизации” политика ФРГ в отношении России и всей Восточной Европы не имеет позитивной стратегии и пребывает в состоянии концептуального вакуума. На немецкое правительство пытаются воздействовать различные группы интересов, как внутри страны, так и в Европейском союзе и за его пределами. Во многом поэтому немецкая политика на постсоветском пространстве отличается сдержанностью и осторожностью, что позволяет ей сохранять единство внешней политики ЕС на восточном направлении, которое является основным приоритетом для Берлина.

О необходимости выхода из концептуального вакуума российского направления немецкой внешней политики высказался эксперт по Восточной Европе из Фонда имени

Генриха Бёлля Штефан Майстер: “Способна ли Германия вести политику ЕС в отношении России и Восточной Европы и серьезно восприниматься Вашингтоном при решении важных стратегических вопросов? Германии и Евросоюзу нужна долгосрочная стратегия в отношении взаимодействия с коррумпированными и клептократическими элитами и интеграции в Европу России, которая больше, чем Владимир Путин” [13].

В основных вопросах политики на постсоветском пространстве у четвертого кабинета А. Меркель существует преемственность с третьим кабинетом канцлера (2013–2017), но потенциал так называемых друзей России, экономизированной группы интересов, в правящей элите Германии снижается. Их представители не вошли в нынешнее правительство ФРГ, а также уже не входят в руководство правительственных партий.

В немецкой политике возросло влияние легалистов и правозащитников, выступающих за минимизацию контактов с официальной Москвой. Канцлер А. Меркель и президент Ф.-В. Штайнмайер представляют группу, которую можно назвать идейной на российском направлении. Они признают принадлежность России к Европе, важность сохранения возможности взаимодействия с ней. Но они против развития отношений любой ценой, готовы идти на экономические потери и ущемление интересов немецкого бизнеса, но придерживаться основных принципиальных внешнеполитических линий, важнейшими из которых являются сохранение и упрочение единства внутри ЕС, а также признание территориальной целостности и суверенитета Украины. Политическая элита Германии отказывается воспринимать постсоветское пространство как зону особых интересов или исключительного влияния официальной Москвы. Наконец, в последние годы в Германии и ЕС наблюдается общее снижение интереса к России, к политическому взаимодействию с ней. Немецкая политическая элита сокращает контакты с Кремлем до возможного минимума.

Разочарование и утрата доверия к российскому руководству привели к снижению значимости РФ для немецкой внешней политики. Двумя основными ее тенденциями на российском направлении являются европеизация, встраивание двусторонних отношений в Общую внешнюю политику и политику безопасности ЕС, а также минимизация отношений с Москвой. Ведущие политические силы Германии – ХДС/ХСС и СДПГ – сближают свои позиции по российской повестке. Это объясняется, среди прочего, тем, что и для традиционно дружественных России социал-демократов ее приоритетность и значимость теряется. Данное обстоятельство вызвано как сменой поколений в партии, так и тем, что официальная Москва в последние годы все больше делает ставку на диалог с “Левыми” и АдГ – единственными партиями, готовыми в настоящих условиях идти на политические контакты с Россией.

Тем не менее, ФРГ остается проводником взвешенной линии в отношении РФ. Немецкое руководство всецело поддерживает инициативу о миротворческой миссии в Донбассе, не стремится необоснованно ужесточать санкции против Москвы, а также не ставит под сомнение двустороннее энергетическое сотрудничество.

В настоящее время А. Меркель является одним из самых компетентных и готовых к взаимодействию с Россией политиков не только в немецком, но и в общеевропейском политическом истеблишменте. Ее вероятный уход из политики в 2021 г. окажет негативное влияние на германо-российские отношения.

Основной санкционный пакет ЕС в отношении России может быть отменен в случае реинтеграции Донбасса с Украиной. Однако его отмена не будет означать полного восстановления “докрымского” уровня. Отношения Германии и России отягощены взаимным недоверием, которое постепенно усиливалось после 2011 г., в том числе в связи со шпионскими скандалами и “делом Скрипалей”. Именно о нем говорят немецкие официальные лица и наблюдатели. Сейчас можно уверенно утверждать, что при нахождении у власти действующего президента В. Путина восстановление доверия между Россией и Западом не произойдет. Лимит отягощающих отношения эпизодов давно уже исчерпан. Даже при условии переформатирования политической элиты и возобновления курса на демократизацию и развитие правового государства Россия не сразу сможет рассчитывать на восстановление доверия. Такие форматы отношений, которые обсуждались в 2000-е годы, как, например, четыре общих пространства России и ЕС, немыслимы в ближайшие десятилетия.

По мнению немецкой политической элиты, никто не может демократизировать Россию, кроме нее самой. Поэтому, считают в Германии, “мяч находится на российской половине корта”. То есть действия, ведущие к улучшению отношений, может предпринять только сама РФ. У Запада нет рычагов непосредственного влияния на ситуацию. Никто извне не в силах “привязать Россию к Европе” или, иными словами, содействовать европейскому вектору ее развития. Поэтому наилучшим описанием политики Германии в отношении России будут осторожность, принципиальность, сдержанность и концептуальный вакуум.

#### СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. Hellmann G. Deutschland, Europa und der Osten. *Internationale Politik*, 2007, vol. 62, no. 3, ss. 20-29.
2. Deutschlands Zukunft gestalten. Koalitionsvertrag zwischen CDU, CSU und SPD. 18. Legislaturperiode. *Der Tagesspiegel*, 185 s. Available at: <https://www.tagesspiegel.de/downloads/9134794/3/koalitionsvertrag.pdf> (accessed 01.08.2019).
3. *Ein neuer Aufbruch für Europa. Eine neue Dynamik für Deutschland. Ein neuer Zusammenhalt für unser Land. Koalitionsvertrag zwischen CDU, CSU und SPD. 19. Legislaturperiode.* Available at: <https://www.bundesregierung.de/resource/blob/975226/847984/5b8bc23590d4cb2892b31c987ad672b7/2018-03-14-koalitionsvertrag-data.pdf?download=1> (accessed 02.12.2019).
4. Басов Ф.А. Германия: выход из правительственного кризиса. *Год планеты: ежегодник. Вып. 2018 г.: экономика, политика, безопасность.* Барановский В.Г., Соловьев Э.Г., ред. Москва, Идея-Пресс, 2018, сс. 202-211. [Basov F.A. Germaniya: vykhod iz pravitel'stvennogo krizisa- [Germany: Overcoming the Government Crisis]. *God planety: ezhegodnik. Vyp. 2018 g.: ekonomika, politika, bezopasnost'* [The Year of the Planet. Vol. 2018: economy, politics, security]. Baranovskii V.G., Solov'ev E.G., eds. Moscow, Ideya-Press, 2018, pp. 202-211.]
5. Sprenger S., Gould J. *Merkel nudges China to help save the INF Treaty.* 16.02.2019. Available at: <https://www.defensenews.com/smr/munich-security-conference/2019/02/16/merkel-nudges-china-to-help-save-the-inf-treaty/> (accessed 01.08.2019).
6. *Weissbuch 2016 zur Sicherheitspolitik und zur Zukunft der Bundeswehr.* Available at: <https://www.bmvg.de/resource/blob/13708/015be272f8c0098f1537a491676bfc31/weissbuch2016-barrierefrei-data.pdf> (accessed 01.08.2019).
7. Басов Ф.А. Межрегиональное сотрудничество России и Германии. *Научно-аналитический вестник Института Европы РАН*, 2018, № 6, сс. 146-152 [Basov F.A. Mezhhregional'noe sotrudnichestvo Rossii i Germanii [Relations between regions and cities of Russia and Germany]. *Scientific and Analytical Herald of IE RAS*, 2018, no. 6, pp. 146-152.] Available at: <http://vestnikieran.instituteofeurope.ru/arkhiv-zhurnala/nauchno-analicheskij-vestnik-ie-ran-6-2018> (accessed 01.08.2019). DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/vestnikieran620184>
8. Басов Ф.А. Германия, Европарламент и политика санкций в отношении России. *Мировая экономика и международные отношения*, 2016, т. 60, № 12, сс. 62-68. [Basov F.A. Germaniya, Evroparlament i politika sanktsii v otnoshenii Rossii [Germany, European Parliament and the Sanctions Policy towards Russia]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, 2016, vol. 60, no. 12, pp. 62-68.] DOI: 10.20542/0131-2227-2016-60-12-62-68
9. *Irgendwie links liegen lassen.* Available at: <https://www.sueddeutsche.de/politik/koalitionsdiskussion-bei-der-cdu-irgendwie-links-liegen-lassen-1.4090438> (accessed 01.08.2019).
10. Gabriel bezeichnet Kramp-Karrenbauer als Hitzkopf. *Die Welt*, 02.12.2018. Available at: <https://www.welt.de/politik/deutschland/article184871262/Russland-Sanktionsdebatte-Gabriel-bezeichnet-Kramp-Karrenbauer-als-Hitzkopf.html> (accessed 01.08.2019).
11. *CDU-Chefin AKK im ZDF. „Wir müssen als Europa zusammenhalten“.* 31.03.2019. Available at: <https://www.zdf.de/nachrichten/heute/cdu-chefin-akk-im-zdf-100.html> (accessed 01.08.2019).
12. Wehner M. *Nur keine falschen Signale aus Moskau.* 25.10.2017. Available at: <https://www.faz.net/aktuell/politik/bundespraesident-frank-walter-steinmeier-besucht-russland-15261770.html> (accessed 01.08.2019).
13. Meister S. Die Sackgasse der deutschen Ostpolitik: Wie die Bundesregierung ihre eigene Russland- und Ukrainepolitik torpediert. *Die Deutsche Gesellschaft für Auswärtige Politik e.V. (DGAP)*, 11.02.2019. Available at: [https://www.ssoar.info/ssoar/bitstream/handle/document/61445/ssoar-2019-meister-Die\\_Sackgasse\\_der\\_deutschen\\_Ostpolitik.pdf?sequence=1&isAllowed=y&lnkname=ssoar-2019-meister-Die\\_Sackgasse\\_der\\_deutschen\\_Ostpolitik.pdf](https://www.ssoar.info/ssoar/bitstream/handle/document/61445/ssoar-2019-meister-Die_Sackgasse_der_deutschen_Ostpolitik.pdf?sequence=1&isAllowed=y&lnkname=ssoar-2019-meister-Die_Sackgasse_der_deutschen_Ostpolitik.pdf) (accessed 01.08.2019).

## CONCEPTUAL VACUUM: RUSSIAN DIRECTION IN THE FOREIGN POLICY OF THE A. MERKEL'S FOURTH CABINET

(Analysis and Forecasting. IMEMO Journal, 2019, no. 2, pp.)

Received 26.08.2019.

Fedor A. BASOV ([fabasov2@mail.ru](mailto:fabasov2@mail.ru)),

Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences (IMEMO), 23, Profsoyuznaya Str., Moscow 117997, Russian Federation.

*Acknowledgements.* The article was prepared at IMEMO within the project of the Russian Foundation for Basic Research No 18-011-00464 "Germany's Changing Role in the European Union Integration and Transatlantic Processes. The Challenges for Russia".

This article is devoted to the policy of the A. Merkel's government towards Russia. Fundamental changes in German policy towards Russia took place in 2011 and 2014, but some recent developments determine new characteristics of the policy towards Russia of the A. Merkel's fourth government. These developments include: the change of the government staff in 2018, the problems associated with the implementation of the "Nord Stream 2" gas pipeline project and the crisis of the INF Treaty. In recent years Germany's policy toward Russia and all of Eastern Europe has been lacking a positive strategy and has been in a state of conceptual vacuum. Different interest groups from Germany and abroad are trying to influence the German Federal government. That is why German policy towards the Post-Soviet space is very restrained and cautious, therefore allowing to maintain the unity of the EU's foreign policy towards the East, which is a top priority for Berlin. As for the main issues of policy towards the Post-Soviet space, the fourth A. Merkel's cabinet has continuity with the third cabinet of the Chancellor (2013–2017), but the potential of the so-called "friends of Russia" in the German leadership is decreasing. Moreover, now A. Merkel is one of the most competent and willing to interact with Russia politicians not only in the German, but also in the all-European political establishment. Her possible departure from politics in 2021 will have a negative impact on German-Russian relations. Also in recent years in Germany and the EU there has been a decline in terms of interest in Russia and in political interaction with it. The German establishment reduces contacts with Moscow to the required minimum. According to the German political elite, no one can democratize Russia except itself. Therefore, "the ball is in Russia's court now".

*Key words:* Germany, Russia, A. Merkel, F.-W. Steinmeier, H. Maas, Annegret Kramp-Karrenbauer, AKK, German-Russian relations, "Nord Stream - 2", INF Treaty, sanctions, Eastern Europe.

*About the author:*

Fedor A. BASOV, Cand. Sci. (Politics), Senior Researcher, Sector of Political Aspects of European Integration, Department of European Political Studies.

**DOI:**10.20542/afj-2019-1-59-69

## НОВОЕ ВО ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИХ ОРИЕНТИРАХ ВЕДУЩИХ ПАРТИЙ ФРГ

© 2019 г. М. ХОРОЛЬСКАЯ

ХОРОЛЬСКАЯ Мария Витальевна, кандидат политических наук, младший научный сотрудник Сектора политических проблем европейской интеграции Отдела европейских политических исследований.

Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН, РФ, 117997 Москва, Профсоюзная, 23 ([khorolskaja.marya@yandex.ru](mailto:khrolskaja.marya@yandex.ru)).

Статья подготовлена в рамках проекта РФФИ № 18-011-00464А "Меняющаяся роль Германии в евроинтеграционных и трансатлантических процессах. Вызовы для России".

Хорольская М.В. Новое во внешнеполитических ориентирах ведущих партий ФРГ. *Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН*, 2019, № 1, сс. 70-85. DOI: 10.20542/afj-2019-1-70-85.

**DOI:** 10.20542/afj-2019-1-70-85

**УДК:** (430): 327+327.7+329+329.8

Статья поступила в редакцию 17.07.2019.

Статья посвящена изменению внешнеполитических ориентиров Германии в современный кризисный период. Автор анализирует взгляды немецких партий, играющих ключевую роль в политической системе ФРГ, на будущее развитие Европейского союза, взаимодействие с США и Россией. Обращение к позициям партий позволяет не только понять специфику политических дискуссий в Германии, в том числе по вопросам отношений с Российской Федерацией и политики антироссийских санкций, но и дать прогноз относительно того, насколько изменчивым может быть внешнеполитический курс ФРГ в случае прихода новой правительственной коалиции.

**Ключевые слова:** ФРГ, внешняя политика Германии, Европейский союз, США, Россия, ХДС/ХСС, СДПГ, СвДП, "Союз 90/Зеленые", "Левые", "Альтернатива для Германии".

Вызовы современного мира поставили страны Европейского союза (ЕС) перед необходимостью внести коррективы в свою внешнюю политику. Череда кризисов, с которыми столкнулся Евросоюз, привела к усилению дискуссий о будущем векторе его развития. Избрание президентом США Д. Трампа повлекло за собой похолодание в евроатлантическом сообществе. Украинский кризис серьезно осложнил отношения между Россией и Европейским союзом. В связи с этим представляется важным проанализировать внешнеполитические ориентиры ФРГ как наиболее экономически сильной страны Европы, неформального лидера ЕС.

Современная Германия – это партийная демократия. В немецких реалиях именно позиции политических партий являются наиболее важными в деле формирования национального дискурса на какую-либо тему. В данной статье будут рассмотрены позиции основных немецких партий, представленных в Бундестаге – Христианско-демократический союз/Христианско-социальный союз (ХДС/ХСС), Социал-демократическая партия Германии (СДПГ), Свободная демократическая партия (СвДП), "Союз 90/Зеленые", Левая партия и "Альтернатива для Германии" (АдГ), по важнейшим внешнеполитическим вопросам: будущему развитию Европейского союза, отношениям Германии и ЕС с США и Россией.

В исследовании автор использовала материалы своих глубинных интервью с представителями ведущих политических партий Германии.

## ХРИСТИАНСКО-ДЕМОКРАТИЧЕСКИЙ СОЮЗ/ ХРИСТИАНСКО-СОЦИАЛЬНЫЙ СОЮЗ

Правоцентристский блок ХДС/ХСС не стремится к глубоким изменениям в Европейском союзе. В политической сфере его требования ограничиваются усилением роли Европейского парламента и поддержкой принципа ведущих кандидатов (*нем. Spitzenkandidat*) на парламентских выборах. Это, безусловно, выгодно для ХДС/ХСС, входящих в получающую с 2004 г. наилучший результат на выборах в Европарламент Европейскую народную партию (ЕНП). Интеграция в военной сфере поддерживается партиями, однако при этом подчеркивается приверженность Германии блоку НАТО.

Экономические реформы, по мнению ХДС/ХСС, должны быть направлены на минимизацию угроз кризиса – предполагается усиление контроля над соблюдением норм Пакта стабильности и роста и Фискального пакта, создание Европейского валютного фонда, движение в сторону банковского союза в ЕС [1]. Переход к социальному союзу консерваторы отвергают.

Блок партий подчеркивает, что для них объединенная Европа является, в том числе, союзом на основе ценностей. Соответственно, ХДС/ХСС выступают за контроль независимого экспертного совета над государствами – членами ЕС на предмет соответствия принципам свободы и верховенства права и поддерживают возможность применения санкций к стране-нарушителю.

Партии выступают за создание единой системы приема беженцев в ЕС. Риторика консерваторов значительно ужесточилась по сравнению с позицией, высказанной в разгар миграционного кризиса А. Меркель, занимавшей ранее пост председателя ХДС. Партии поддерживают функционирование европейских транзитных центров и создание центров регистрации беженцев в Северной Африке, усиление пограничного агентства *FRONTEX*, одной из задач которого должно стать предотвращение “беспрепятственного перемещения нелегальных мигрантов”, а также сохранение внутреннего пограничного контроля до тех пор, пока защита внешних границ ЕС не может быть полностью гарантирована [1]. ХДС/ХСС не только одобряют соглашение с Турцией по беженцам, но и выступают за заключение подобных документов с государствами Африки, Ближнего и Среднего Востока. Эти предложения направлены не только на ужесточение миграционной системы ЕС, но и на привлечение избирателей правого толка, которые перешли к “Альтернативе для Германии” [2, с. 54].

ХДС/ХСС последовательно подчеркивают важность для Германии трансатлантических отношений, наличие у ФРГ и США общих ценностей и фундаментальных общих интересов в области безопасности [3, с. 64]. Однако политика Д. Трампа вызывает резкую критику у блока партий. Американского президента обвиняли в непредсказуемости, что проявилось в выходе США из ряда многосторонних договоренностей (Парижского соглашения по климату, Совместного всеобъемлющего плана действий по иранской ядерной программе) [4]. Электоральной базой ХДС/ХСС являются, в том числе, представители крупного бизнеса, соответственно, резкое недовольство блока партий вызвали протекционистские меры администрации Трампа. Особое беспокойство представляющему Баварию ХСС доставляют угрозы немецкому автомобильному экспорту.

В равной мере блок партий критикует инициативы Трампа, затрагивающие сферу безопасности, в частности, выход США из Договора о ликвидации ракет средней и меньшей дальности (РСМД). При этом представители партии в немалой степени возлагают вину за разрыв договора на Россию, которая, по их словам, развертывает крылатую ракету наземного базирования (9М279) с дальностью выше 500 км. Спикер ХДС по внешнеполитическим вопросам Ю. Хардт критически высказался об отсутствии прозрачности вопросов вооружения в Российской Федерации<sup>1</sup>.

<sup>1</sup> Интервью автора со спикером по вопросам внешней политики фракции ХДС/ХСС в Бундестаге Ю. Хардтом (22.11.2018).

ХДС выступает с резкими оценками внешней политики современной России, осуждая действия Москвы в Украине и Сирии. В ХДС есть силы, ратующие за менее жесткий курс по отношению к РФ, к ним относят, в частности, премьер-министра Саксонии М. Кречмера и премьер-министра Северного Рейна–Вестфалии А. Лашета. Данные позиции объясняются экономическими интересами регионов, в частности, Северный Рейн–Вестфалия в 2017 г. был главным торговым партнером России среди всех федеральных земель [5]. Позиция Кречмера связана также с особым отношением к России на востоке Германии.

В землях бывшей ГДР преобладающая часть опрошенных восточных немцев относилась “с пониманием” к присоединению Россией Крыма, западные же в большинстве оценивали его негативно [6]. В то время как более половины (57%) западных немцев критикуют энергетические связи Германии и России, на востоке подобные опасения разделяют только 45% опрошенных [7, s. 7]. Как показывают опросы общественного мнения *ARD-DeutschlandTREND* за июнь 2018 г. (в разделе *Wirtschaftliche Sanktionen gegen Russland* презентации), 50% восточных немцев считают антироссийские санкции неразумными, а 42% – разумными. В противоположность этому среди западных немцев 64% считают санкции разумными [8]. Однако позиция некоторых лидеров земель не влияет на общий курс христианских демократов, руководство партии подчеркивает приверженность политике санкций до реализации Минска-2.

Сестринская баварская партия ХСС использует по отношению к России более мягкую риторику. Во время выборов в Бундестаг в 2017 г. ХСС выпустил в дополнении к основной предвыборной программе документ “Баварский план”, где была отмечена особая роль Германии в налаживании отношений с РФ, подчеркивалось, что антироссийские санкции не должны продолжаться длительный период, высказывалась идея их отмены в процессе поэтапной реализации Минских соглашений [9, s. 29]. С критикой санкций выступал занимавший пост председателя партии Х. Зеехофер, который также призывал к возвращению России в “Группу семи/восьми”.

Подобная риторика объясняется стремлением партии получить голоса на выборах, заручиться поддержкой представителей бизнеса Баварии. Россия является важным рынком сбыта для таких крупных фирм, как *BMW, Audi, Siemens*, а также для баварских фермеров, пострадавших от введения российских контрсанкций [10, s. 89].

Однако данная предвыборная риторика не означает, что ХСС будет проводить в отношении России политику, отличную от ХДС. Об этом свидетельствует консолидированная позиция фракции ХДС/ХСС в Бундестаге. В программном документе, посвященном отношениям с РФ, Россию обвиняют в создании угрозы восточным границам НАТО, запугивании соседей, продвижении так называемой идеологии Русского мира [11, s. 2]. При этом российские озабоченности и встречные обвинения представлены в документе как беспочвенные, направленные на то, чтобы скрыть внутренние проблемы. Фракция однозначно оценивает Россию как агрессора в украинском конфликте. Программный документ ХДС/ХСС не оставляет вопрос Крыма за скобками, в его тексте подчеркивается, что полуостров принадлежит Украине [11, s. 8]. Фракция утверждает, что отмена санкций возможна только при полной реализации Минских соглашений. Поэтапное снятие санкций блок решительно отклоняет<sup>2</sup>. Партии поддерживают отправку миротворцев ООН на Донбасс как средство для урегулирования конфликта, однако ХДС/ХСС расходятся с Москвой по вопросу размещения миротворческих сил, выступая за дислокацию на всей территории конфликта вплоть до российско-украинской границы.

При этом российскому читателю в меньшей степени известна достаточно жесткая риторика ХДС/ХСС в отношении Украины. В ноябре 2018 г. фракция выпустила позиционный документ “За сильную демократическую и правовую Украину”, в котором отметила признаки усталости от затянувшегося процесса реформ в Украине. В документе в категорической форме также был представлен ряд мер, выполнения которых ХДС/ХСС ожидают от Киева. К ним относились не только борьба с коррупцией, олигархией, монополиями, но и изменение избирательного закона в преддверии выборов в украинский парламент, защита языков

<sup>2</sup> Актуальность данной позиции подтверждена в интервью со спикером по вопросам внешней политики фракции ХДС/ХСС в Бундестаге Ю. Хардтом.

этнических меньшинств, расследование гибели людей на Майдане и в Доме профсоюзов в Одессе [12, s. 2-8].

Среди возможных сфер взаимодействия России и Европейского союза ХДС/ХСС называют сотрудничество по урегулированию ситуации в Сирии и экономические контакты. Однако значение экономических интересов для урегулирования политических отношений не стоит преувеличивать. Как отметил Ю. Хардт, бизнес понимает политическую ответственность, к тому же экономические контакты затрудняют не столько санкции, сколько внутренние проблемы России: неустойчивость рубля, демографические трудности и другие<sup>3</sup>.

### СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ ГЕРМАНИИ

Социал-демократическая партия Германии, как и консерваторы, выступает за политические изменения в ЕС: за предоставление Европейскому парламенту права законодательной инициативы, переход на парламентских выборах к общеевропейским транснациональным спискам и принципу ведущего кандидата. Принцип единогласия при голосовании в Европейском совете предполагается заменить принципом большинства. Партия требует большей солидарности в вопросе приема беженцев – переход от Дублинской системы к распределению по системе квот.

В связи с идеологическим профилем партии социал-демократы выступают за серьезные социальные изменения: введение общеевропейской минимальной заработной платы (не менее 60% средней заработной платы по стране), гармонизацию систем социального страхования в странах – членах ЕС, создание европейского фонда для финансирования социальных выплат в кризисный период [13]. Партия также поддерживает европейскую интеграцию в сфере Общей внешней политики и политики безопасности ЕС (ОВПБ) и развитие программы Постоянного структурированного сотрудничества по вопросам безопасности и обороны ЕС *PESCO*, которая определяется СДПГ как стремление к укреплению европейской компоненты НАТО. При этом требования американского президента повысить военные расходы до 2% ВВП социал-демократы отвергают.

Одной из важных для социал-демократов тем является разоружение. Партия резко отрицательно оценивает выход Трампа из соглашения по иранской ядерной программе и договора РСМД. По словам спикера СДПГ по внешнеполитическим вопросам Н. Шмида, новый виток гонки ядерных вооружений является совершенно неправильным путем. Как и старший партнер по большой коалиции, СДПГ негативно оценивает “торговую войну” Трампа, а также введение антироссийских санкций без согласования с европейскими союзниками<sup>4</sup>.

Традиционно СДПГ считается более “пророссийской” силой в Бундестаге, чем ХДС/ХСС. В первую очередь это связано с “восточной политикой”, проводимой правительством социал-демократа В. Брандта в 1970-е годы. Однако в настоящий момент представление об особом лояльном отношении СДПГ к России не соответствует действительности.

В партии, безусловно, остаются сторонники возвращения к принципам “восточной политики”. К ним относятся представители старшего поколения, сохраняющие теплые воспоминания о германо-советском и германо-российском сближении, а также стремящиеся с помощью особой российской политики вернуть СДПГ роль “главного переговорщика с Востоком”. В эту группу входит, например, председатель “Германо-российского форума”, бывший премьер-министр земли Бранденбург М. Платцек. Улучшение российско-германских отношений поддерживают лидеры земель, имеющих экономические связи с РФ, к примеру, премьер-министр Нижней Саксонии Ш. Вайль, а также представители восточных земель, в частности М. Швезиг, премьер-министр земли Мекленбург–Передняя Померания.

Внимание восточных земель к РФ связано не только с упомянутыми выше симпатиями восточных немцев к России, но и с экономической целесообразностью [9, s. 91]. Отдельно

<sup>3</sup> Интервью автора со спикером по вопросам внешней политики фракции ХДС/ХСС в Бундестаге Ю. Хардтом (22.11.2018).

<sup>4</sup> Интервью автора со спикером по вопросам внешней политики фракции СДПГ в Бундестаге Н. Шмидтом (16.10.2018).

необходимо отметить, что М. Швезиг является активной сторонницей проекта “Северный поток-2”, что также объясняется интересами Мекленбурга–Передней Померании [14]. Именно в этой земле находится г. Грайфсвальд, который будет конечной точкой нового магистрального газопровода. В этом же городе будет находиться начальная точка отвода от “Северного потока-2” магистрального газопровода *EUGAL*, по которому газ будет доставлен до границы с Чехией [15; 16, с. 26]. Прокладку “Северного потока-2” поддерживает земельный крупный бизнес, как отметил президент объединения предпринимателей Т. Ламбуш: “Газопровод дает работу” [17].

Однако в настоящий момент ведущие посты в правительственных структурах, связанные с внешней политикой или непосредственно российско-германскими отношениями, занимают “реалисты”, отвергающие некий особый подход к России. К ним относятся министр иностранных дел Х. Маас, спикер по внешней политике Н. Шмидт, уполномоченный правительства Германии по России Д. Визе. Жесткий по сравнению с позицией предшественников курс Мааса, несмотря на недовольства членов партии, остался без изменений. Это свидетельствует о том, что сторонники возвращения к наследию канцлера Брандта в настоящий момент теряют влияние [10, с. 91-92].

Изменения во внешнеполитических ориентирах партии связаны как со сменой поколений в партии (для молодых партийцев политика Брандта является историей, а интерес к России падает), так и с изменением международной ситуации. Если ранее “восточная политика”, в том числе двусторонние встречи политиков ФРГ и СССР, были направлены на сближение со всеми странами Варшавского договора, то сейчас Германия учитывает опасения стран Центральной и Восточной Европы (ЦВЕ) относительно того, что Берлин будет налаживать двусторонние отношения с Москвой, не учитывая их позиции<sup>5</sup>.

Компромиссом между сторонниками мягкого и жесткого курса стал выпущенный 9 октября 2018 г. программный документ СДПГ “Диалог – доверие – безопасность”<sup>6</sup>. С одной стороны, он позволил социал-демократам подчеркнуть важность отношений с Россией. С другой стороны, в документе отмечается учет позиций восточных соседей Германии, стремление ФРГ к европейско-российским (ЕС–РФ), а не двусторонним отношениям [18, с. 5].

Оценивая существующий в настоящий момент кризис в отношениях Запада с Россией, партия признает право на существование российских опасений расширения НАТО на Восток. Однако сами социал-демократы критически оценивают политику Москвы, направленную на страны постсоветского пространства как на “зону влияния”. СДПГ осуждает присоединение Россией Крыма и конфликт на востоке Украины и связывает отмену антироссийских санкций только с выполнением условий Минска-2. Однако, в отличие от ХДС/ХСС, социал-демократы говорят о возможности поэтапного ослабления санкций при условии прогресса в реализации Минских соглашений [19]. Партия является активным сторонником отправки миротворческой миссии с мандатом ООН на Донбасс для урегулирования украинского конфликта, но выступает против предложения российского президента разместить миротворческие силы только на линии разграничения конфликта. Проблема Крыма выносится СДПГ за скобки.

В политической сфере для социал-демократов во взаимодействии с Россией имеют приоритет вопросы, связанные с безопасностью. Партия поддерживает сотрудничество Евросоюза с Россией в вопросах разоружения, урегулирования ситуации на Ближнем Востоке и в Афганистане, борьбы с международным терроризмом, решения миграционной проблемы и проблемы изменения климата, ожидает от Москвы воздействия на сирийского президента Б. Асада. В качестве двусторонних мер социал-демократы предлагают интенсифицировать контакты и повысить прозрачность военных решений в рамках Совета НАТО–Россия и “нормандского формата”. СДПГ выступает за развитие контактов гражданского общества и научных кругов, студенческих обменов, поддерживает облегчение визового режима для российской молодежи.

<sup>5</sup> Интервью автора с сопредседателем группы “Русскоязычные социал-демократы” в СДПГ политологом Д. Стратиевским (23.11.2018).

<sup>6</sup> Как отметил в интервью автору Д. Стратиевский, отсутствие какого-либо внимания к новому документу социал-демократов свидетельствует о том, что отношения с Россией теряют свое значение для Германии.

Попыткой поиска новой концепции совместного партнерства России и стран ЕС является высказанная социал-демократами идея сотрудничества на уровне международных объединений – Евразийского экономического союза (ЕАЭС) и ЕС, а также Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ) и НАТО под эгидой Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ). Помимо возможных экономических выгод, сотрудничество на уровне региональных международных организаций, в том числе, призвано “удовлетворить потребность России в разговоре на равных” [18, s. 6]. Пожелание о взаимодействии на уровне региональных интеграционных объединений высказывалось ранее Москвой, однако, по мнению ряда экспертов, ЕС не воспринимал ЕАЭС как серьезный проект и стремился вести переговоры с международной организацией через Российскую Федерацию [20, с. 36-37]. Соответственно, идея социал-демократов является определенным новаторством и представляет для России значительный интерес. Как отмечается некоторыми исследователями, взаимодействие на региональном уровне могло бы не только способствовать экономической модернизации стран ЕАЭС, но и помогло бы преодолению кризиса в отношениях России и Запада [21, с. 133]. Тем не менее представляется, что предложение СДПГ не является проработанной концепцией и относится к категории пожеланий.

Таким образом, в основном позиция СДПГ по отношению к России близка позиции партнера по большой коалиции, однако, по словам спикера партии Н. Шмидта, социал-демократы активнее выступают за диалог с Россией и больше инвестируют в возможность диалога<sup>7</sup>. Заместитель директора Берлинского центра изучения Восточной Европы, сопредседатель группы “Русскоязычные социал-демократы” в СДПГ Д. Стратиевский отметил, что, несмотря на близость установок партнеров по большой коалиции, социал-демократов в отношениях с Москвой отличает большая степень прагматизма, готовность сотрудничать в тех сферах, где это возможно, не ожидая значительных изменений или демократизации политической системы России в ближайшее время<sup>8</sup>.

Соответственно, можно заключить, что СДПГ отказывается от идеалов “восточной политики”, в том числе и от принципа “изменение через сближение”, напротив, партия подчеркивает, что не стремится менять Россию (без ее желания). Москва для наиболее влиятельной части СДПГ стала партнером, с которым можно вести диалог в ряде областей, но который разделяет иные ценности во внешней политике [18, s. 6].

## СВОБОДНАЯ ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ

Свободная демократическая партия поддерживает ряд реформ политической системы Европейского союза. Как и значительная часть немецких партий, свободные демократы выступают за усиление роли Европейского парламента и переход к принципу большинства при голосовании в Европейском совете. СвДП подчеркивает необходимость углубления европейской интеграции в сфере ОВПБ. Так, партия выступает за укрепление позиций Верховного представителя Евросоюза по иностранным делам и политике безопасности и в будущем трансформацию этой должности в пост “министра иностранных дел ЕС”.

Экономические требования СвДП заключаются в ужесточении контроля над соблюдением норм ЕС: предполагается применять санкции к государствам, допустившим сверхнормативный дефицит бюджета. Предотвращению кризисов, по мнению свободных демократов, также должно служить создание европейского валютно-экономического фонда.

Движение ЕС к социальному союзу, введение единой системы социального обеспечения СвДП последовательно отвергает, утверждая, что социальная система и политика на рынке труда должны оставаться сферой ответственности государства [22]. Партия выступает за создание нового единого европейского закона об убежище, беженцах и иммиграции, согласно которому должна вводиться система квот, рассчитывающихся на основании численности

<sup>7</sup> Интервью автора со спикером по вопросам внешней политики фракции СДПГ в Бундестаге Н. Шмидтом (16.10.2018).

<sup>8</sup> Интервью автора с сопредседателем группы “Русскоязычные социал-демократы” в СДПГ политологом Д. Стратиевским (23.11.2018).

населения и экономической мощи страны [22, s. 126]. Однако свободные демократы уделяют большее внимание не проблемам беженцев, а экономической иммиграции, привлечению в Германию квалифицированной рабочей силы.

Программа *PESCO* и движение к созданию общеевропейской армии также пользуется поддержкой свободных демократов. Однако основным гарантом безопасности для партии остается НАТО. В отличие от других политических сил свободные демократы не только поддерживают повышение военных расходов до требуемых 2%, но и выступают за достижение 3% [22]. СвДП отвергает критику Москвой расширения НАТО на Восток, пишет о возможности размещения ограниченного военного контингента в государствах ЦВЕ, чтобы снизить страхи этих стран перед российским военным вторжением.

СвДП традиционно считается лояльной к США силой. Свободные демократы подчеркивают, что трансатлантические отношения являются основой внешней политики Германии [22]. При этом, по их мнению, действия Д. Трампа проверяют партнерство ФРГ и США на прочность. СвДП резко критиковала сообщения о выходе США как из соглашения по иранской ядерной программе, так и из РСМД. Особое возмущение у свободных демократов, традиционно выступающих за снижение роли государства и экономическую свободу, вызвала "торговая война" и заморозка переговоров по созданию Трансатлантического торгового и инвестиционного партнерства ЕС и США (ТТИП). Партия выступает за возобновление последних.

При этом СвДП подчеркивает, что законная критика политики нынешней администрации США не должна служить поводом для антиамериканизма. Свободные демократы поддерживают интенсификацию экономических контактов (за счет упрощения визового режима), академических обменов, введение регулярных межпарламентских и межправительственных консультации с США на уровне министров [22].

Ранее аналитики отмечали, что политика в отношении России не находится в фокусе внимания свободных демократов: основной электорат партии составляют средние и мелкие предприниматели, представители свободных профессий, которые не имеют серьезных связей с РФ. В целом партия считалась критически настроенной к Москве [23, с. 58]. Это проявилось в начале украинского кризиса, когда свободные демократы выступили с требованием к российскому правительству остановить аннексию Крыма, вывести с территории Украины российское оружие, прекратить угрозы в отношении бывших советских республик. Партия поддерживала непризнание странами ЕС присоединения Крыма к России, а также сохранение режима антироссийских санкций и исключение РФ из "Группы восьми" до прекращения необъявленной войны на востоке Украины [24].

Однако в преддверии выборов в Бундестаг 2017 г. в риторике СвДП наметились изменения. Наибольший резонанс вызвал призыв лидера партии К. Линднера на время заморозить вопрос о принадлежности Крыма, так как он мешает прогрессу в урегулировании украинского кризиса и не позволяет сосредоточиться на вопросах, которые реально решить [25]. Несмотря на серьезные резонанс и критику, вызванные данным выступлением, "революционность" предложения председателя СвДП заключалась лишь в том, что он озвучил принцип, которым руководствовались представители партий большой коалиции, негласно оставляя проблему Крыма за скобками.

Представляется, что призывы к смягчению отношений с Россией связаны, в том числе, со стремлением СвДП перенять у социал-демократов роль переговорщиков с Востоком. Не случайно эта риторика усилилась в 2017 г., в преддверии выборов в Бундестаг, когда обсуждалось вероятное формирование "черно-желто-зеленой" коалиции, в которой лидер свободных демократов планировал занять пост министра иностранных дел. Если социал-демократы стремятся пересмотреть понятие "восточной политики", отказываются от принципа "изменение через сближение", то ведущие представители СвДП все чаще ссылаются на этот концепт в своих выступлениях. СвДП связывает свои традиции "восточной политики" с министром иностранных дел ФРГ в период воссоединения Германии свободным демократом Г.-Д. Геншером. Впоследствии в партии усилились голоса сторонников изменения политики антироссийских санкций. В частности, тюрингское земельное отделение СвДП выступило с утверждением, что нынешняя санкционная политика Евросоюза и Запада в отношении

России доказала свою неэффективность, соответственно, от нее необходимо отказаться [26]. Сторонником пересмотра политики санкций является и вице-президент СвДП В. Кубицки, также активно лоббирующий проект “Северного потока-2”. Однако данные призывы не разделяет руководство партии, поддерживающее сохранение санкций до реализации Россией Минских соглашений. Одновременно в соответствии с принципами “восточной политики” СвДП выступает за сочетание давления и интенсификации диалога с Москвой, призывая вернуть Россию в “Большую восьмерку” в формате G7+1. Партия также выступает за сотрудничество с Москвой для сохранения иранского соглашения и оказания влияния на Б. Асада, с тем чтобы убедить последнего остановить насилие в Сирии [27].

Как и партии правящей коалиции, СвДП для урегулирования украинского кризиса поддерживает размещение на всей территории конфликта в Донбассе миротворческих сил ООН, которым должен быть предоставлен широкий мандат [28].

### “СОЮЗ 90/ЗЕЛЕННЫЕ”

“Союз 90/Зеленые” в связи с большим вниманием общества к проблемам экологии, а также по причине кризиса, охватившего социал-демократов, становятся одной из наиболее влиятельных немецких партий. В Германии “Зеленые” заняли второе место на выборах в Европейский парламент в 2019 г., а на федеральном уровне, по некоторым опросам общественного мнения, обрели лидирующие позиции, обогнав ХДС/ХСС [29].

Партия уделяет повышенное внимание углублению евроинтеграции. В связи с экологическим профилем на первое место в своей программе “Зеленые” ставят мероприятия, направленные на защиту окружающей среды и борьбу с изменением климата на европейском уровне. В частности, партия призывает все страны – члены ЕС отказаться от угольной и атомной энергетики. Однако партия не ограничивается экологией и предлагает широкий спектр реформ в различных областях. В качестве необходимых политических мер называется повышение роли Европейского парламента, предоставление ему возможности принимать решения наравне с Европейским советом во всех областях и права законодательной инициативы. В среднесрочной перспективе Европейский совет должен стать второй палатой парламента [30, s. 86]. На выборах в Европарламент “Зеленые” поддерживают принцип “ведущего кандидата”. Для того чтобы нейтрализовать возможность повлиять на весь ЕС через одну страну, партия выступает за принцип большинства при голосовании в Европейском совете. Европейская военная интеграция (программа PESCO) пользуется поддержкой “Союза 90/Зеленых”.

Предлагаемые партией финансово-экономические реформы призваны снизить риски кризисов для Евросоюза. В частности, предлагается создать отдельный бюджет для зоны евро и увеличить общий бюджет ЕС, чтобы использовать эти средства для предотвращения кризисных ситуаций. Важнейшей задачей для Германии и других государств – членов ЕС, по мнению “Зеленых”, является борьба с уклонением от уплаты налогов. Одним из средств для этого представляется введение минимальной налоговой ставки для корпораций.

Партия также выступает за движение к социальному союзу ЕС – введение минимальных социальных стандартов для каждой страны, адаптированных к соответствующей экономической ситуации [30, s. 72].

Одним из важнейших положений “Зеленых” является необходимость эффективно защищать права человека и европейские ценности. Для этого “Союз 90/Зеленые” предлагает ограничивать финансирование стран – членов ЕС, чьи правительства действуют вразрез с демократическими принципами [29]. Партия поддерживает право каждого человека на получение убежища и, соответственно, выступает за помощь беженцам. Вместо Дублинской системы предполагается разработать новую справедливую систему распределения беженцев в Евросоюзе. Соглашение с Турцией по вопросу приема беженцев, по мнению “Союза 90/Зеленых”, необходимо расторгнуть. Однако, в отличие радикальных левых партий, “Зеленые” отмечают необходимость гуманного контроля на внешней границе и высылки людей, у которых нет оснований для получения убежища.

Трансатлантические отношения традиционно менее важны для “Союза 90/Зеленых”, хотя после усиления в партии так называемых реалистов “Зеленые” отошли от критики США и членства Германии в НАТО (но по-прежнему отвергают повышение военных расходов Германии до 2% ВВП). Однако риторика и политика американского президента Д. Трампа вызывает резкие протесты партии. В частности, критикуются разрыв соглашения по иранской ядерной программе и заявление о выходе из РСМД. В ответ на последнее депутат от партии А. Бэрбок призвала к выводу с территории ФРГ американского ядерного оружия [31].

Болезненным для экологической партии стал выход США из Парижского соглашения по климату. При этом заморозка переговоров по Трансатлантическому торговому и инвестиционному партнерству не противоречит взглядам “Союза 90/Зеленые”. Партия и ранее требовала остановить переговоры по ТТИП, обвиняя проект в том, что он еще больше увеличит несправедливость в мире, угрожает честной конкуренции и окружающей среде [32]. Не вызывает протестов и осуждение Трампом “Северного потока-2”, так как “Зеленые” являются наибольшими критиками строительства газопровода среди политических партий, представленных в Бундестаге.

В ответ на действия Трампа партия призывает интенсифицировать взаимодействие с представителями американских штатов, гражданским обществом, подчеркивая, что США – это нечто большее, чем американский президент.

“Союз 90/Зеленые” представляют собой наиболее резких критиков России в Бундестаге. Россию критикуют за отсутствие демократии, нарушение прав человека, политику на востоке Украины и в Сирии. В избирательной программе Россия названа в числе прочих вызовов безопасности [33, s. 66, 75].

Основным способом противодействовать российской угрозе “Зеленые” считают санкции. Их пошаговую отмену “Союз 90/Зеленые” резко отвергают. Более того, спикер партии по вопросам политики в отношении Восточной Европы М. Саррацин в своем выступлении, посвященном пятилетию присоединения Крыма Россией, связал отмену санкций не только с имплементацией Минских соглашений, но и с возвращением полуострова Украине [34]. Партия поддерживает размещение международной миссии ООН в Донбассе на всей территории конфликта, в особенности на российско-украинской границе.

К настоящему моменту сферой соприкосновения для России и “Зеленых” является проблема разоружения. Как партия с пацифистскими корнями “Союз 90/Зеленые” утверждает, что контроль над вооружениями и совместное разоружение являются ключом к безопасности и миру в Европе. “Зеленые” поддерживают возобновление ДОВСЕ и сохранение РСМД.

## ЛЕВАЯ ПАРТИЯ

Левая партия поддерживает евроинтеграцию, однако выступает за серьезную реформу институтов ЕС. Во-первых, “Левые” требуют отказаться от основополагающих договоров, Маастрихтского и Лиссабонского, по их словам, привнесших в Европу неолиберализм, и принять новую Европейскую Конституцию. Во-вторых, они выступают за реформу политических институтов ЕС: усиление влияния Европейского парламента, предоставление ему законодательной инициативы, наделение его правом выбирать Европейскую комиссию и ее председателя, контролировать Европейский центральный банк (ЕЦБ), единоличными бюджетными полномочиями [35, s. 105; 36, s. 44]. Одним из требований также является расширение практики проведения общеевропейских референдумов.

Партия выступает за пересмотр “неолиберальной основы” экономики ЕС и переход к более справедливой системе распределения. Левые отвергают возможное заключение договоров по типу ТТИП, поддерживают гармонизацию налоговых систем государств-членов, а также введение налога на финансовые трансакции.

Левая партия требует углубить интеграцию в социальной сфере, установить общеевропейскую минимальную заработную плату (более 60% среднего заработка в стране)

и минимальную пенсию, создать в ЕС фонд солидарности, средства из которого будут поддерживать систему социальной защиты в стране-участнице в период кризисов. В качестве желательных мер "Левые" также называют выравнивание уровня жизни в регионах.

"Левые" стремятся повернуть вспять процесс интеграции в военной сфере. Как партия с сильными пацифистскими идеями, они требуют ограничения экспорта вооружений, роспуска Европейского оборонного агентства и боевых групп ЕС, прекращения действия программы PESCO.

Партия также выступает за изменение общей иммиграционной политики ЕС – предоставление беженцам возможности безопасно достичь территории Евросоюза, права выбирать страну проживания, расширение права на убежище. Особое внимание также уделяется экологической проблематике и помощи странам глобального Юга [36].

"Левые" традиционно сохраняют наиболее критическую к политике США позицию в Бундестаге, а также требуют выхода Германии из Североатлантического альянса. В настоящее время они критикуют деятельность Д. Трампа, однако выступают за усиленные контакты с левым гражданским обществом США, сохранение культурных связей, высоко оценивают деятельность Б. Сандерса, независимого политика с левыми взглядами, примыкающего к Демократической партии<sup>9</sup>.

Левую партию традиционно относят к пророссийским, однако в партии, принципиально отказавшейся от единой жесткой линии своей предшественницы – восточногерманской СЕПГ, сосуществуют различные группы с различными внешнеполитическими взглядами. К сторонникам современной российской политики можно отнести "традиционалистское" крыло, возглавляемое С. Вагенкнехт. "Умеренное" крыло партии (например, К. Киппинг) и радикальные левые занимают более критическую по отношению к российской внутренней и внешней политике позицию. Однако для всех "Левых" общим является то, что, даже критикуя действия Москвы, они расценивают их как ответ на агрессивные меры Запада<sup>10</sup>.

Соответственно, Левая партия считает причиной украинского кризиса предложение ЕС Украине об ассоциации, поставившее Киев перед выбором: или Россия, или Европа. Среди мер, спровоцировавших болезненную реакцию Москвы, партия называет также расширение НАТО на Восток. В отличие от других немецких партий, они видят в конфликте в Донбассе не только активные действия России, но и позицию восточных регионов Украины, употребляют понятие "гражданская война". Партия практически не уделяет внимание проблеме Крыма, но в одном из выступлений председатель фракции "Левых" в Бундестаге Д. Барч назвал действия Москвы "противоречащими международному праву" [37].

"Левые" поддерживают отмену антироссийских санкций, называя их контрпродуктивными. Партия не выступала с предложением отправить на восток Украины миротворческие силы, что объясняется пацифистскими идеями, лежащими в ее основе. Однако, как отметил руководитель отдела международной политикиевой партии О. Шредер, в случае мандата ООН "Левые" не будут выступать против<sup>11</sup>. Для большего сближения с Россией "Левые" выступают за облегчение визового режима. Партия критикует объявление Трампа о выходе из РСМД, а также санкции США, направленные против России, в том числе американские протесты относительно строительства "Северного потока-2". Этот проект значительная часть партии поддерживает.

Несмотря на то, что возможность участияевой партии в правящей коалиции на федеральном уровне представляется маловероятной, Левые участвуют в земельных коалициях (в Тюрингии представитель партии Б. Рамелов является премьер-министром), а также пользуются поддержкой части немецкого интеллектуального и творческого сообщества. Соответственно, хорошие отношения севой партией, стремящейся понимать Россию, помогают донести российскую позицию до интеллектуальных и политических кругов ФРГ.

9 Интервью автора с руководителем отдела международной политикиевой партии О. Шредером (11.10.2018).

10 Интервью автора с руководителем отдела международной политикиевой партии О. Шредером (11.10.2018).

11 Интервью автора с руководителем отдела международной политикиевой партии О. Шредером (11.10.2018).

### “АЛЬТЕРНАТИВА ДЛЯ ГЕРМАНИИ”

“Альтернатива для Германии” создавалась в 2013 г. как партия евроскептиков, соответственно, критика евроинтеграции является основной темой ее внешнеполитической повестки. Она выступает за возвращение к так называемой Европе наций, европейского сообщества суверенных государств, которые сотрудничают только в выгодных для них вопросах, в частности, сохраняют единый внутренний рынок [38, s. 7]. К политическим требованиям партии относятся радикальный пересмотр договоров ЕС, роспуск Европейского парламента, снижение полномочий Европейского суда, отказ от ОВПБ и программы *PESCO*. Переход от принципа единогласия к принципу квалифицированного большинства при голосовании в ЕС “Альтернатива для Германии” решительно отвергает, так как видит в данной реформе угрозу национальному суверенитету [38, s. 11]. В финансово-экономической сфере АдГ требует возвращения к национальным валютам (возможно, при параллельном сохранении евро), сокращения общего бюджета ЕС, а также выступает против банковского союза и “диктата” ЕЦБ. Движение в направлении социального союза ЕС партия отвергает. АдГ также скептически относится к информации об изменении климата и вступает против экологических мер (переход к возобновляемой энергии, развитие электромобилей и др.).

Партия уделяет особое внимание критике миграционной политики Европейского союза. АдГ отвергает какие-либо квоты по приему беженцев, призывает высылать мигрантов из ФРГ, усилить контроль на немецкой границе. Шенгенское соглашение, по мнению партии, в нынешнем его виде представляет угрозу для безопасности европейцев. Данная риторика связана с тем, что АдГ получила сильную поддержку на волне выступлений против приема беженцев. В настоящий момент пик миграционного кризиса преодолен, соответственно снижается уровень беспокойства в обществе. В связи с этим “Альтернатива для Германии” нагнетает антимигрантские настроения, провоцирует страхи и ксенофобию, чтобы сохранить часть электората. В своей предвыборной программе на выборах в Европейский парламент партия обвиняла мигрантов в криминализации Германии, распространении болезней, социальной нагрузке. Ислам открыто называется опасностью для Европы [38, s. 51-52].

“Альтернатива для Германии” уделяет меньшее внимание трансатлантическим связям. Воздерживаясь от каких-либо конкретных заявлений, она лишь отмечает важность для ФРГ и Европы хороших отношений с США. В отличие от других партий АдГ не подвергает Д. Трампа жесткой критике. Тем более, что ряд резких высказываний американского президента весьма близок риторике “Альтернативы”.

АдГ также называют пророссийской партией, что связано с ее призывами к улучшению отношений с РФ и отмене антироссийских санкций. “Альтернатива для Германии” не критикует роль Москвы в украинском кризисе, более того, заместитель председателя партии А. Гауланд заявил, что Крым принадлежит России [39]. Партия поддерживает углубление экономических связей с Москвой, в том числе прокладку “Северного потока-2”, однако в своих выступлениях АдГ учитывает и требования Вашингтона, поддерживая строительство в Германии терминала для приема сжиженного природного газа из США.

При этом представляется, что контакты с АдГ невыгодны для России. Несмотря на то, что партия как бы стремится поддерживать Москву в украинском кризисе, у нее отсутствуют реальные предложения по его урегулированию. “Альтернатива для Германии” является популистской силой, в которой вдобавок ведется борьба за власть, соответственно, ее позиция может значительно меняться в зависимости от конъюнктуры. Уже сейчас представители партии выступали с некоторыми заявлениями, противоречащими позиции и интересам России. В частности, необходимо вспомнить призывы А. Гауланда гордиться подвигами вермахта и прекратить переосмысление нацистского прошлого [40], а также запросы фракции АдГ в Бундестаге относительно того, какие меры предприняло правительство ФРГ, чтобы вернуть из России, Польши, бывших советских республик немецкие культурные ценности, утраченные по итогам Второй мировой войны [41].

Взаимодействие с “Альтернативой для Германии” также способствует дискредитации образа России в ФРГ, дает возможность обвинить Москву в попытках влиять на Берлин, дестабилизировать ЕС (об этом свидетельствовал скандал с гипотетическими связями

кандидата в Бундестаг от АдГ М. Фронмайера с российским правительством). Нельзя забывать, что "Альтернатива для Германии", порой употребляющая праворадикальную риторику, подвергается резкой критике остальными политическими партиями, отвергающими возможность создания с ней коалиции, значительной частью населения и интеллектуальным сообществом, соответственно, взаимодействие с ее представителями также может привести к формированию отрицательных представлений о России и ухудшить отношения с носителями левых настроений, которые, как отмечалось выше, способствуют распространению российской позиции в Германии.

\*\*\*

Подводя итоги, отметим следующее. В основополагающих вопросах внешней политики позиции лево- и правоцентристских партий близки, что свидетельствует о стабильности немецкого внешнеполитического курса даже в случае прихода новой правящей коалиции. Возможность участия в коалиции на федеральном уровне Левой партии представляется маловероятной, а "Альтернативы для Германии" – невероятной.

Ведущие немецкие политические партии, за исключением АдГ, поддерживают углубление европейской интеграции. Однако, если политические преобразования (повышение роли Европейского парламента, система "ведущего кандидата" при выборах в Европарламент, развитие ОВПБ и программы *PESCO*, реформа Дублинской системы, отчасти переход к принципу большинства при голосовании в Европейском совете) пользуются общей поддержкой центристских партий, то в социально-экономических вопросах сохраняются расхождения. Левоцентристы ("Союз 90/Зеленые", СДПГ), а также Левая партия поддерживают переход к единой социальной системе ЕС, правоцентристы решительно это отвергают, но выступают за меры, направленные на предотвращение кризисов: ужесточение контроля над соблюдением норм Пакта стабильности и роста, создание европейского валютного фонда. Левая партия выступает с достаточно маргинальной концепцией отказа от основополагающих договоров ЕС.

Практически все немецкие партии критикуют политику Д. Трампа, но при этом отмечают важность трансатлантических связей для ФРГ. Даже традиционно антиамериканская Левая партия выступает за углубление связей с левыми силами США.

В отношении России у ведущих немецких партий наблюдается близость позиций. Только находящиеся на краях политического спектра АдГ и Левая партия выступают за отмену санкций. Вместе с тем сторонники улучшения отношений с Москвой и отмены санкций есть и внутри как право-, так и левоцентристских сил Германии. При этом основной раздел проходит не по партийной линии, а по принадлежности к федеральным землям и отчасти возрастному признаку (более пророссийские взгляды у представителей востока Германии, земель, имеющих сильные экономические контакты с Россией, "старшего поколения" политиков). Интересно, что в то время как руководство СДПГ отходит от традиций "восточной политики", данная риторика проскальзывает у СвДП.

Соответственно, Москве не стоит ожидать серьезных изменений немецкой политики на российском направлении, так как в руководстве ведущих партий наблюдается консенсус по данному вопросу. Подвижки возможны только в вопросах облегчения визового режима или сотрудничества в культурной сфере. Однако наличие в каждой партии более пророссийских групп показывает, что взаимодействие с немецкими партиями возможно и необходимо. Что же касается сил, находящихся на краях партийного спектра, то, как представляется, хорошие отношения с Левой партией значимы для России, в то время как контакты с АдГ могут дискредитировать страну.

## СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. *Wahlprogramm CDU/CSU. Unser Europa macht stark. Für Sicherheit, Frieden und Wohlstand. Gemeinsames Europawahlprogramm von CDU und CSU. Landeszentrale für politische Bildung Baden-Württemberg.* Available at: [https://www.europawahl-bw.de/europawahlprogramm\\_cdu.html](https://www.europawahl-bw.de/europawahlprogramm_cdu.html) (accessed 06.06.2019).
2. Тимошенко Е.П. Выборы в Европарламент 26 мая 2019 г.: особенности избирательной кампании в Германии. *Научно-аналитический вестник Института Европы РАН*, 2019, № 2(8), сс. 52-59. [Timoshenkova E.P. Vybery v Evroparlament 26 maya 2019 g.: osobennosti izbiratel'noi kampanii v Germanii [European Parliament elections May 26, 2019: features of the election campaign in Germany]. *Nauchno-analicheskii vestnik Instituta Evropy RAN*, 2019, no. 2(8), pp. 52-59.] DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/vestnikieran220195258>
3. *Für ein Deutschland, in dem wir gut und gerne leben. Regierungsprogramm 2017–2021.* SCU. Available at: <https://www.csu.de/common/csu/content/csu/hauptnavigation/partei/parteiarbeit/gpa/Regierungsprogramm2017.pdf> (accessed 06.06.2019).
4. Gunther Krichbaum: *Wir müssen aufpassen, dass es keine wachsweißen Formelkompromisse gibt.* 12.09.2018. Available at: <https://www.cduscu.de/themen/aussen-europa-und-verteidigung/gunther-krichbaum-wir-muessen-aufpassen-dass-es-keine-wachsweißen-formelkompromisse-gibt> (accessed 31.11.2018).
5. *Аналитическая справка, включая оперативные данные по статистике внешней торговли между Россией и ФРГ за 2017 год.* [Analytical reference, including operational data on foreign trade statistics between Russia and Germany for 2017 (In Russ.)] Available at: [http://admin.ved.gov.ru/uploads/GRM%20\(1\).docx](http://admin.ved.gov.ru/uploads/GRM%20(1).docx) (accessed 24.12.2018).
6. Mehrheit der Deutschen sieht Russland als Gefahr. *Die Zeit*, 16.04.2014. Available at: <https://www.zeit.de/politik/deutschland/2014-04/deutsche-russland-allensbach-umfrage> (accessed 04.09.2018).
7. *Partnerschaft unter Spannung. Wie die Deutschen über Russland denken.* Warschau, Bertelsmann Stiftung, Gütersloh, Institut für öffentliche Angelegenheiten, 2016. 18 s.
8. *ARD-DeutschlandTREND. Juni 2018. Infratest dimap.* Available at: <https://www.infratest-dimap.de/umfragen-analysen/bundesweit/ard-deutschlandtrend/2018/juni/> (accessed 30.05.2019).
9. *Der Bayernplan. Klar für unser Land.* Available at: [https://www.csu.de/common/download/Beschluss\\_Bayernplan.pdf](https://www.csu.de/common/download/Beschluss_Bayernplan.pdf) (accessed 02.07.2019).
10. Хорольская М.В. Россия во внешнеполитических установках партий "большой коалиции". *Экономика и политика Германии: через год после выборов.* Москва, ИЕ РАН, 2019, сс. 87-96. [Khorol'skaya M.V. Rossiya vo vneshnepoliticheskikh ustanovkakh partii "bol'shoikoalitsii" [Russia in the Foreign Policy Directions of the Grand Coalition parties]. *Ekonomika i politika Germanii: cherez god posle vyborov* [Germany's economy and politics: one year after the election]. Moscow, IE RAN, 2019, pp. 87-96.]
11. *Positionspapier Russland. Positionspapier der CDU/CSU-Fraktion im Deutschen Bundestag. Beschluss vom 29. November 2016.* Available at: [https://www.cduscu.de/sites/default/files/positionspapier\\_russland\\_final\\_clean.pdf](https://www.cduscu.de/sites/default/files/positionspapier_russland_final_clean.pdf) (accessed 02.07.2019).
12. *Für eine starke demokratische und rechtsstaatliche Ukraine. Positionspapier der CDU/CSU-Fraktion im Deutschen Bundestag. Beschluss vom 27. November 2018.* Available at: [https://www.cduscu.de/sites/default/files/2018-11/Positionspapier%20-%20Ukraine%20Final\\_0.pdf](https://www.cduscu.de/sites/default/files/2018-11/Positionspapier%20-%20Ukraine%20Final_0.pdf) (accessed 25.06.2019).
13. *Kommt zusammen und macht Europa stark! Wahlprogramm für die Europawahl am 26. Mai 2019.* Available at: [https://www.spd.de/fileadmin/Dokumente/Europa\\_ist\\_die\\_Antwort/SPD\\_Europaprogramm\\_2019.pdf](https://www.spd.de/fileadmin/Dokumente/Europa_ist_die_Antwort/SPD_Europaprogramm_2019.pdf) (accessed 10.06.2019).
14. *Debatte um Nord Stream 2: Schwesig kritisiert Weber.* 24.04.2019. Available at: <https://www.n-tv.de/regionales/mecklenburg-vorpommern/Debatte-um-Nord-Stream-2-Swesig-kritisiert-Weber-article20984787.html> (accessed 30.06.2019).
15. Алифрова Е. *Газопровод EUGAL включен в план развития ГТС Германии на 2018–2028 гг. Окончательно.* [Alifrova E. *Gazoprovod EUGAL vklyuchen v plan razvitiya GTS Germanii na 2018–2028 gg. Okonchatel'no* [The EUGAL gas pipeline is included in the German GTS development plan for 2018–2028. Finally]]. Available at: <https://neftegaz.ru/news/transport-and-storage/193624-gazoprovod-eugal-vklyuchen-v-plan-razvitiya-gts-germanii-na-2018-2028-gg-okonchatelno/> (accessed 30.06.2019).
16. *Umsetzungsbericht 2019. Umsetzungsbericht zum Netzentwicklungsplan Gas 2018-2028 der Fernleitungsnetzbetreiber.* Berlin, FNB Gas, 2019. Available at: <https://www.fnb-gas.de/netzentwicklungsplan/umsetzungsberichte/umsetzungsbericht-2019/> (accessed 30.06.2019).

17. Spaltpilz in der Ostsee. *Schweriner Volkszeitung*, 23.01.2019. Available at: <https://www.svz.de/regionales/mecklenburg-vorpommern/Wird-mit-der-Gaspipeline-Nordstream-2-die-Sicherheit-in-der-Ostsee-aufs-Spiel-gesetzt-id22372977.html> (accessed 30.06.2019).
18. *Dialog – Vertrauen – Sicherheit. Voraussetzungen und Impulse für eine zeitgemäße sozialdemokratische Entspannungspolitik. Beschluss der SPD-Bundestagsfraktion vom 09.10.2018.* Available at: <https://www.spdfraktion.de/system/files/documents/positionspapier-spdfraktion-dialog-vertrauen-sicherheit-20181009.pdf> (accessed 20.11.2018).
19. Schmidt N. Sanktion gegen Russland. *Deutscher Bundestag*, 01.02.2018. Available at: <https://www.bundestag.de/mediathek?videoid=7197989&url=L21lZGlhdGhla292ZXJsYXk=&mod=mediathek#url=L21lZGlhdGhla292ZXJsYXk/DkmdXJsPUwyMWxaR2xoZEobGEyOTJaWEpZVVhrPSZtb2Q9bWVkaWF0aGVr&mod=mediathek> (accessed 25.11.2018).
20. Заславская Н.Г. Проблемы взаимодействия ЕАЭС и ЕС. *Управленческое консультирование*, 2017, №11, сс. 33-39. [Zaslavskaya N.G. Problemy vzaimodeistviya EAES i ES [Problems of interaction between the EAEU and the EU]. *Upravlencheskoe konsul'tirovanie*, 2017, no. 11, pp. 33-39.] DOI: 10.22394/1726-1139-2017-11-33-39
21. Лагутина М.Л. ЕС и ЕАЭС: проблемы и перспективы сотрудничества в современных геополитических реалиях. *Управленческое консультирование*, 2015, №11, сс. 124-136. [Lagutina M.L. ES i EAES: problem i perspektivy sotrudnichestva v sovremennykh geopoliticheskikh realiyakh [The EU and the EAEU: problems and prospects for cooperation in the current geopolitical realities]. *Upravlencheskoe konsul'tirovanie*, 2015, no.11, pp. 124-136.]
22. *Europas Chancen nutzen. Das Programm der Freien Demokraten zur Europawahl 2019.* Available at: <https://www.fdp.de/sites/default/files/uploads/2019/04/30/fdp-europa-wahlprogramm-a5.pdf> (accessed 27.06.2019).
23. Басов Ф.А. Россия в установках политических партий ФРГ. *Мировая экономика и международные отношения*, 2014, № 4, сс. 56-61. [Basov F.A. Rossiya v ustanovkakh politicheskikh partii FRG [Russia in the guidelines of political parties in the FRG]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, 2014, no. 4, pp. 56-61.]
24. *Beschluss des Bundesvorstandes der FDP, Berlin, 15. Juni 2015. Neue Ostpolitik – Liberale Außenpolitik für Frieden, Freiheit und Stabilität in ganz Europa.* Available at: <https://www.fdp.de/sites/default/files/uploads/2016/01/25/20150615buvoneue-ostpolitik-liberale-aussenpolitik.pdf> (accessed 27.06.2019).
25. Kessler M. *Christian Lindner im Interview. FDP-Chef plädiert für Realpolitik mit Russland.* 9.08.2017. Available at: [https://rp-online.de/politik/deutschland/christian-lindner-plaediert-fuer-realpolitik-mit-russland\\_aid-17738447](https://rp-online.de/politik/deutschland/christian-lindner-plaediert-fuer-realpolitik-mit-russland_aid-17738447) (accessed 30.06.2019).
26. *69. Ord. Bundesparteitag der Freien Demokratischen Partei, Berlin, 12.-13. Mai 2018.* Available at: <https://www.fdp.de/sites/default/files/uploads/2018/04/19/antragsbuch-69-ord-bundesparteitag-der-freien-demokratischen-partei-2018-18042018-143135-f.pdf> (accessed 30.06.2019).
27. Bijan D.-S. *Russland muss seinen Einfluss auf Assad geltend machen!* 23.02.2018. Available at: <https://www.bijan-sarai.de/russland-muss-seinen-einfluss-auf-assad-geltend-machen> (accessed 30.06.2019).
28. Lamsdorff: *Mass muss russische Regierung in die Pflicht nehmen.* *Freie Demokraten (FDP)*, 14.09.2018. Available at: <https://www.fdpbt.de/pressemitteilung/112594> (accessed 30.06.2019).
29. Ehni. E. *Grüne erstmals vor Union.* 06.06.2019. Available at: <https://www.tagesschau.de/inland/deutschlandtrend-1671.html> (accessed 10.06.2019).
30. *Europas Versprechenerneuern. Europawahlprogramm 2019.* Berlin, Druckhaus Berlin-Mitte, 2018. 194 s.
31. *Grünen-Vorsitzende fordert Abzug von US-Atomwaffen aus Europa.* *Die Zeit*, 24.10.2018. Available at: <https://www.zeit.de/politik/2018-10/annalena-baerbock-europa-die-gruenen-atomwaffen-abruetzung> (accessed 01.12.2018).
32. *Freihandel.* Available at: <https://www.gruene-bundestag.de/freihandel.html> (accessed 31.05.2018).
33. *Zukunft wird aus Mut gemacht. Bundestagswahlprogramm 2017.* Berlin, CPI books GmbH, Leck, 2017. 247 s.
34. Sarrazin M. *Die Krim gehört zur Ukraine.* 18.03.2019. Available at: <https://www.gruene-bundestag.de/presse/pressemitteilungen/2019/maerz/die-krim-gehört-zur-ukraine.html> (accessed 18.05.2019).
35. *Die Zukunft, für die wir kämpfen! Langfassung des Wahlprogramms zur Bundestagswahl 2017. Wahlprogramm der Partei DIE LINKE zur Bundestagswahl 2017 beschlossen auf dem Bundestagswahlparteitag, Hannover, 9. bis 11. Juni 2017.* Available at: [https://www.die-linke.de/fileadmin/download/wahlen2017/wahlprogramm2017/die\\_linke\\_wahlprogramm\\_2017.pdf](https://www.die-linke.de/fileadmin/download/wahlen2017/wahlprogramm2017/die_linke_wahlprogramm_2017.pdf) (accessed 18.05.2019).

36. *Europa nur solidarisch. Die Linke. Europawahl 2019. Wahlprogramm beschlossen auf dem Europaparteitag, Bonn, 22. bis 23. Februar 2019.* Available at: [https://www.die-linke.de/fileadmin/download/wahlen2019/wahlprogramm\\_pdf/Europawahlprogramm\\_2019\\_-\\_Partei\\_DIE\\_LINKE.pdf](https://www.die-linke.de/fileadmin/download/wahlen2019/wahlprogramm_pdf/Europawahlprogramm_2019_-_Partei_DIE_LINKE.pdf) (accessed 20.07.2019).
37. Dietmar Bartsch: Wegen historischer Verantwortung Russland nicht instrumentalisieren. *Fraktion DIE LINKE. im Bundestag*, 31.01.2019. Available at: <https://www.linksfraktion.de/nc/parlament/reden/detail/dietmar-bartsch-wegen-historischer-verantwortung-russland-nicht-instrumentalisieren/> (accessed 28.06.2019).
38. *Europawahlprogramm. Programm der Alternative für Deutschland für die Wahl zum 9. Europäischen Parlament 2019.* Available at: [https://www.afd.de/wp-content/uploads/sites/111/2019/03/AfD\\_Europawahlprogramm\\_A5-hoch\\_web\\_150319.pdf](https://www.afd.de/wp-content/uploads/sites/111/2019/03/AfD_Europawahlprogramm_A5-hoch_web_150319.pdf) (accessed 28.06.2019).
39. *Dr. Alexander Gauland im Gespräch mit Roger Köppel von der Weltwoche.* Available at: <https://www.afd.de/alexander-gauland-im-interview-mit-der-weltwoche/> (accessed 28.06.2019).
40. Ромашенко С. Один из лидеров АдГ Гауланд не отказывается от похвал в адрес вермахта. *Deutsche Welle*, 15.09.2017. [Romashenko С. *Odin iz liderov AdG Gauland ne otkazyvaetsya ot pokhval v adres vermakhta* [One of the leaders of AfG Gauland does not refuse to praise to the Wehrmacht]. *Deutsche Welle*, 15.09.2017.] Available at: <https://www.dw.com/ru/a-40534598> (accessed 28.06.2019).
41. *AfD fragt nach Rückgabe von Kulturgütern. Deutscher Bundestag*, 22.02.2018. Available at: [https://www.bundestag.de/presse/hib/2018\\_02/544328-544328](https://www.bundestag.de/presse/hib/2018_02/544328-544328) (accessed 28.06.2019).

## NEW IN FOREIGN POLICY ORIENTATION OF THE LEADING PARTIES IN GERMANY

(Analysis and Forecasting. IMEMO Journal, 2019, no. 1, pp. )

Received 17.07.2019.

Maria V. KHOROLSKAYA, Junior Researcher ([khorolskaja.marya@yandex.ru](mailto:khorolskaja.marya@yandex.ru)),  
Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian  
Academy of Sciences (IMEMO), 23, Profsoyuznaya Str., Moscow 117997, Russian Federation.

*Acknowledgements.* The article was prepared at IMEMO within the project of the Russian Foundation for Basic Research No 18-011-00464 "The Changing Role of Germany in the European Union Integration and Transatlantic Processes. The Challenges for Russia".

The article is devoted to the changes in the Germany's foreign policy views regarding the European crisis, the deterioration of transatlantic relations and the tensions between Russia and the West in the modern period. Acknowledging the pivotal role of parties in the German political system, the author analyzes their views on the future development of the EU, interactions with the United States and Russia. Study of the parties' positions allows not only to understand the specifics of German political discussions, including on relations with the Russian Federation and the policy of sanctions, but also to predict how volatile the German foreign policy can be in the case of a new governing coalition. The research is based on the parties' official documents and statements as well as on the author's own interviews with the representatives of the German leading political parties.

Basing on an analysis of a wide range of sources, the author comes to a conclusion that the positions of the left-center and center-right parties are close in fundamental questions, which demonstrates the stability of the German foreign policy. Leading German parties, with the exception of "AfG", support the deepening of European integration. Political transformations are in general supported by the centrist parties. They advocate for increasing role of the European Parliament, development of the Common Foreign and Security Policy and the PESCO Program and the reform of the Dublin system. But disagreements still exist regarding social and economic issues. The SPD, the Union 90/The Greens, as well as the Left Party, support the development a single social system of the EU, the CDU/CSU and the FDP strongly reject it, but advocate the introduction of measures for preventing economic crises. Almost all German parties criticize the policy of Donald Trump, but at the same time note the importance of transatlantic ties for the Federal Republic of Germany.

The CDU/CSU, the SPD, the FDP and the Union 90/The Greens criticize the policy of Moscow in Ukraine and Syria crises, and also support the sanctions policy. The Social Democrats idea of the special soft policy towards Russia does not look consistent. Only the "AfG" and the Left Party advocate for lifting the sanctions and rapprochement with Russia. While the Left Party helps to convey the Russian point of view on the causes of the current crisis to the German public, wide contacts with the "AfG" could only discredit our country. At the same time, supporters of improving relations with Moscow also exist inside the center-right and central-left forces: usually pro-Russian views are more common among the representatives of the East of Germany, federal states with strong economic contacts with Russia and the "older generation" of party officials.

**Keywords:** Germany, foreign policy, EU, USA, Russia, CDU / CSU, SPD, FDP, Union 90 / Green, Left Party, "Alternative for Germany".

About author:

Maria V. KHOROLSKAYA, Cand. Sci. (Politics) Junior Researcher, Sector of Political Aspects of European Integration, Department of European Political Studies.

**DOI:** 10.20542/afj-2019-1-70-85

